

Crème de la Crème

ПЬЕР ГИЙОТА

ВОСПИТАНИЕ

Перевод Валерия Нугатова

KOLONNA Publications

ББК 84.7 ФР

Pierre Guyotat
FORMATION

Авторская пунктуация сохранена

*В оформлении обложки использована
фотография из архива Пьера Гийота*

Редактор: Дмитрий Волчек
Оригинал-макет и верстка: Сергей Фёдоров
Обложка: Алексей Кропин
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© Éditions Gallimard, 2007
© Kolonna Publications, 2011
© Валерий Нугатов, перевод и примечания, 2011

ISBN 978-5-98144-138-7

Это рассказ о чувственном, эмоциональном, интеллектуальном и метафизическом воспитании ребенка, родившегося в начале Второй мировой войны, в деревне на юго-востоке Франции, в *старинной*, католической, небогатой семье. Как и большинство своих текстов, я написал его в настоящем времени: за очень небольшими исключениями. Чувства, мысли, вопросы принадлежат ребенку, – беспрестанно задающему их старшим, – и затем юноше, – в четырнадцать лет решающему стать писателем, – а возникающие при этом идеи, убеждения, терзания обусловлены его окружением, временем, местом.

- 6 Наша мать, рожденная в 1907 году от французских родителей в Польше, в городе Челядзь под Краковом, в детстве и отрочестве не раз проезжает с братьями и сестрами деревню Освенцим – в коляске, затем на машине.

1940 год: едва армия разгромлена и города оккупированы, на всей территории Польши в полную мощь разворачивается гитлеровский террор, разрушая политическую, административную, интеллектуальную и духовную структуру страны.

Я рождаюсь в большой заснеженной деревне Бург-Аржанталь, что в департаменте Луара, 9 января 1940 года, в полвторого ночи, но еще долго считаю, что 7-го, а наша мать поздравляет меня с днем рождения 11-го.

Нарвик*: франко-английский альянс пытается перерезать немцам железнодорожный путь в Норвегию: в боях погибает кузен нашего отца.

Франция, начало июня 1940 года: уже девяносто тысяч погибших, бомбардировки городов на севере, востоке, западе; массовое бегство.

Еще в Лондоне генерал по имени Шарль де Голль, заместитель военного министра в правительстве

Поля Рейно*, выполняя поручение при британском правительстве, настойчиво передает по телефону председателю Совета предложение Черчилля о слиянии двух государств – Франции и Великобритании – в одно, в целях борьбы.

Двадцатидевятилетний кадровый офицер пехоты Пьер Вианне, один из братьев нашей матери, попадает в плен в лесу Алатт к северу от Парижа, убегает 14 июня, перебирается в Северную Африку – в июле он вступает там в ряды первых отрядов «Свободной Франции»*.

Дофине, окрестности Гренобля: в начале июня двадцатитрехлетний Филипп, еще один брат моей матери, закончив в 1938 году семинарию Исси-ле-Мулино и получив в Сен-Сире* воинское звание «Двадцать лет спустя»*, сражается против немцев под командованием капитана Галлиена, бок о бок со старшим сержантом Абд-эль-Кадером. На поле Вореппской битвы* его производят в лейтенанты, и за пару часов до прекращения огня он останавливает немецкое наступление.

*

Зима 1940–41 годов: Бург-Аржанталь на юге департамента Луара, небольшой области, граничащей с Ардешем, Роной и Верхней Луарой.

Я первогодок. Сажу на ковре «с печатью Директории»* в нашей гостиной, у окна, очень яркое зимнее солнце размывает мои очертания. Окно в форме солнца. Большое тело склоняется в этом свете красивой тенью, приседает передо мной, поднимает меня во весь рост, целует и говорит что-то на ушко.

Это Юбер, самый младший из четырех братьев моей матери, ему как раз исполнилось двадцать.

Сама История – уже обожествленная – берет меня на руки и говорит со мной.

Эта живая плоть, в которой струится кровь моей матери, прижимается к моей, поглощающей вместе с молоком чужое сознание, и готовится вступить в адское пламя; эти глаза, куда я смотрю в лучах солнца, увидят чудовище и его псов, его дубины и удавки, его газы и клещи для зубов.

8 Еще две зимы, и дыхание над моим ухом иссякнет, рассеется в мучительных атаках.

Что отвечает мой рот в это самое ухо, где пару месяцев спустя приказы навсегда сольются с собачьим лаем?

*

История человека: сначала встать и пойти: мои первые шаги той же зимой, на том же ковре: вокруг много людей, снаружи в поселке густой снег, меня ослепляет солнечный свет, рука матери на моем плече и бедре, моя правая нога делает шаг, мои руки подняты передо мной, моя левая нога... и колени чуть дальше – мой отец пятится, чтобы я шел дальше сам.

Помимо образа этого нежного существа, Юбера, потусторонний образ Истории, сначала я слышу, а затем вижу его на иллюстрациях: во время оккупации радио ставят на первой полке кровати с дверцами, в нашей столовой, очень светлой комнате, чьи окна выходят в центр деревни и на отрезок мощеного шоссе, ведущего к Роне и на юг.

Дефицит угля вынуждает нас проводить весь день в этой единственной отапливаемой комнате – наши детские в глубине дома и комната наших родителей обогреваются лишь бойлером в прихожей, где телефон звонит по двадцать раз в час, до поздней ночи, нередко до рассвета. Мы играем в этой светлой

комнате с камином, вокруг большого стола, с дубовой крышкой над бретонской мешалкой*, в которую спускаемся и прячемся. Не в этом ли обиталище, куда еще не могу залезть к самой младшей из моих сестер, или все же на руках у матери слышу я в шесть месяцев восемь дней речь Филиппа Петена* о перемирии, в полдень 17 июня 1940 года? А его обращение 25 октября после рукопожатия с Гитлером в Монтуаре, через двадцать два дня после принятия

9

*

Двадцативосьмилетняя Сюзанна, одна из двух сестер моего отца, до войны подрабатывающая няней на межконтинентальных теплоходах и попутно учащаяся на юридическом факультете, занимается в ту пору сортировкой греческой патристики в Лионском университете; с самого начала оккупации она становится активисткой подполья: «Христианское свидетельство», «Борьба».

Как-то ночью я вдруг просыпаюсь в кровати у себя в комнате, на меня смотрит серый плюшевый медведь, лежащий на соседней кровати, приготовленной для моего будущего братика: стеклянные глаза блестят в свете фонаря набережной и в лунных лучах, проникающих сквозь ставни; друг становится врагом. Крики, одышка, дрожь. Наша мать приходит и берет меня на руки, затем относит в родительскую постель, кладет между собой и моим отцом, спящим от одного до другого вызова к роженицам в горные деревни. На несколько ночей я остаюсь там, где тепло и пахнет, словно в святая святых.

Медведь, даже спрятанный на дне шкафа и приобретаемый для моего нерожденного брата, постоянно

меня пугает, будто свидетель архаичного этапа моей коротенькой жизни, который я уже отвергаю, – *прошлое не осознается, значит, его нет и никогда не было*, – немой свидетель моих первых шагов и опытов, а также моих снов, маленьких ночных молитв, глухо-немой и вечно желающий узнать больше. Попутное открытие, что животные осуждают нас за то, что мы охотимся, ловим, убиваем их?

10

14 июля 1941 года, в результате многомесячной подготовки, установки оборудования и выбора названия, на следующий день после концерта в Шайо*, где Шарль Мюнш* дирижирует «Девятой симфонией» Бетховена перед многочисленной публикой, состоящей из французов и нескольких немцев, – Филипп, сидящий со своей женой Еленой (осиротевшей русской, дочерью большевика и меньшевички), на пару секунд робеет перед зрелищем этой сплоченной красоты, – первый номер «Защиты Франции», подпольной газеты, основанной осенью 1940 года Филиппом и Робером Сальмоном, отпечатывается на ротапринте «Симона»*, – купленном на деньги Марселя Лебона, предприимчивого друга Филиппа, переезжающего с улицы Ломон к нашему деду на улицу Берто-Дюма в Нейи, а затем в подвал Сорбонны, – и тотчас распространяется в Париже, а через товарищей-подпольщиков и в провинции. В 1942 году Филипп встречается с печатником Гру-Радне, который в ту пору обеспечивает техническое обучение активистов.

*

Утром четверга 1942 года, в рыночный день, пока наш отец принимает и лечит пациентов в своем кабинете внизу – рентгеновский аппарат, черные

шторы, – я спускаюсь по витой деревянной лестнице из кухни в комнату ожидания; вверху по радио увертюра к «Травиате» – большая редкость днем: это мать, возвращаясь с покупками, включает музыку, чтобы почитать под нее газету? Я спускаюсь, в комнате не протолкнуться: рабочие, в основном крестьяне, запахи молока, бархата, тика, кожи, навоза, скота, пихты; плевательница.

Я хочу подняться наверх, но из кабинета выходит высокая женщина в чепце монахини, из Больницы-Родильного дома-Приюта, держа за руку нашего отца: это сестра Зоя. Заметив, что я спускаюсь обратно и шагаю им навстречу, она хватает меня и, по-бургундски раскатисто произнося «р», сильным и добрым голосом говорит:

– Сколько в нем достоинства! Прелатом станет...

Когда 23 мая 1941 года рождается мой брат Режи, я уже бегаю и много разговариваю: мы входим в комнату моей матери, где она лежит с младенцем. Я прижимаюсь животом к простыне, ниспадающей с кровати. Мои слезы капают на декольте матери. Ставни закрыты от солнца, русская икона с девицей Марией над кроватью.

Мать дрожит, но следует сохранять достоинство перед Господом, перед вечностью: трое из ее братьев – им она тоже мать, ведь родная умерла при родах последнего – служат, двое во внутреннем Сопротивлении, один в «Свободной Франции», в Африке, где воюет под начальством Леклерка* и затем Кёнига* в Феццане*, – говорят, они, страдая от жажды, пьют из касок собственную мочу; одна из трех ее сестер, двадцатипятилетняя Клотильда, сражается рука об руку с братьями.

Среди прочих великих операций «Свободной Франции» с конца мая по начало июня, в Ливийской пустыне, в Киренаике, на позиции Бир-Хакайм*, пять тысяч двести «французов» Кёнига, вступающих в бой на стороне британцев, три тысячи семьсот человек без танков, но с противотанковым вооружением, погребенные вместе со своим оружием, оказывают сопротивление итальянцам Престиссимионе* и немцам Роммеля*, солдатам и танкам. Роммель пишет: *«На африканском фронте я никогда еще не видел столь ожесточенного сражения»*. Об этом отпоре и успешном выходе из окружения сообщают первые полосы британских газет: *«Бир-Хакайм стал почетным форпостом и оплотом нашего боевого фронта»*. *«Оборона Бир-Хакайма явилась одним из самых великолепных военных подвигов»*.

В сводке британской штаб-квартиры в Каире о вылазке защитников говорится: *«Войска «Свободной Франции» из гарнизона под начальством генерала Кёнига [...] сыграли ключевую роль в срыве вражеских планов»*.

Их превосходные боевые качества заслужили восхищение Объединенных наций».

Через два дня после 14 июля, торжественно отмечаемого во всем мире и на пока еще не оккупированной территории Франции, в ходе операции «Весенний ветер»*, подготовленной Гейдрихом*, Буске*, девять тысяч солдат из вооруженных сил Виши арестуют более двенадцати тысяч евреев, «иностранцев либо иностранного происхождения», из двадцати восьми тысяч трехсот восьмидесяти восьми намеченных. Семь тысяч из них помещают на Зимнем велодроме, под перегретыми стеклянными крышами*.

Все становится редким и дорогим: молоко, сахар, мука, бензин; даже за городом, в горах. Нежелание участвовать в спекуляции усугубляет нищету; крестьяне нашей области бедны, лишь некоторые обогащаются на черном рынке. У моих братьев, сестер и у меня головы большие, а ноги худые. После оккупации 11 ноября 1942 года так называемой «свободной зоны» молчаливость и нищета усиливаются.

Мэрия и городской совет, назначенные Виши, сотрудничают с оккупантами, что сурово осуждается почти всеми: крестьянами, ремесленниками, рабочими, служащими. О добровольном коллаборационизме большинства наших и влиянии Виши на муниципальную власть следует помалкивать: наши родители, вдобавок к тому, что отказывают себе ради нас в пище, сдерживают себя и в речи; две жертвы, которые мы замечаем, но держим в тайне.

В католическом детском саду, которым заведуют сестры из Третьего ордена* во главе с директрисой по кличке «Мезеф»*, владелицей огромных ножниц, девочки и мальчики вперемешку снимают свои обручи, повешенные на стене рядом с блузками, кашне и шерстяными шлемами. Споем «Маршал, вон где мы»? Почему «вон», а не «вот»? Вон где мы, но ведь нас там больше нет. Вот где мы: мы тут. Здесь тоже надо молчать и не следует говорить о том, что надо молчать.

Теперь мой брат спит в кровати рядом с моей, в комнате мальчиков, между «гостевой» и более просторной комнатой девочек в глубине здания.

Сам я уже разговариваю и жду не дождусь, когда он тоже заговорит.

Наша мать каждый вечер рисует большим пальцем крестик у нас на лбах.

14 Ночью, сквозь закрытые ставни летом и заиндевевшие стекла зимой, я слушаю рокот воды, горной реки на скалах под домом; с голосом нашей матери мы постигаем тайну Сына Божьего и Бога Отца, я слышу в этом шуме, громком зимой, напевном весной и тяжелом летом, глас Господа и уже начинаю чувствовать, что происхожу от Него; однажды летом я вижу, как крысы бегут по набережной, вдоль пенящейся воды, загрязненной небольшими заводами, текстильным и деревообрабатывающим, выше по течению. В лужах на скалах я также вижу рыб, символ жизни, дарованной Господом.

Наш отец, живущий теперь впроголодь, – хотя «*Benedicite*»* перед каждой едой по-прежнему серьезна и радостна, – работает далеко в горах: в долгий снежный сезон с ноября по середину марта он все чаще ездит не на машине, а на мотоцикле или ходит на лыжах. Когда он возвращается вечером, а иногда и поздно ночью, мы уже лежим в постели, но даже сквозь сон слышим его шаги.

Он набирается сил у своих пациентов, у детей, помогая им явиться на свет, порой на большом столе в общей комнате какой-нибудь фермы. Чем возместить нехватку, от которой страдают люди всех возрастов? Даже обедневшие крестьяне и мелкие сельские лавочники кормят партизан, чье число растет из-за лишений и угрозы всеобщей трудовой повинности. Их защищают высокие пихтовые леса между Луарой, Ардешем и Верхней Луарой. Иногда отец приходит вечером с зайцем или дроздом в руке.

Уже умея немного читать, я листаю и перелистываю «Сказки Дядюшки Бобра»*, «Гедео́на-Заправи́лу»* и, особенно, «Кролика Питера» Беатрис Поттер*: запретное, мистер Мак-Грегор, страх, материнская нора, ромашка.

Наша мать ездит на велосипеде на фермы и в деревушки, граничащие с Ардешем, и покупает немного яиц, масла, молока.

15

Летом 1943 года наша тетка Сюзанна, с 1941-го руководящая южным отделом подпольной организации «Защита Франции», – тайная газета выходит тиражом 300 тысяч экземпляров, – наращивает перевозки между Лионом и Парижем газет и поддельных документов, отпечатанных на газетных станках, для участников Сопротивления и еврейских семей. Она всегда действует отважно и хладнокровно.

Наш дед по материнской линии, капитан, прошедший под начальством Петена от Эпаржа до Вердена, перевозит между Парижем и Лионом подпольные листовки своего сына – хоть и не одобряет сам метод агитации: знание немецкого позволяет ему беспрепятственно проходить КПП.

20 июля 1943 года, на встрече в «Обете Людовика XIII»*, книжном магазине в Сен-Жермен-де-Пре, множество участников «Защиты Франции», в том числе нашего дядю Юбера и его невесту Женевьеву де Голль, племянницу генерала, арестуют по доносу бывшего члена организации. Юбера сажают сначала во «Френ»* на пять месяцев.

Я учусь читать, писать и считать. Наша мать раскрывает на коленях иллюстрированную детскую Библию: все истории связаны с едой, от Евиного яблока до евхаристии... Все, что я слышу, вижу и читаю, мне снится ночью – прутья моей кровати становятся колоннами и портиками; шары куполами: голубка Ноя и оливковая ветвь, – я с трудом, точнее, с опозданием, понимаю, как она может означать, что вода отступила, – мало-помалу история Иосифа, проданного братьями, перекрывает убийство Каином Авеля, Моисея в колыбели на Ниле, казни египетские; вместе с почти уже бескрайними просторами.

Мать объясняет нам, какой народ действует в этой поэзии, что он всегда от мира сего, что она познакомилась с ним в детстве, и для нас это сотворение мира, а стало быть, Эдемский сад и выходящий оттуда народ, – что ей тогда известно, помимо того, что знают ее братья и сестры, про обхождение Гитлера с этим народом в Польше? – в то время как я пробуждаюсь и с дрожью участвую в его изначальной эпопее: мы, дети, являемся в ту пору этим народом, есть лишь один народ, или даже нет еще ни одного. Первый человек – Адам, мы можем назвать имена его прямых потомков, читаем, слушаем об их деяниях, но что же это за народ с его патриархами, судьями, царями, походами, гневом, загадочными страстями?

Это первый мир, который я открываю наряду с тем, что вижу вокруг; почти все считалки меня пугают, в отличие от неопалимой купины, я так пристально смотрю на ее изображение, что она искрится и потрескивает. Мне издавна хорошо лишь с этими предками, Благовещение, Рождество, Богоявление ближе оттого, что разыгрываются перед

нами во время церковных служб на святках. Мы из того же народа, что и Христос, который происходит от Давида, происходящего от первого человека Адама. И поскольку Христос – еврей, его Отец, Господь, тоже еврей.

В то время как я начинаю запоминать различные места у нас дома, снаружи и внутри, представлять их, не видя глазами, я помещаю отдельные, наиболее существенные эпизоды Библии в эти, уже хорошо знакомые мне места.

17

Горящий навоз я превращаю в неопалимую купину; провожу армию фараона по наполненной водой или высохшей расселине на уровне глаз, словно между водными стенами Чермного моря; с неба определенных оттенков, розового либо золотистого, по-новому и неожиданно свежего, безмолвнее обычного, падает манна – снег, булочки, крошки, – я ощущаю ее на плечах, могу взять в руку; тяжелая золоченая игрушка становится Золотым тельцом, поваленный грозой километровой столб – скрижалю Завета; мало того, сияющий просвет меж облаками олицетворяет вход в божественный чертог, наше «грядущее» место назначения.

Но что такое «грядущее» для маленького ребенка, которого не бомбят на дороге, не везут в вагоне для скота, не загоняют в газовую камеру?

Мать говорит нам о скором избавлении – Израиль, освобожденный от фараона, Франция, освобожденная от Гитлера, – но как мы, малые дети, ощущаем несвободу того, что еще не умеем очертить: Франции? Однако образ лестницы Иакова с подземной темницей, лестницы, устремленной в небесную высь – к свободе, – и горний свет кажутся мне тогда,

скорее, олицетворением надежды, теплящейся в сердце матери, нежели той преемственности, которую я пока не в силах постичь.

Из рассказа о Вавилонской башне и по отзвукам некоторых немецких голосов я понимаю, что другие говорят на иных языках, и что, помимо нас, есть много разных людей.

18

Зимой 1943–44 годов сент-этьенские польки, опасаясь бомбардировок, поднимаются из долин Ондены и Жье в так называемые «добрые края», по ту сторону массива Пилат, на наш, южный склон, к предгорью Роны, дабы поговорить с нашей матерью на родном языке. Где они спят в деревне? Где прячут своих детей? Утром они устраиваются у нас, между кухней и гостиной, на табуретах, в платьях, корсажах и ярких шалях, и вяжут пеструю шерстяную одежду. Они много разговаривают между собой и хватают нас, когда мы бегаем по квартире. Наша мать отвечает им, попутно ухаживая за нами вместе с нашей горничной Жанной, принимает и делает телефонные звонки – о серьезности положения можно судить по голосу и объяснениям, нередко на патуа, разновидности франко-провансальского диалекта, по тому, как сообщаются имена и местожительства пациентов кому-то в горах, кто затем передает их нашему отцу, когда он заходит в такое-то кафе, магазин, бар.

Моя мать отвечает всегда задумчиво.

Как-то вечером той же зимой я лежу, отдыхая после трудной клизмы: наша мать сидит у моего изголовья и поит меня из миски бульоном. На улице ночь, снег и тишина, не считая божественной горной реки со звенящим льдом: инструменты для промывания

все еще блестят на полу в углу комнаты. Мать кладет руку, нагрешуюся от миски, на мой больной живот; на набережной слышны громкие голоса: пульс матери на запястье ускоряется; дверцы хлопают иначе, нежели в гражданских автомобилях, голоса усиливаются, устремляясь с напором горной реки из моих ушей прямо в нутро: дьявольская речь посреди ледяной речи Бога Отца.

*

19

В марте 1944 года Юбера, угнанного через Компьень в Германию, переводят из лагеря Нейенбремме под Саарбрюккеном – систематические изнуряющие упражнения, ползание, тяжести, стойка на кончиках пальцев в течение многих часов, палочные удары, пинки, утренние и вечерние переклички, собаки, виселицы; сто граммов хлеба и тарелка травяного супа в день; три пятых заключенных погибают уже на пятую неделю; никто не выживает дольше трех месяцев; Юбер держится восемьдесят шесть дней – в лагерь Ораниенбург-Заксенхаузен* под Берлином, куда помещают старшего сына Сталина, Якова, кончающего там с собой*.

В апреле Филипп, продолжая руководить «Защитой Франции» (суровые и тревожные редакционные статьи он подписывает «*Indomitus*»¹), создает партизанское движение Сены-и-Уазы, что облегчает наступление союзников на Париж.

31 мая 1944 года, *Revier*² лагеря Заксенхаузен: пожилой господин де Вомкур, заключенный участник

1 Непокоренный (лат.).

2 Санчасть (нем.).

Сопrotивления, находит тело Юбера, больного туберкулезом, потерявшего две трети веса и умершего от инъекции фенола*.

20

В июне 1944 года Сюзанну, сестру моего отца, арестуют в Париже во время перевозки удостоверений личности для еврейских семей; ее три дня пытаются в гестапо на авеню Фош, а затем угоняют через Компьень в Равенсбрюк, Бранденбург. «*Nacht und Nebel*»*. Газовая камера, кремационные печи, экспериментальный блок – пересадка костной ткани молодым польским участницам Сопrotивления. Избитая, голодная, псы кусают за ноги. Иногда по воскресеньям, когда охранникам скучно, заключенных девочек, девушек, женщин, старух заставляют раздеваться и ходить нагишом перед ними – вооруженными, пьяными, с собаками на поводках: смеясь и рыгая, солдаты обсуждают наготу каждой заключенной.

В лагере Кёнигсберг-на-Одере, куда ее переводят осенью, девятьсот женщин, кишаших паразитами, без сменной одежды по два сезона, на земляных работах при -25° , а вскоре и при -30°C (зима в Бранденбурге наступает в октябре), в одном лишь платье и тонком свитере до самого декабря, когда им швыряют дополнительную одежду: тонкое пальтецо, кружевное платьишко или непромокаемый плащ. Работы по выравниванию аэродрома, под сильным ветром, подчас валящим наземь. В другом месте группа женщин, запряженных в какой-то плуг, разрезает дерн на куски, которые еще одна группа переносит дальше; другие вырывают мотыгами из мерзлой земли рельсы для вагонеток; еще одна бригада, в лесу, в пяти километрах от лагеря, выкорчевывает деревья, грузит их на вагонетки и разгружает поодаль.

Возвращение пешком в лагерь, краткий сон в непросохшей одежде.

Единственная тарелка супа на весь день: на улице, на стройплощадке; стоя; на замерзшем дне солдатского котелка. Вечером кусок хлеба. Ничтожные придирки, лишь бы оставить без еды. Переключки, утром и вечером, с собаками и кнутами. Удары, плевки, пинки.

Перевод в *Revier* при температуре 40, и только вечером. Дизентерию не лечат никогда; язвы от авитаминоза перевязывают редко.

21

*

В июле 1944 года партизаны северного Ардеша, северной Верхней Луары и южной Луары неотступно преследуют немецкие войска, отброшенные к северу американцами и французами, в долине Роны и на проселочных дорогах, у долины Форез. Мы с матерью в горах, на перевале Траколь, границе департаментов Луара и Верхняя Луара. Все впятером селимся на ферме-кафе Баше: в двух мансардных комнатках; едим – топинамбуры, брюкву – в маленькой столовой с бумажными цветами, прилегающей к комнате, где теснятся крестьяне, дальнобойщики, лесничие, коммивояжеры. Мы много играем на лугу за фермой и на мощеном дворе перед ней; со старшими девочками хозяев, Маринеттой и Сильветтой. Вечером смотрим, как они доят коров в хлеву: блондинка Маринетта, с крепким телом, затянутым в корсаж, в хорошо выстиранном фартуке, дергает испачканное навозом вымя над ведром. Когда ведро наполняется, брызги молока блестят в полумраке на ее шее и хохочущем лице, в отсветах красного заката.

Днем мать ведет нас в лес напротив фермы, за дорогой: мне хочется задержаться у высокого

пограничного столба меж двумя департаментами, поставить одну ногу в одном, а другую в другом и почувствовать разницу.

22

Вначале мы шагаем вдоль опушки этого леса, что видится и кажется нам бескрайним, это и впрямь весьма протяженные высокогорные леса, темный Тайяр с его главной вершиной Пифарой, 1381 метр. Водораздел между севером и югом страны, которую после утренних и вечерних рассказов матери о Земле обетованной мы начинаем воспринимать как Францию, Францию освобождающуюся.

Стропы вдоль опушки, внизу юго-восточного края этого большого массива пихт и каштанов, в двенадцати километрах, если двигаться по очень извилистой дороге меж поселками, в слегка мгlistой дыре, мы видим нашу деревню с красными крышами. Мы входим в лес – следы партизанского бивака, поляны, пурпурные наперстянки, тритоны, – совершаем по две прогулки в день.

Наш отец поднимается каждый вечер, когда мы уже в постели. Часто по ночам на ферме звонит телефон, отец должен встать, одеться и уехать в угрожающую темноту, спуститься в городок или подняться выше по массиву.

Однажды под вечер в середине июля та сторона леса, что соседствует с деревней и которую называют Каштановой рощей, вновь загорается, как и каждое лето. С высоты мы видим пожар в гаснущем свете дня. Река, отделяющая внизу, в поселке, первые деревья этого леса от старых рабочих кварталов, построенных на воде, берет исток в лесу, на опушке, откуда мы смотрим на пылающую дыру. Служит ли это красное зарево, что постепенно уменьшается, сливаясь с закатом, для нас, для нашей матери

предвестником затухания войны – по крайней мере, в этой части Европы?

20 июля, в день неудачного покушения на Гитлера*, Филиппа ранят при Овер-сюр-Уаз: шесть пуль, в руку, грудь, ляжку, ногу и плечо.

Клотильду, одну из сестер нашей матери, активистку подполья, арестуют и бросают за решетку во «Френ».

23

*

В ходе наступления союзников в долине Роны наш дядя Пьер расквартировывает свою роту алжирских стрелков в нашем семейном доме в Сен-Жан-де-Бурне, где живет наша тетка К. со своими детьми: ее муж сбегает из лагеря для пленных офицеров в Германии, его снова берут в плен и сажают в карцер крепости Кольдиц.

Во время боев, ускоряющих отступление немцев и наступление войск «Свободной Франции», которым помогают местные партизаны, наша деревня под огнем: ружья, пулеметы. Нацисты, вместе с остатками милиции и французского гестапо, загоняют партизан в арендуемый нами сад. Нашего отца арестуют вместе с другими жителями городка, обыскивают, прижав к тыльной стене нашего дома; типография.

Почтамт, над которым мы живем, служит мишенью для немцев. Мы прячемся под кроватями в комнате девочек, в несгоревшей части Каштановой рощи или у нашей тетки Шанталь, выше в квартале Котаволь. Наш дед Вианне сидит перед окном, выходящим в центр деревни. Пуля разбивает стекло в паре миллиметров от его большой седой бороды.

Из этого же окна мы видим, я вижу, как удирают члены муниципалитета, назначенные Виши, и другие коллаборационисты, в черных автомашинах, на северо-восток и на юг.

24

В конце августа генерал де Латтр* отправляется с Первой армией на освобождение Сент-Этьена: в преддверии боев множество детей эвакуируют из этого горнопромышленного города в деревни массива.

Один, на два–три года старше меня, – его имя звучит революционно, как и многие имена той эпохи, – приезжает к нам под вечер на автобусе.

Он спит в нашей комнате, на третьей кровати, играет с нами, у него очень мало одежды, но есть школьная блуза: он что, из выживших учеников школы Тарди в Солнечном квартале, разбомбленном союзниками, где погибло шестеро детей? Мы пахнем деревней, лесом, травой, пихтой, свежестью: молоко, навоз, кофе, мы очень быстро распознаем его городской запах, дух рабочего квартала.

Мать ведет нас гулять по холмам вокруг деревни. С матерью мы показываем ему природу: растения, ящериц, птиц, лягушек, воду; а с ним наедине вытаскиваем из земли червяков, ловим кузнечиков и самых мелких съедаем живьем. Иногда, если удастся стащить из кухни спички и коробок с остатком серы, пока не видит мать, лежащая в шезлонге под пихтами, мы поджариваем на земле маленьких слизней и черных муравьев, которых пожираем у него на глазах. Мы придумываем испытания: пробраться сквозь заросли ежевики, подойти к гадючьей норе

у задней, восточной стены сада, пробежать с открытым ртом сквозь рой мошканы; или грозовым вечером – гром с заводской стороны, выше по течению – повалиться на грядке молодой крапивы. Молнии, гром, мельтешение насекомых, сырость от горной реки и крысы; кошачьи вопли на бетонной урне по ту сторону набережной; мы толкаем мальчика перед собой в крапиву и сами валяемся вместе с ним, а он кричит, плачет, отбивается. Мы поднимаемся уже с сыпью на коже, на ляжках, коленях, руках, шее, и бежим в верхнюю часть сада, где рядом с фонтаном в простую бочку стекает вода из горного родника, которая, выливаясь из отверстия вниз, орошает сад, мы входим в теплицу, куда садовник складывает свой инвентарь, свои овощи и цветы; на случай осиных и пчелиных укусов он хранит здесь пузырек с уксусом, заткнутый тряпкой. Мы обмазываемся уксусом, но внутри у меня уже боль сильнее укуса, ощущение, что я совершил самую большую, самую непростительную жестокость на свете; и главное, над самым слабым для меня тогда существом, сыном рабочего, спасающимся от бомбежки, беженцем; общественное преступление и нарушение слова, данного матери, которая просит нас после приезда ребенка взять его под свою защиту. Я поднимаюсь в квартиру к полднику, а затем, пока мать не видит, снова спускаюсь один, сажусь, переворачиваюсь и ложусь ничком в крапиву, и затем даю себе слово возвращаться сюда каждый день своей жизни, то есть завтра, послезавтра... Я слышу, как машина отца проезжает арку под нашим домом, разворачивается во дворе и становится капотом к выходу. Я встаю и прячусь в одном из шалашей справа в глубине: опасаясь не того, что отец застанет меня одного

в саду, а того, что он увидит, как я умерщвляю свою плоть, ведь никто, кроме ока Господня, недреманного в ту пору, не должен видеть этот акт наказания и искупления. Наиболее значительные поступки должны оставаться тайными. Что я мог бы сделать для этого ребенка, дабы загладить причиненную ему жестокость? Какой любовью его пронизать?

- 26 Через пару дней после перехода Первой французской армии через Ардешские горы части Американской армии поднимаются по шоссе 82, пересекающему нашу деревню в направлении к перевалу Республики и Сент-Этьену, и останавливаются. «Джи-эм-си»*, джипы и танки, грохочущие гусеницами, выстраиваются в центре вдоль площади Жанны д'Арк и Почтамта, над которым мы обитаем. В этом месте шоссе сильно разбомбили, машины кренятся к тротуару, к нам; население бурно приветствует их на местном диалекте; раздавая шоколадки и жвачку, солдаты поднимают нас на танки: в ту эпоху всемирного европейского господства Америка ассоциируется для нас с Христофором Колумбом, индейцами, чернокожими рабами и вот теперь с *танком*. Не нация, а библейская целина: наши детские глаза смотрят на мир с точки зрения франко-английской империи, всемирной даже во время войны. В своих вечерних молитвах наша мать упоминает, помимо народов Империи, еще и жителей Китая, сваливая в кучу националистов и коммунистов, присоединяющихся к западным силам со своими массовыми невзгодами.

*

Через пару дней, решив съездить в разведку на другой берег Роны, в семейный дом, где живет наш

дед по материнской линии, прежде чем вернуться на зиму в свою квартиру в Нейи, наш отец, впервые после вторжения в «свободную зону», частично оккупированную Италией, на пару часов прерывает работу: он везет меня в своем зеленом кабриолете «фиат», купленном по случаю до войны: бежевый чехол сложен сзади. Это моя первая сознательная поездка, я сижу рядом с ним, спереди. Почти все время он прижимает меня к себе. У него мало бензина.

Из рассказов нашей матери я уже год как знаю, что народ этой Империи, римляне, жили в нашем районе, что они его создали, а в долине Роны и Вьенне встречаются остатки их сооружений: я вижу их в своих снах, в своих кошмарах. Порой внезапно просыпаюсь – от шагов легионеров, звуков побоища? – и кричу:

– Мама, мама, римляне!

Я так спешу увидеть эти развалины, что очень много разговариваю, и на крутых поворотах маллевальских ущелий меня укачивает. Наш отец останавливает кабриолет перед «Большим поворотом» в форме шпильки для волос и отводит меня к ручью, там меня рвет, а отец опрыскивает мне лицо туалетной водой. Едва я перевожу дух, он спускается кратчайшим путем к подножию «шпильки», где оставляет меня, затем поднимается пешком к кабриолету и доезжает до того места, где жду его я, уже представляя себе гибель, похищение и даже землетрясение, явление Господа, забирающего меня к себе.

Отец избавляется на пару часов от своих пациентов, Франция освобождается, на дне ущелья уже видна великая река, все еще бурная, желто-голубая, пока я дышу бок о бок с ним, он напевает.

Я впервые вижу большую реку. В тени платанов мы поднимаемся по правому берегу Роны до Сент-Коломба, вдоль уже краснеющих больших виноградников.

Перед Вьенной я ищу развалины, которые представляю выше и внушительнее «французских» строений. Мы пьем шоколад в кафе-мороженом на углу набережной. Отправляемся из центра, где отец дважды объезжает вокруг Храма Августа и Ливии, почерневшего от промышленных выбросов. В городе мы минуем античный амфитеатр, и отец говорит, что мы еще вернемся сюда с матерью, которая расскажет все лучше, чем он. Я мельком замечаю двухтысячелетние каменные глыбы и представляю вереницы христиан, брошенных на съедение зверям, но мы, дети, еще слишком малого роста и не способны вообразить то, чего не видим воочию; мы не заполняем это скрытое пространство строениями, этажами, а заселяем их живыми сценами. Пространство пока не разворачивается, и на природе ребенок, видя горизонт, воображает, скорее, метафизические границы, нежели неровности почвы. Ребенок представляет изнанку вещей, пустоту, где они покоятся, а не их полноту во всех деталях.

Еще выше начинается равнина между Вьенной и Бургуэном, по которой бежит идеально прямая дорога с единственным поворотом на Детурб. Мы пересекаем равнину, крыша кабриолета опущена, слышен щебет цесарок, кричащих нам вслед.

Мы въезжаем в город не по главному шоссе, а по маленькой нижней дороге, переходящей в асфальтированную улочку вдоль канала Жервонды. У дома, который я вижу впервые с лета 1941 года, – где я

на руках у матери, – с его контрфорсами, выходящими на улицу, отец останавливает кабриолет и входит через калитку со двора, дабы отпереть большие парадные ворота. Двор, ряд лавров вдоль тротуара перед фасадом, низкие риги и сарай, крыльцо домика под названием «Класс», – где гувернантка мадмуазель Гужон учит азам моих дядьев и теток в 20-х годах, – размечены и усеяны военными следами и остатками. Наш дядя Пьер, пришедший с юга с батальоном алжирских стрелков, недавно отправился на север, через Эн, Ду. Вода в прудах, дальше и выше деревни, еще мутная после их купаний.

Наш дед берет меня за руку и выгуливает в саду, под шум деревни, переходящей от одних сезонных работ к другим, я не смею вынуть ладонь из его руки, такой нежной, с сомкнутыми пальцами и холодным обручальным кольцом, и помчаться к стене, отягощенной виноградными лозами, чтобы ловить там ящериц: ловля мелких рептилий – самая изысканная игра, заставляющая сердце биться сильнее, осязая жизнь в своем кулаке; радуясь тому, что принуждаешь животное разыгрывать спектакль собственной жизни: прежде всего, питаться.

Однако дед, отягощенный заботами, с тремя-четырьмя своими детьми, участвующими в драме, и единственной подругой, своей старшей дочерью и моей матерью, с шалющим сердцем, желает видеть перед собой лишь спектакль свободной жизни.

Пробираясь через букс, смородину, крыжовник и персики, мы обходим северную половину сада, садимся на краю бассейна, чья глубина таит для меня несметные полчища рыб и земноводных.

Что заставляет тех, которых я вижу под зеленым мхом, стекаться к этому единственному округлому бассейну?

30

К вечеру я поднимаюсь с кузеном по внутренней каменной лестнице наверх жилища, сначала на второй этаж со звякающей плиткой на лестничной площадке: в застекленном книжном шкафу, меж двумя окнами с двойными стеклами, я вижу толстые переплетенные книги и уже могу прочесть на их корешках: СЛОВ. МОРЕРИ*; дальше направо, за покатым паркетом, три комнаты, напротив, слева, справа. Мой кузен открывает ту, что слева, называя ее комнатой нашего дяди Юбера, молодого человека, пропавшего без вести в Германии, – хотя он еще может вернуться, судя по молитвам, которые мать заставляет нас читать вечером, и по тому, каким голосом она упоминает такого-то из наших близких, таких-то жителей Франции, Европы и мира – подпольщиков, солдат, беженцев, пострадавших от бомбежки, военнопленных, угнанных, беспризорных детей, бродяг, гонимых, – она велит нам молиться с бóльшим либо с меньшим усердием; комната теперь свободна, несколько книг лежат на большом столе перед окном с двойными стеклами, выходящим на большой луг, гренобльскую дорогу и леса первых морен. На одной из двух железных кроватей с позолоченными шарами разложена военная форма. Мы проникаем в другие комнаты, на южной и северной сторонах. То, что я уже целых два года знаю из рассказов нашей матери о ее отце, матери, умершей при родах Юбера в 1921 году, сестрах и братьях, воскрешают в памяти все эти комнаты, картины, предметы, запахи: ванная, большая кровать с изогнутыми стенками, книги,

обои, открытая мебель, замаскированные ящички, из того, что я вижу (ее прежний отпускной дом), возрождается ее родной дом в Польше.

Военное положение подкрепляет семейную легенду; пусть Польша так и остается на другом конце света, в своем аду...

Мы поднимаемся на чердачный этаж, где мой дед оборудует около 1920 года большие комнаты для детей и кузенов под самой крышей; как и на втором этаже, в каждой есть туалет с зеркалом, мраморным возвышением, фаянсовым унитазом, вешалкой для белья и кувшином. Одна из этих комнат, принадлежавшая моим дядьям Филиппу и Пьеру, ныне освобождающим Францию и Европу от гадины, все еще завалена их детскими и юношескими книжками, историческими и географическими атласами, увешана картами Французской империи, настенными рисунками военных мундиров.

31

Комнаты моих теток, теперь уже ставших женщинами, чуть выше по коридору, ведущему незнамо куда, что выясняется еще через пару лет, излучают нечто пугающее, позже я понимаю, что это атмосфера девственности, застывшая навсегда.

Зная, что несколько мужчин и женщин из боковых ветвей семьи умерли в XIX веке от чахотки (туберкулеза) и что некоторые носили фамилию де ла Морт (-Фелин)¹, мы побаиваемся этих укромных комнат, удаленных от центра и словно таящих в себе смертельную болезнь. Эти трельяжи без воды и белья пугают нас, их зеркала отражают лики смерти. Это смерть штатская, я начинаю улавливать, что она из другого века – столетия чахотки, истомы, романтической бледности.

¹ *Mort* – «смерть» (фр.).

Выходя из этих комнат, мы достаем из высокого шкафа книги, альбомы, ревю, детские журналы, номера «Рождественской звезды», католического издания для девочек Лионской епархии.

32 Я раскрываю один на большом дорожном сундуке «Восточного экспресса»*. На иллюстрации девочка в лохмотьях, с очень длинными спутанными волосами, похожими на гриву, стоит в лесу перед заснеженным кустом. Я словно ощущаю прах смерти у себя на волосах и лице. Я не успеваю прочесть подпись, отец зовет снизу, и я спускаюсь. Я объясняю, что хочу помыть голову и руки. Отец растирает их.

На обратном пути, во Вьенне, наш отец, по совету нашей матери, поднимает меня на паперть Собора св. Маврикия и усаживает к себе на плечи, чтобы я мог рассмотреть ангелов-музыкантов, Лота, убегающего из сгоревшего Содома, жену Лота, оглянувшуюся на гнев Господень и обращенную в соляной столп, Иону, выходящего из чрева кита. Я вступаю в собор: безграничное светозарное великолепие, двух глаз слишком мало, чтобы его охватить. Где я? Это уже рай? Священники, певчие и верующие возносят благодарственную молитву Господу за освобождение Франции.

Между Кондриё и Шаване, на пересечении с дорогой, поднимающейся промеж виноградников, собака задевает раздробленными задними лапами заземляющий провод и вытаскивает его на середину разбитой бомбами дороги: опустив стекло, я слышу, как собака тявкает и стонет; она валится на бок, из пасти вытекает кровь, глаза закатываются, кабриолет замедляет ход, объезжая ее.

Я говорю отцу, что следует остановиться, перевернуть собаку на бок и полечить ее, ведь в чемодане есть все необходимое. Отец отвечает, что это бесполезно, она все равно умрет, да и в любом случае на двух ногах собаке не выжить. У нас в деревне и на горных фермах я вижу инвалидов, пару безногих возят в колясках, я спрашиваю, почему собаке не выжить без своих четырех лап? Отец объясняет, что собака создана для того, чтобы бегать, стеречь стада и охранять дом, а для этого необходимы четыре лапы. Я молчу: зачем сохранять жизнь безногому человеку, но при этом убивать собаку с переломанными задними лапами? Почему нельзя вылечить эти поломанные лапы? Почему собака создана лишь для того, что предписывают ей люди? Мать рассказывает нам о сотворении зверей, о том, как Ной спасает все виды, а Бог Отец приносит в жертву своего Сына ради искупления людей, поэтому я не понимаю, как это «взрослый», да еще и врач, не заботится о судьбе полезного, ручного животного: о собаке с переломанными лапами, ведь дети могут ее любить, играть с ней. Почему слабейшего всегда добивают?

Рассказывая о сотворении мира, наша мать украдкой пропускает стихи, утверждающие превосходство человека над животными. Но если Бог создал человека по своему образу, почему Он не создал таким же и зверя?

Мы удаляемся в красноватый туман, поднимающийся от Роны, как одиноко этой собаке в мире людей.

Мать также говорит нам, что в это время в мире, даже на нашем *континенте*, человеческие существа

делают то же самое, оставляя умирать в лагерях, на дорогах, в вагонах тысячи, множество людей ежедневно, множество детей, малюток, и снова читает нам об избииении младенцев; мне уже снится Ирод с головой Иоанна Крестителя на блюде, с куском кузнечика, торчащим в зубах: для нее новый Ирод, на сей раз немец, гораздо хуже, ведь он *осмеливается поднять руку на Бога-Творца*, и мы обязаны помнить, что те, кого мы любим, борются сегодня против этого дьявола, что необходимо встать на сторону всех умирающих там детей, что близко принять к сердцу их судьбу означает хоть немного защитить, обогреть их в европейском одиночестве.

*

Накануне нашего возвращения в детский сад и возвращения нашего старшего брата в пансион, где он живет впроголодь всю оккупацию, мать ведет меня и моего младшего брата в студию деревенского фотографа.

Мы в летних костюмчиках и *вафельных* рубашках, очень аккуратно причесаны. Мы проходим по центру деревни до перекрестка трех дорог, на Лион, Валанс и Ардешские горы.

У въезда на горную дорогу, вдоль извилистого тротуара, выстроен дом на скале, возвышающейся над одной из трех поселковых речек, его крыша почти на уровне шоссе. Это одна из местных лачуг.

Там живет семья, отец, жгучий брюнет, выпивоха, работает на лесопилке рядом с вокзалом, чуть дальше по той же дороге, мать, жгучая брюнетка с белоснежной кожей, выглядывающей из-под черного поношенного платья в горошек, два мальчика, один – отец в миниатюре, со смугловатым лицом под тяжелыми черными прядями, другой – мой

ровесник, с лицом бледным и нежным; полуголые младенцы.

В темной комнате, выходящей на дорогу, на плите кипит выварка, я вижу, как блестит кожа на шее у матери, вокруг роятся мухи, чуть ниже открытый очаг с алеющими углями, а сверху прерывистые взмахи ее тяжелой шевелюры; мальчишки носятся друг за другом по четырем этажам сотрясающегося дома.

35

На выходе после сеанса крики, бегущие соседи, воющие, стонущие собаки, крестьяне, пассажиры, идущие с вокзала. Мать стоит на тротуаре со вторым ребенком на руках, его тело сверху ошпарено, рот разинут, челюсть отвисла, за спиной матери, в темном проеме, пар от опрокинутого кипятка и вывалившееся белье.

*

Осенью 1944 года наш дядя Пьер, командующий взводом 2-й танковой дивизии, очень тяжело ранен под Корнимоном во время Вогезской битвы*. Его брат Филипп перевозит из военного госпиталя Виши, через расположения союзников, где его хорошо знают, пузырек пенициллина, спасающий Пьера от заражения крови и гибели.

На Праздник всех святых 1944 года, в нижней части кладбища Сен-Ламбер-де-Буа, близ Пор-Руа-яль-де-Шана, возле церкви и оссуария последних строптивых монахинь 1709 года, местные административные и религиозные власти открывают и освящают «Памятник Человеку»: под крестом с этой надписью две гранитных плиты: на левой «Христианская цивилизация скорбит»; на правой «Расстрелянным, замученным, разлученным, угнанным».

На Рождество 1944–45 годов, очень холодной зимой в разрушенной, разграбленной, изголодавшейся Франции, к весьма скромным подаркам, найденным в наших башмаках по возвращении с полночной мессы, – вторжение заплаканной цыганки с младенцем, которой каждый из нас отдает свой апельсин, – добавляются посылки от Женевьевы де Голль, а для меня коробка с терракотовыми солдатиками, офицерами и техникой 2-й танковой от моего дяди и крестного Филиппа и, пару дней спустя, точно такой же набор из папье-маше: каски, сабли и портупеи.

К образам Ветхого, Нового Завета, – увиденные в церкви ритуалы накладываются на факты, праздники, – Евангелия (Пятидесятница), к образам из сказок Перро прибавляются образы из книжек об оккупации и освобождении, полученных из Парижа, «Париж под сапогом нацистов»*; они утверждают во мне представление об истории как непрерывной череде порабощения и избавления. Слушая спокойную, терпеливую речь матери, я узнаю из ее рассказов, описаний ее родственников и событий их жизни, что до оккупации было довоенное время, что эта последовательность периодов называется историей, тогда как ландшафт – географией. Из этих лиц на снимках, радующихся освобождению, из того, что мне известно о действиях и отсутствии некоторых наших близких, из молитвы, которую мы читаем каждый день, чтобы они вернулись живыми вместе со всеми остальными, из прослушивания иностранных радиостанций, музыки по итальянскому, англо-американского, – о немецком не может быть и речи, но при одном упоминании матерью о его гнусности оно начинает звучать у нас в ушах, – во мне оживает

идея, образ, понятие родины, идея Франции, *некой* Франции, внутреннее видение ее разворачивающейся истории, свет, тень, тьма, кровь, битвы, королевские пиршества, религиозные праздники, нашествия, хижины...

*

Февраль 1945 года, лагерь в Кёнигсберге: выжившие, в том числе наша тетка Сюзанна, эвакуируются через десять яростных, смертоносных минут в Равенсбрюк, куда они приходят пешком, двадцать уцелевших из двухсот.

37

*

О своих деде и бабке по отцу, живущих в нашей деревне, в доме на пересекающем ее шоссе, в начале пригорода под названием Альманде по дороге в Анноне, я знаю в ту пору, что дед, тоже врач, родился в «Бургундии», в Отёне, а бабка совсем близко отсюда, за перевалом Банше, в Сен-Жюльен-Молен-Молетте, на склоне ронского предгорья.

Одна из ее сестер, наша тетка Жанна, живет в красивом доме с садом, на косогоре в этой деревушке, где производят текстиль. На продовольственные карточки она готовит детские полдники, куда мы иногда ходим, отец высаживает нас при своем объезде, а вечером забирает. Сад больше того, что арендует отец под нашим домом, более обустроенный и нарядный. С полудня до самого вечера мы там бегаем, прячемся, ловим ящериц, а в сезон едим клубнику, смородину, виноград, выслеживаем птиц и разыскиваем гнезда. Ее супруг, наш дядя Ипполит Б. д'А., офицер запаса, высокий, элегантный, заставляет нас сменить игру. Посреди склона бассейн. За самой высокой стеной – лес. Ловя рукой ящерицу на стене, я вижу, как сорока

на цветущей вишне звякает браслетом в клюве, изумленно раскрываю рот, и туда залетает букашка: я держу рот открытым, однако насекомое вязнет в моей слюне; я сплевываю, но тщетно, оно уже миновало небо; я бегу и ложусь в траве под сливой, дожидаясь смерти, часто дыша и сглатывая. Букашка жужжала или стрекотала? Какого она цвета? Для чего служит кишечник? Насекомое там утонуло, удавилось или задохнулось? Способно ли оно еще ужалить и куда? В лучшем случае охрипну... Может ли его яд усыпить меня «навсегда»? Как я отыщу дорогу к престолу Троицы, там наверху, в облаках? Я кое-что слышал о физиологии и представляю маршрут животного внутри себя, оно силится подняться на свет, падает обратно, сберегая в жале яд перед окончательным поражением. Что-то шевелится у меня между ляжками, от удовольствия я забываю о страхе смерти.

Я откликаюсь на зов, лишь когда мое спящее тело окатывает ливнем. На вечерней заре, перед тем как мать крестит мне лоб, я заставляю себя заглянуть, прежде чем спустить воду, на дно унитаза, мне мерещится там букашка, которая высовывает лапки и усики из кала и баламутит коричневую воду. Свет гаснет, сменяясь лунными лучами: как мне получить вновь под простыней удовольствие, испытанное под вишней?

*

Наша тетка Сюзанна, освобожденная из лагеря смерти советскими войсками, эвакуированная ими в Одессу, доставляется на английском корабле через Стамбул в Марсель, она возвращается к нам долиной Роны с еще одной политзаключенной из поселка, Мари М.: я слышу, как меняется звук шин

при съезде с асфальта на мостовую в начале улицы Национальной; белка в клетке в верхней части сада кидается на прутья, кусает их; моя ладонь лежит в руке матери, чей пульс учащается; другой я поднимаю защелку, маленькая дверка открывается, белка стоит перед ней, потом отворачивается и грызет лесной орех, выставляя распушенный хвост наружу.

Наша тетка, которую мы едва знаем, вместе со своей подругой и в окружении всех членов муниципалитета без головных уборов, входит в коридор; очень худая, с бритой головой, покрытой косынкой в цветочек, с чесоточными бляшками на лице и блестящими глазами, готовыми рассмеяться, она идет под руку с нашей бабушкой; все мы сопровождаем ее издали в сад, на огород, к маленькой девице Марии в стенной нише, где с момента ее ареста мы молимся каждый четверг о ее возвращении; тетку усаживают на стул, наша бабушка, преклонив колени на скамеечке, возносит молитву, а мы стоим перед ней; позади белка взбирается на ствол пихты – это *наша*? Во время повторяемых хором литаний тетка подмигивает нам, детям.

Герои, заплатившие высокую цену и узнавшие на телесном и духовном опыте, что значит сопротивление, с братским снисхождением взирают на рабочий люд, честь которого они отстаивали.

В Париже Филипп и Пьер получают от человека, угнанного за то, что спрятал еврейского друга, человека, чей брат ранен в 1940 году, а другой убит на итальянском фронте, подтверждение смерти своего брата Юбера.

В конце мая 1945 года 7-й полк алжирских стрелков, треть которого погибает в Эльзасской кампании, высаживается в Алжире: множество солдат, унтер-офицеров, офицеров, победителей немцев в Италии, Провансе, в том числе под начальством Пьера, возвращаются в родные дуары Малой Кабилии: они считают, что заслужили право жить в новом Алжире, но обнаруживают там трупы и следы жестокой расправы, учиненной французской армией и колонистами над мятежниками и преступниками 8 мая 1945 года в Сетифе и окрестностях*.

В середине августа 1945 года, попутно с возвращением узников и *чисткой* лагерей смерти, радио сообщает о Хиросиме и Нагасаки: в описании взрослых взрыв столь колоссален, что мне слышатся какие-то отголоски даже тут. И еще долго после этого я вижу в некоторых тенях на некоторых стенах силуэты людей, предметов, растений, животных, *реальные*, застывшие поверх.

Из-за этих взрывов, часового сдвига фактов и информации, я открываю для себя, что Земля круглая.

Ныне свободное радио вещает о новой политической нестабильности, победоносном коммунизме, скитаниях беженцев: беспримерная жестокость преступлений, совершенных с 1939-го по 1945 год, прибавляет сомнений в человеческой душе и замыслах ее Творца.

Пеший подъем через Мунскую мельницу, где мы пьем молоко на ферме наших друзей Курбонов, к ферме многочисленной и доброй семьи Жироде, на Углах, где в маленькой молельне мы поклоняемся трости

святого Франсуа Режи, реформатора и распространителя католической религии в эпоху Религиозных войн*, придает подлинности тому, что мне рассказывают о протестантизме и войне с католиками и Папой. Чем дальше, тем больше жизнь для меня выливается в конфликт, даже сама природа, если присмотреться, это борьба, пленение, избавление: освобождающаяся куколка – столь же величественное и прискорбное зрелище, как и позже появление головки из-под крайней плоти перед моим обрезанием.

41

Октябрь 1945 года, мой первый день в начальной школе для мальчиков, которой заведуют Братья христианских школ*, она находится выше по идущей в гору сент-этьенской дороге и расположена напротив школы для девочек. Первая небольшая лестница от дороги до первого большого двора с отхожими местами справа, крытой галерей впереди и железной балюстрадой со стороны дороги. Из этого первого двора мы поднимаемся по трехэтажной лестнице между большими окнами классов в маленький верхний. Занятия проводятся в основном наверху, а на переменах все выходит в большой нижний двор. Оттуда открывается вид на государственное шоссе 82 с оживленным движением, соединяющее Анданс в долине Роны и Сент-Этьен, в благоприятный сезон оно позволяет перемахнуть через горы и срезать путь, если едешь на автомобиле по 7-му шоссе.

Сама наша деревня издавна служит своего рода границей между севером и югом Франции. На северном въезде, со стороны Сент-Этьена, Фореза и Оверни, туристический указатель гласит: «Добро пожаловать в Бург-Аржанталь, врата Средиземноморья!»,

а на южном, со стороны Анноне: «Добро пожаловать в Бург-Аржанталь, врата Фореза!» Прежде на севере находилось графство Форез, на юге – Священная Римская империя.

Этот двор, так же, как и двор девочек, выходит на наши горы, Каштановую рощу, горящую каждое лето.

42 Теперь, когда я уже знаю большие и маленькие буквы, читаю стихи и прозу, после первых же устных вопросов я начинаю заикаться.

Это даже не заикание, а, скорее, невозможность произносить фразы, не все, а лишь те, что начинаются с твердых согласных, всякий раз я вынужден молча подготавливать фразу во рту, по семь раз повторяя ее одним языком; я могу говорить плавно, лишь пережевав вот так всю фразу. Я заикаюсь не потому, что стесняюсь людей, мне трудно говорить даже наедине с собой: приходится начинать фразу как бы вне самого себя, вытягивать наружу свою непрерывную внутреннюю речь, кто бы ни были участники диалога. Эта патология усиливается от волнения, когда нужно продекламировать сценку, пересказать исторический конспект (запоминаю я все очень быстро и надолго) или, позднее, выдвинуть аргументы, приходится разогреваться (никто из моих товарищей не смеется, даже впоследствии, над этим недугом), чтобы затем я мог выпускать из себя слова машинально.

В первые недели монах не злится и велит мне записывать свои ответы и выученные отрывки на бумаге.

Но на переменах мне порой удается вывести этот текст наружу перед группкой товарищей, то у самой земли, во время игры в шарики, то между уроками во дворе, когда мое горло расслабляется от одышки

и я могу произнести отрывок, точно банальную фразу, *вброшенную* в игру, как бы толкнуть агат большим пальцем или запустить его из пращи на природе.

В тех редких случаях, когда наш отец ужинает с нами, прижимая к себе мальчиков, заставляя их высовывать язык и говорить «А», он трется с ними щеками, шепчет сквозь смех:

– Пахнет бархатом, мелом и попойкой.

43

Из этих трех–четырёх лет начальной школы я отчетливее всего помню уроки истории и едва припоминаю письмо, счет, материальные уроки – ведь остальные были духовными? Сидя один в классе, я должен записывать ответы на все устные вопросы в тех исторических конспектах, которые усердно веду, я очень быстро представляю себе подлинные фигуры, воспринимаю их вблизи, лицом к лицу своим формирующимся историческим сознанием: я стою перед этими героическими, жалкими или гонимыми персонажами нашей истории, – которых учусь почитать, жалеть, защищать или стремлюсь обратить к Благу, и они разговаривают со мной.

Учебники, еще довоенные, для этих младших послевоенных классов устроены так: одна–две черно-белые репродукции гравюр либо картин, – фотографий для недавнего периода 1914–1918 годов, – конспект, вопросы и отрывок из книги по истории либо романа; я очень быстро заучиваю все две-три страницы, включая отрывок. Если отрывок взят из литературного произведения изучаемой эпохи, его язык начинает ассоциироваться с определенным временем. Отбираются факты, призванные воспитывать патриотическое сознание – либо подвиги, либо

подлости: – друиды и сбор омелы, Верцингеториг сдается Цезарю в Алезии*, св. Бландина привязана к столбу в цирке Лугдуна*, груди мученицы напряжены перед быком, готовым поддеть ее на рога*, св. Женеви́ева бдит над Парижем*, св. Луп останавливает Аттилу в Труа*, Хлодвиг и суассонская чаша*, св. Мартин делится плащом с нищим*, Фредегонда приказывает убить епископа Претекстата в тени хоров Турской базилики* – на мессе в нашей церкви я вижу, что он молится на ступенях алтаря, а убийца появляется из часовни справа, и чувствую, как лезвие кинжала вонзается в спину, – Короли-бездельники на колесницах*, Карл Мартелл и арабы в Пуатье*, король Франции Пипин Короткий*, Карл Великий и его *missi dominici**, Роланд в Ронсевальском ущелье*, коронавание Карла Великого в Риме на рождество 800 года, Карл Великий удручен вторжением и зверствами норманнов, Страсбургская клятва и возникновение будущего французского языка (843 г.), который отделяется от германского, отвергнутого*. Разграбление норманнами Парижа*, который защищает Эд, граф Парижский, избранный королем Франции*, Роллон, вождь норманнов, получает территорию Нормандии*, избрание Гуго Капета*, Мир Божий*, монашеские ордена Запада.

Я, Пьер-Мари Г., часто поднимаюсь в школу, держа за руку Мари-Пьер Г., девочку с торчащими зубами. С раннего детства меня поражают эти выступающие челюсти, признак дикости, сопротивления природы культуре. Я начинаю немного разбираться в любви, видя, как взрослые замечают это предпочтение, это ожидание, каждое утро, когда Мари-Пьер выходит

из боковой улочки, чтобы догнать меня в толпе детей, а я краснею, едва она заговаривает со мной.

До тех пор, пока ее семья не уезжает из деревни, где оставалась во время войны, в город, где у них завод, мы каждую неделю ходим играть и полдничать к ним домой, в добротное здание XIX века, окруженное парком на темном склоне, у входа в долину Риоте, горной речки, – Господа, – бурлящей под нашими окнами. Мы таскаем механизмы по вечно сырой земле: сидя на ней, Мари-Пьер вырывает и прячет мох под платьем, между ляжками, и достает его обратно пригоршнями. Мы играем в кегли в игровой на антресоли, между темными буксами, поднимаемся на соседнюю ферму, где лошади трясут утробами на лугу, а мы гладим розовых горлиц, кладя ладони одну поверх другой.

*

Моя бабушка Марта ежегодно спускается в долину Роны, в Шатонёф-де-Галор, к Марте Робен «Клейменной»: родившаяся в 1902 году на ферме в квартале Моиль, в шестнадцать лет заболевая энцефалитом, что парализует все четыре конечности и лишает ее зрения в 1939 году, и с тех пор навсегда прикованная к постели, эта провидица, к которой обращаются тысячи людей со всего света, создательница благотворительных приютов, признанных Ватиканом, каждую пятницу заново переживает Страсти Христовы на своей крошечной кровати, в полной темноте, а остаток недели принимает посетителей, выслушивает их, вызывает на откровенность и дает советы. Античные пифии уже являются мне среди бела дня, на земле и в четырех стенах, без всяких выделений, с громкими и чистыми голосами, – словно большие летние насекомые, – но образ этой Марты,

истекающей кровью и потеющей на своей железной раскладушке, под искусанными простынями, пугает меня и отталкивает. Пока я заново открываю для себя и еще раз переношу своим несовершеннолетним телом пытки, которым подвергают Иисуса, а также нахожу в «Золотой легенде»* других мучеников, чьему примеру хочу последовать: св. Урсулу* и св. Агату* с отрезанной грудью, святых детей, Тарциссия* и Гостию, поклонение богомольцев и богомолков этой страдающей и, возможно, зловонной кучке представляется мне дьявольским кощунством. Неужели я уже отвергаю символ всего, что тяготеет к вдохновенности и извлекает из нее выгоду?

Наша мать, отчасти разделяющая мой страх и мою гадливость, говорит, что наша бабка, ее мать, повела туда нашу тетку Сюзанну по возвращении из лагеря, и я остро ощущаю непристойный контраст между умерщвленной плотью и геройским телом.

Мне даже мерещится, будто сам воздух этого городка пропитан смрадом, осквернен и затемнен этой дьявольской проделкой, этим кровавым потом и дыханием шевелящейся на кровати святой, одно имя которой приводит меня в ужас.

*

В Париже Филипп, депутат Консультативной ассамблеи*, отстаивает воинствующую линию «Защиты Франции», переименованной теперь в «Франс-Суар»*, – модернизация Франции, подготовленная и чаемая Соппротивлением. Некоторые из его ближайших товарищей и Пьер Лазарев*, новый генеральный секретарь газеты, при поддержке «Ашетт»*, смещают его с должности. От боевого печатного органа, от идеалов Соппротивления, преданных де Голлем

и упраздненных его преемниками, остается лишь крупное общественное ежедневное издание.

Правительство Соединенных Штатов выделяет стипендию для студентов из союзных держав, прервавших учебу ради борьбы против Гитлера, и моя тетка Сюзанна, стопроцентный инвалид, награжденная множеством французских и иностранных орденов, живет теперь в Нью-Йорке, завершая изучение права в Колумбийском университете.

47

Наша мать сообщает, что ее сестра Клотильда, «Лалу», настрадавшаяся во френском заключении, порвала со своим женихом, дабы посвятить себя Господу и отверженным во Французской миссии, где также трудятся рабочие-священники, и что ее брат Пьер отправился со своим батальоном в Индокитай.

*

Понятие «завтра» или «послезавтра», понятие недели, наряду со стремлением к выходу из детства, к тому моменту, когда становишься взрослым, стремлением, уже прояснившимся ко времени поступления в начальную школу, усиливается наравне со страхом перед ежедневной попыткой ответить устно: так время начинает делиться и растягиваться, со своими дневными, а затем недельными препятствиями; из игр и страха определенных игр проистекает членение времени, при котором ночь является зоной беспомыслия и восстановления силы Времени; боязнь игры или страшного вопроса, обязательных испытаний отменяется усталостью в конце дня. Пищеварительная система подстраивается под этот страх, под власть этого страха, и напряжение становится естественным и органичным. Это ход жизни. Я не лишаюсь рассудка лишь потому,

что соотношу каждое из этих грядущих испытаний, наступающих уже завтра, с теми, которым подвергались мученики, пленные, и в то же время считаю их событиями некоей театральной игры, в какую страстно желаю втянуть своих товарищей, – себе же отвожу роль опрашиваемого заики, упрямо не играющего в мяч, этот грозный объект, на который уже устремлен мой преображающий взгляд, – а также соотношу то или иное колоссальное для ребенка испытание с колоссальностью космоса и Истории, которую начинаю *познавать*. Словом, я выгляжу ребенком беспокойным, напряженным, но послушным и способным забывать, что так естественно в период роста. Растущее тело опережает травмы и страх; поэтому я всегда рассматриваю нынешний или предстоящий факт, поражение, обиду, успех, как только что свершившийся, ставший прошлым еще до того, как я его прожил; порой я ощущаю перед собой пустоту, столь же твердую, как ствол дерева чуть поодаль; я стараюсь воспринимать эти испытания как простые знаки того, что я пребываю в мире, тогда как я пребываю в мире своих тогдашних верований: между Богом и его Сыном, с библейскими патриархами, но это обучение двойственной природе, воссоединяющейся лишь в мгновения ни счастливые, ни горестные: например, когда я начинаю ощущать красоту музыки либо когда изнурен ходьбой или бегом. К чувству земной истории добавляется чувство Истории высшей, до и после рождения, а до моего рождения, главным образом, истории моей матери, затем ее собственного чувства Истории и ее истории до своего рождения. То, что она рассказывает мне о себе самой, – История рождается для меня из света ее лица, лба и открытой части горла, переполняемого

эмоциями от библейских и исторических мифов: История рождается изнутри моей матери и из света ее кожи, – о своем нутре, откуда я черпаю это дополнительное историческое чувство. Работа с учебником истории, запись фактов, исторических речей на странице, испытание заиканием, сопутствующее этому типографскому засвидетельствованию, слова и гравюры окончательно водворяют во мне ход человеческой Истории, публичной, несемейной, историческое чувство (которым я проникался до этого лишь в библейском родословии или христианском мартирологе), в то время как моя публичная воля выявляется при прохождении маленьких испытаний школьника.

Это ощущение власти бывает порой столь сильным, что, при помощи дневной либо ночной природы, я ощущаю в себе малые, а затем и большие сверхъестественные способности: прежде всего, способность перемещать маленькие предметы силой мысли, взглядом или указанием пальца: взлет предмета, остановка потока либо ускорение событий, затмение света или, наоборот, выход какого-либо зверя из норы.

Благодаря хорошей памяти я вскоре открываю для себя ход и пространство истории: датировка фактов, по меньшей мере, христианской эры – чуть позже античность, с той же *меньшей мерой*, но мне помогают поэзия, трагедия и риторика.

28 ноября 1947 года генерал Леклерк погибает в авиакатастрофе на юго-востоке Алжира: когда по радио, все так же стоящему на кровати полке, сообщают о его смерти, наша мать сдавленно вскрикивает и встает из-за стола, за которым мы ужинаем. Мы

увидим ее лишь сутки спустя. После завтрака мы поднимаемся в школу, где нам объясняют, какого героя Франция потеряла, – а История обрела.

*

50 В эти первые четверти начальной школы обрисовывается польская история ее семьи, подготовленная рассказами матери в моем раннем детстве. Мы живем уже в своей квартире, с ориентирами: безделушки, обои, книги из Польши, несколько полотен польской романтической и постромантической школы, драматических либо жанровых. В гостиной, где мы проводим больше времени после окончания войны и восстановления отопления: на большой картине, метр в длину и шестьдесят сантиметров в высоту, в красивой позолоченной раме, отец – вероятно, крестьянин – держит за руку маленькую дочь в колыбельке, девочка шагает, слегка наклонив голову, по снегу, сквозь метель, на заднем плане деревня с низенькими избами. Отец, с усами, в меховой шубе, сжимает в руке какой-то кувшин, а малышка – немного еды или посуду, завязанную в косынку либо в белье. Эта картина висит на большом гобелене с Татрами, к которому прикреплены пестрые деревянные и матерчатые фигурки, крестьяне на лыжах и т. п.

На стене напротив, за фортепьяно «плейель», – где наши сестры играют Скарлатти, Моцарта, Черни, Бетховена, Шумана, – большой портрет нашей бабушки Анжель, кисти парижского художника-академиста 1910-х годов, понизу картины гербы ее семьи, пожалованной в начале XVII столетия дворянством.

Справа библиотека моей матери. Среди книг: «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Русский роман» Эжена Мельхиора де Вогюэ* и поэтические произведения Адама Мицкевича.

На подносе квадратный брикет угля из челядзских копей, напоминающий Каабу, впоследствии я часто смотрю на него во время первых конфликтов с отцом.

Теперь История проясняется: мой дед по материнской линии, Виктор Вианне, недавно умерший в своем доме в Сен-Жан-де-Бурне, по отцу и деду приходится родственником св. Жану Мари Вианне, кюре из Арса*, чья статуя высится во всех католических церквях Франции, да и всего мира, он вступает в сношения с дьяволом – своим «Багром» – и раскрывает самые сокровенные тайны всех исповедующихся. У меня уже полно секретов, и не хотелось бы по-встречать его на своем пути.

Когда его отец-ювелир разоряется в Лионе, – он умирает потом от холеры в Каире, где связан с аферой, в которой одно время участвует Артюр Рембо, – мой дед сам оплачивает учебу и становится горным инженером. Его парижская компания отправляет его инженером в Челябинск, что в каменноугольном бассейне Катовице под Краковом, в 1906 году он женится там на дочери директора, Анжель Тезенас дю Монсель и после смерти тестя становится генеральным директором горнопромышленного бассейна.

Усердный и заботливый католик, вдобавок к административным и техническим сооружениям, он еще до Первой мировой войны строит – это во всех подробностях демонстрируют фотоальбомы, что я тогда часто смотрю, – дома для рабочих, служащих, инженеров, школы, благотворительные учреждения, церкви, одна из которых, подземная, вырытая самими горняками, названа именем св. Анжель, в честь нашей бабки.

Наша мать рождается в 1907 году, в большом директорском доме, окруженном обширным парком

с высокими стенами, за которыми зимними ночами воют волки. В войну 1914 года всю семью репатрируют во Францию, и наш сорокапятилетний дед сражается на фронте в Эпарже при Вердене, под командованием Филиппа Петена. После войны все возвращаются в Польшу.

52

Наша бабка умирает через пару дней после рождения своего последнего ребенка, Юбера, в Сен-Жан-де-Бурне. Наша семнадцатилетняя мать растит всех своих братьев и сестер вместе со своим отцом, который немедля, ввиду своего высокого положения, вынужден вмешаться в экономическую политику Польши и прибрежных областей. До 1914 года Польша еще принадлежит России; после войны и провозглашения новой Польши внутренние и внешние неурядицы, национальный вопрос, беспрестанная политическая агитация и русско-польская война осложняют его работу, и в 1930 году он возвращается в Париж.

Республиканец по долгу службы, он восхищается Пуанкаре*; в какой мере поддерживает он действия маршала Пилсудского* в Польше?

Он бегло говорит по-польски, по-русски. Говоря по-немецки еще с коллежа, зная наизусть целые сцены из пьес Шиллера и различая на слух региональные диалекты немецкого языка, он все же подозрительно относится к военно-промышленной политике Германии и полагает, что ее следует ослабить, дабы в Европе воцарился мир. Однако он доверяет Лиге Наций* и версальскому «новому европейскому порядку»*. Как он представляет себе новую войну с врагом своего детства и зрелости?

Каждый год он везет своих девятерых детей и их гувернантку мадмуазель Гужон на летние

каникулы в Сен-Жан-де-Бурне, они пересекают на поезде – тогда еще паровозе – всю Центральную Европу, до 1914 года это еще Австро-Венгерская империя, а затем Венгрия, Чехословакия, Австрия. В Будапеште, Праге, Вене, Швейцарии они останавливаются в отелях или у многочисленных друзей нашего деда: инженеров, врачей; нашу мать оперируют по поводу мастоидита в Праге, и она смотрит русский балет «Петрушка» в Будапеште. Места, где их встречают, прекрасны, но багаж путешественников скромн, из-за простого происхождения своего отца наш дед привык к непритязательной жизни, и если в Челябинске они ведут жизнь довольно роскошную, – с прислугой: принимают множество гостей, и их самих принимают в высшем краковском обществе, где у детей есть друзья, – жизнь в красивом, старинном, но неудобном доме в Сен-Жан-де-Бурне спокойна и умеренна, с извечной учебой, естественными радостями и организацией детских спектаклей.

Наша мать, родившаяся и выросшая в Польше в ту эпоху, когда средства связи ограничивались перепиской, крайне редкими телефонными звонками и телеграммами – ни телевидения, ни мгновенного гражданского сообщения, – одновременно полька и француженка. Связи с Францией сильны, но носят исключительный характер. Представьте себе мир, где информация о событиях в Европе и других уголках света доступна детям лишь из иллюстраций и весьма редких фотографий во взрослых журналах. Любое семейное либо военное фото, снимок с подписанием договора, с имперским, республиканским либо колониальным праздником рассматривается долго и тщательно.

Моя мать любит и вместе с тем боится этой Польши, на языке которой бегло говорит и чьи пестрые наряды когда-то надевает на детских праздниках и даже на юношеских балах: служанки поют ей крестьянские колыбельные, порой они отправляются на экскурсии по рекам Восточной Европы, Висле, Дунаю; а малыши – в Закопане, что в Татрах, где они могут столкнуться с Лениным, который тогда живет между русской и австрийской империями и порой совершает экскурсии в Закопане. Посещают ли они концерт известного квартета, куда Ленин, потрясенный «Аппассионатой» в исполнении своей любовницы Инессы Арманд, тянет друзей, но где ужасно скучает?

Мать немного рассказывает нам о трагической истории Польши после падения Ягеллонов*, о мужестве народа и странной избирательной монархической системе, о пылкости, легкомыслии и общественном высокомерии польской аристократии, мать любит польский язык, на котором читает мне стихи, любит польский пейзаж, польские деревни, но у нее страшное впечатление от этой страны, вечно зажатой между Германией и Россией, удаленной от того, что мать считает сердцем Европы, католическим миром, от абсолютно безопасной зоны божественной души на линии, ведущей из Кентербери в Рим, вне которой возможны любые жестокости, изуверы, радикальная идеология, вырванные волосы и зубы. Тогдашнее водворение коммунизма в этом эксцентричном христианском мире лишь подтверждает его «проклятость».

У нашей матери навязчивая идея: коммунистический строй не просто отнимает блага у собственников, но отрицает и уничтожает Господа и его

слуг; коммунизм – скверное, возможно, дьявольское учение, или даже за гранью дьявола, но не потому, что оно делает человека хозяином своей судьбы – грех гордыни, – а потому, что лишает человека Бога, зеркала, куда тот может смотреться, дистанцируясь от себя самого; стало быть, коммунизм разрушает тысячелетний порядок, лежащий в основе цивилизации.

Несовершенство – залог бессмертия человека божественного. Дабы избежать ужасов радикализма, в мыслях и их воплощении должна присутствовать *игра*.

55

Одновременно мать одержима драмой беженцев, «перемещенных лиц», которую порождает и усиливает советское наступление, в том числе трагедией еврейского народа, точь-в-точь как два года назад возвращение узников включает в себя и охватывает Холокост. Все мое детство и юношество мать признается в страстной любви к великим артистам, художникам, ученым, философам и политикам еврейского происхождения, к Менухину, которого она слушает еще до войны, к Шагалу, напоминающему ей деревенских евреев из краковского детства, к Эйнштейну, Бергсону, которого она слушает до войны в Коллеж де Франс*, к Бен Гуриону, чьей стойкостью и античным лицом она восхищается, все они для нее – главные столпы находящейся под угрозой цивилизации, эти великие умы, великие образы кажутся мне двойниками, спутниками, преемниками патриархов и других великих библейских фигур, и в реальной жизни я ощущаю то же самое. Для моей матери «еврей» – я пока не знаю ни одного, пожалуй, лишь господина Азаиса, что держит ювелирный магазин в нижней части квартала Котавьоль,

в закругленном углу средневекового здания, – неизбежно связан с верой или, по крайней мере, с духом, величием, а, стало быть, служит гарантией спасения цивилизации.

56

Из-за печали, гнева и бесконечной застенчивости мать мало говорит о своем брате Юбере после официального подтверждения его смерти – это тело, о котором она заботилась, пеленала его, кормила, видела, как оно хорошеет, взяли в плен, толкали, унижали, били, секли, разрушали, морили голодом, глумились, оскорбляли, кололи, как больного зверя, – но когда она открывает фотоальбомы и мы видим на сепиях, как этот ребенок, облаченный в листву и увенчанный цветами, точно маленький Нижинский в роли фавна, смеется на балюстраде в Миллери под Лионом, в доме своей тетки, воспитывающей его вместе с нашим двоюродным дедом, сент-этьенским хирургом, мать словно получает весточку с того света, из Золотого века.

Ему столько же лет, сколько мне, когда он фотографирует, как я слушаю Евангелие, и вот его уже нет в живых.

*

В начале 1946 года мать получает от своих братьев, Пьера и Филиппа, книгу, опубликованную издательством «Защита Франции», «Свидетели, что не убоялись пожертвовать жизнью...»*, написанную в 1945 году двумя нашими дядями, бойцами и свидетелями открытия лагерей. Это одна из самых первых книг о лагерях в мире. Наша мать прячет ее в глубине книжного шкафа, но я с моими сестрами нахожу ее и открываю: больше двухсот страниц текста, фотографий, рисунков, планов и списков. Сопrotивление,

лагеря смерти. В это время я как раз читаю книгу-альбом «Наполеон», написанную Луи Бернардом и проиллюстрированную Альбером Юрье, где два изображения битвы под Аустерлицем, с окровавленными руками русских солдат, торчащими из замерзших прудов, и с зелено-желтым трупом Отступления русских, пожираемым стервятниками, разрушают все величие эпопеи: черно-белые снимки гниющих тел, голых либо еще одетых, в почти необозримой и непроходимой грязи Берген-Бельзена*, груды тел или скелетов, кучи очков, открытые кремационные печи с пеплом либо останками, трупы на соломе в бараках... для нас троих мир переворачивается, наша мать видит, как мы беспомощно блуждаем по квартире.

Я вижу, что есть цветное «прежде», с войной и естественной трагедией, и навеки бесцветное «потом», ожидание божественного образа Человека: это голое тело, распростертое на виселице, с привязанными к доске запястьями.

Во второй части книги, напечатанной еще на благородной военной бумаге, «Лагеря смерти», воссоздаются девять кругов Дантова ада.

Первый круг (сортировочный лагерь, доставка, труд), второй (трудовые отряды), третий (отряды смертников, земляные работы, подземные заводы, соляные копи, обезвреживание бомб), четвертый (строительство подземных заводов «Фау-1»*, «Фау-2»*), пятый («лагерь отдыха»), шестой (репрессивный лагерь, тюрьма и крепость, германизационный лагерь), седьмой (вивисекционный лагерь, NN, «Ночь и туман»), восьмой (лагерь систематического истребления, Аушвиц), этот круг уже с названиями – Аушвиц, Биркенау, Моновиц, девятый

круг (транспортировка) и цифры: «Существовали лагерь, куда приезжали лишь для того, чтобы умереть, образцом для них служил Аушвиц, шесть миллионов человек были отравлены газом и погибли только в одном этом лагере». Там уже проводилось различие между политическими и «израильскими» узниками.

58 С тех пор современная история видится мне, ребенку и юноше, в черно-белых тонах: 1939–45 годы, Хиросима, война в Индокитае, коммунистический террор на Востоке, Алжирская война*, деколонизация.

*

В июле 1947 года родители впервые везут нас на три недели в Бретань, на юг Финистера, в Рагенес, что в кантоне Понт-Авен, но на побережье, к нашему двоюродному дяде Шарлю, брату нашей бабки по материнской линии, и его супруге Селии.

Ночью перед отъездом мне снится, что я ловлю кулаком чаек, фрегатов, бакланов и играю в воде с морскими свиньями.

Расстояние между Бург-Аржанталем и Рагенесом – 850 километров. Маршрут пролегает через всю Францию, с юго-востока на запад. Наш автомобиль – семейный восьмиместный «хочкис» с двумя откидными сиденьями и прямоугольным багажником в задней части этой огромной, украшенной гербами машины с большим капотом и крыльями.

В тот первый год мы совершаем переезд за один день. Но наша мать велит остановить машину у поля битвы при Вуйе*, где в 507 году Хлодвиг, при помощи бургундов, завоевывает королевство вестготов до самых Пиренеев.

Многие города лежат в руинах: Шарите-сюр-Луар, особенно Тур, Нант, Ван, Эннебон.

В Туре мосты разрушены или ремонтируются, и приходится долго ждать, прежде чем переправиться через Луару по очень узкому, шаткому мостку.

Начиная с Невеза, мы уже вдыхаем в открытые окна морской воздух, а чуть дальше, на повороте к селу Керканик, наш отец останавливает автомобиль, чтобы мы могли полюбоваться океанским горизонтом, видимым на закате всего через пару полей.

59

В курортном домике в георгианском стиле с тремя крыльцами, построенном в 20-е годы и опустошенном в последние недели войны, – в водах перешейка мы обнаруживаем ванну, усеянную ракушками, – они живут очень скромно целый год, решив в 1945 году, после извещения о гибели их племянника Юбера в Германии, продать за бесценок свою современную клинику «Бельвю» в Сент-Этьене.

Усадьба состоит из центрального здания и постройки слева, под названием «блинная», к которой примыкает курятник, где петухов, кур и цыплят нередко ощипывает слишком сильный ветер. Справа от главного строения, в зарослях тамариска, небольшая деревянная беседка в русском стиле, где наш двоюродный дядя все еще лечит некоторых жителей окрестных хуторов и деревень: там он делает незамысловатые операции. Таможенная тропинка – всего в двух шагах от большого крыльца, за полем картофеля и решеткой.

Мы приезжаем с мыслью, что будем весь день свободны, на ветру, на песке, в воде, все животные примчатся со дна морского и с небесных высей играть с нами, а мы станем их ловить, разводить костры на пляже и жарить там ракушки и крабов: вести

жизнь дикарей. Но едва наши родители уезжают обратно на юго-восток, здесь воцаряется строгий порядок: два долгих купания в день, на пляже внизу, практически входящем в имение, активный моцион, частые прогулки на окрестные хутора, фермы и к рыбацким домикам. Мы помогаем двоюродной тетке готовиться к празднику Прощения*: собираем фрукты на тропках, продукты на фермах, вырезаем гирлянды. После полудня, со двора большой, очень старинной и очень загаженной фермы, я вижу в гранитное отверстие главных ворот большой мясной пирог, блестящий в полумраке на какой-то колоде, вокруг роятся блестящие мухи и осы.

За столом дети молчат до самого десерта: я уже слышу многое из того, что говорится о современной политике. Жорж Дюамель*, друг моего двоюродного дяди еще с войны 1914–18 годов, когда он, молодой врач, ухаживает за ранеными в одной из мобильных хирургических частей, каждый год проводит здесь две недели отпуска со своей женой Бланш Альбан, чье настоящее имя – Бланш Б., она родом из Бурдиня под Бург-Аржанталем.

Он очень высокий и толстый (каштановый костюм), очень добрый, слегка сентенциозный (маленькие круглые очки): основатель унанимистской группы «Аббатство»* вместе с Жюлем Ромэном* и Шарлем Вильдраком*, известным романистом и эссеистом, Дюамель с 1945 года заседает во Французской академии. Его присутствие еще больше принуждает меня к молчанию, но я не помню ни единого его слова. В книжном шкафу нашей матери в Бург-Аржантале есть полное его собрание той поры, каждый сброшюрованный том подписан твердым, размашистым, вытянутым и густым почерком, с посвящением нашим

отцу и матери, которую он знал еще подростком и которую очень любит.

Наш двоюродный дядя весьма почтительно относится к своему другу Жоржу, который выводит его в одном из романов. Наш дядя очень благообразен, с седой бородой, в темном велюровом костюме и пилотке военного врача цвета хаки, его жесты точны, степенны и размеренны.

61

Еще с 20-х годов им прислуживает Антония С., родом из Фирмини. Мы проводим с ней много времени, и когда, возвращаясь с кухни, она проносит морские блюда над или между убеленными головами этих важных особ, то, указывая на них подбородком, улыбается нам так широко, что ее морщины становятся еще глубже. Она разговаривает с моим двоюродным дядей запросто, и это его забавляет. Утром рыбаки с перешейка возят свой улов от дома к дому и от фермы к ферме. Они раскладывают в корзинах дары моря и рыбу перед дверью кухни, Антония выбирает то, что ей нужно, и приступает к работе. Нам разрешается присутствовать и даже помогать ей, мы узнаем много нового о ночной рыбалке, состоянии моря, стойкости либо усталости рыбаков в *каноз*. Сдирание шкуры с крабов-пауков увлекает нас надолго, но мы очень уж голодны.

До полудня нам запрещается играть вокруг левого крыла дома, где мой двоюродный дядя отдыхает, читает и пишет, лежа на большой белой кровати – много мебели перевезено из сент-этьенской клиники.

Едва проснувшись, он выходит в крестьянской одежде, чтобы приготовить куриный корм в прямоугольных ящиках, где месит кухонные отбросы, и затем несет его против ветра в курятник. Вечером,

после позднего ужина, он уединяется до часу ночи в своем кабинете, куда никто не заходит и где всегда темно, среди книг, журналов, писем, хирургических инструментов, банок с органами, на галерее застекленного шкафа он, бездетный, хранит в стеклянном саркофаге мумию ребенка, привезенную из Египта около 1900 года, после того, как его отец, одинокий и вновь разорившийся, умирает там от холеры.

Ночью мы спим с открытым окном на улицу, и в грозу водяная взвесь орошает наши постели. Антония купает нас каждый вечер, – точь-в-точь как дома мать растирает нас после бани одеколоном, – в подводной ванне, где скорее всего занимается то место, что гуще всего усеяно ракушками. После ужина все мы, кузены и троюродные братья, сидя на крыльце вокруг нашего двоюродного дяди, отдыхающего в шезлонге, любимся тем, как солнце *падает* в океан. И каждый вечер дядя цитирует либо сочиняет прозаический абзац, стихотворный фрагмент, смотря по освещению, преобладающему цвету заката, более или менее спокойному полету морских птиц в темнеющем воздухе. Над нами благоухает глициния, шум на кухне затихает, наши ноги, искушенные морскими блохами, подгибаются.

Изредка наш дядя Филипп, создающий тогда со своей супругой Элен Международный парусный центр на Гленане – архипелаге вблизи дома, – возвращаясь с Конкарно, дебаркадера этого Центра, присоединяется к нам за ужином, и мы вновь встречаем его за завтраком или, в виде исключения, устраиваем вместе с ним конкурс гренок, хотя в ту эпоху еще существует карточная система. Опять политические

диспуты: наш двоюродный дядя – за Генерала, дядя Филипп – против.

В воскресенье утром семейное авто везет нас на обедню в «поселок», Невез.

Эти мессы «ректор» служит весьма энергично, паства поет, и мы поем со всеми по-бретонски гимны деве Марии, св. Анне; под сводом церкви, прямо над головой, висит большой макет траулера или судна для ловли тунца.

63

Но наибольшее удовольствие от этих каникул – неисчерпаемый животный мир: созерцание «луж» с розовым дном и колышущейся растительной глубиной, отверстия, расселины, охраняемые кустиками анемонов, неясные речи взрослых об опасностях этого зыбкого мира, расположенного между животным и растительным, стремительное отступление пятящихся ракообразных либо их атака на эти мшистые вульвы, дневное царство, – прилив и отлив, – крупное ракообразное или рыба в каком-либо водоеме... Время летит незаметно, пока мы горбимся над этими тайнами.

Оттуда может брызнуть смерть, ослепляющий яд.

В это же время я читаю главу «Тружеников моря»* в сокращенном пересказе Жильятта и Лапьевра: ни одна книга не казалась мне столь жуткой, даже «Синяя борода», которую я читаю и перечитываю и куда уже вставляю выдуманные факты: стенные шкафы, где висят женщины с содранной кожей.

Разумеется, меня ожидают не отвратительные криминальные ужасы, с которыми Господь справится, – чем тяжелее преступление, тем больше Его милосердие и тем сильнее раскаивается

грешник, – а описание страха и борьбы человека с зарядом на лафете, с неопределенностью, бесконечной угрозой, с небытием, поражающим бытие, с бесконечностью, что застывает в конечном и отступает, с твердым, выходящим из мягкого.

64

С раннего детства я осознаю, что пойманный и осужденный преступник – самое слабое из существ, слабее раненого зверя, и что нужно его защищать, помещать на новое место, ведь своим непоправимым поступком либо поступками он добровольно исключил себя из человечества, причем в самой средоточии общества.

К семи годам, «разумному возрасту», я начинаю задумываться на тем, что ощущаю уже давно, – различиях между нациями: по лицам на репродукциях гравюр и картин Дюрера в книге из небольшой библиотеки нашего старшего брата я постигаю, как минимум, эстетическое различие между этими профилями, чертами, позами, «германскими», повелительными, одновременно юными и весьма искушенными, очень вдумчивыми, этими волевыми подбородками и тем, что я вижу на стене у входа в нашу квартиру, где напротив оригинальной гравюры с еврейским рынком в Кракове висят две-три копии портретов Клуэ*, нежных, улыбчивых, легких и ироничных, с маленькими веселыми подбородками. Теперь я знаю, что мир состоит из народов независимых и народов, собранных в империи, – французская и британская пока еще не распались.

Также скульптуры на фасадах соборов, расхождение между германской и французской готикой.

Мне хорошо знакомы лица и декор южной, романской Европы, Италии, Испании, даже Польши и России.

Теперь я вижу в этих германских фигурах и декоре победоносное утверждение, отвергаемое веселой доброжелательностью французского искусства. Это не предпочтение, а осознание того, что по одну сторону – философия, а по другую – любовь. Я чувствую в этом германском искусстве и цивилизации некую сверхчеловеческую волю, преодоление человеческого самим человеком, но с какой целью? И во имя какого Бога? Нечто существующее лишь для себя, воля, победившая ради пустяка, ради себя самой, все то, чем исполнено французское, итальянское, испанское искусство, быт, большие и малые мифы, радость жизни, мистическую радость веры в символы, несовершенство; и эти глубокомысленные взгляды, воодушевленные слишком серьезной идеей человека, обращены лишь на себя или на ученые книги.

В той же библиотеке, наряду с «Лучшими картинами Лувра», где я задерживаюсь на «Вдохновении поэта» Пуссена* и «Крестьянской трапезе» Ленена*, я обнаруживаю немецкую книгу о Тициане. Текст набран готическим шрифтом, слегка дьявольскими буквами, на иллюстрациях воспроизводятся несколько самых красивых ню – «Венера Урбинская»: теперь животный мир вытесняется во мне миром женским. Эта Венера – сцена на заднем плане напоминает наказание раба в Помпеях – своими нормальными пропорциями утоляет муку, охватывающую меня, когда я смотрю в книге про Лувр на бесцветные сепии с толстыми наядами Рубенса, написанными для Марии Медичи, и на других его толстых, лоснящихся красавиц с целлюлитными ягодицами, – далее

«Вирсавия» Рембрандта усиливает смущение, умеряемое, правда, невинностью позы и лица, – где женская плоть становится дорогим лакомством на празднике жизни; плоть как основа удовольствия.

66

На картинах, в газетах и рекламе, на киноафишах, американских и итальянских, в школьных учебниках истории, каждую неделю – своя женщина, свой женский образ.

В медицинских рекламных буклетах, присылаемых отцу, пышущие здоровьем женщины слегка обнажают горло. В те времена меня привлекают горло и едва угадывающиеся груди: источник голоса и источник молока. Расстегнутый верх платья с завязкой на опущенном плече, верх блузки, обнаженное левое плечо, тень в ложбинке между грудями и под мышкой «Герцогини Феррарской» Тициана, я так пристально рассматриваю их, что они оживают, хотелось бы вновь обрести свою детскую способность оживлять безжизненное, и, долистывая альбом до флорентийской «Марии Магдалины», я почти ощущаю легкое прикосновение длинной шевелюры к горлу и ложбинке между грудями, к весьма выпуклым грудям и ляжкам, я почти чувствую у себя эти твердеющие соски. Ее фигура в разумном экстазе напоминает мне девочку из нашей деревни, крепкую и здоровую, одетую, с приоткрытыми губами и расширенными ноздрями, перед редкостными предметами роскоши, выставленными в праздничных витринах.

В семь лет я принимаю первое причастие.

Накануне время растягивается из-за перечня ритуалов – через три года символ веры, – и, несмотря

на суровую карточную систему, я не решаюсь есть то, что может еще остаться в животе до завтра, а ночью не смыкаю глаз: наверное, даже надеюсь, что, проглотив облатку, вступлю в истинную жизнь, что Господь у меня на языке и в моем теле заберет меня с собой туда, где пребывает Сам, где и следует находиться. На следующее утро, пока мы стоим, все в белом, напротив шеренги девочек, меня переполняет такое волнение и такая радость оттого, что я принимаю на язык Господа в виде этого вкусного хлебца, что я боюсь дотрагиваться до него зубами. Но когда, опираясь о балюстраду, я открываю рот и запрокидываю голову под пальцами священника, который встряхивает облатку над потиром, словно желая стряхнуть ее в кровь, Господь делает все, что полагается, Он скользит и тает у меня в горле, и я со слезами стискиваю челюсти лишь после того, как Он спускается на самое дно, откуда никто не сможет Его изъять. Как грустно, что это иммунизированное, успокоенное тело, пронизанное благой решимостью, должно вывести из себя часть дневной пищи, лечь в постель и отдаться неведомому демону, веку, – во сне время не такое, как в жизни, – неведомому количеству времени, потерять его во сне и проснуться уже без Господа.

*

Летний день 1946 года, у западного въезда в протестантскую страну, в Риоторе, первом селе Верхней Луары, если ехать из нашего по долине с очень высокими цветущими травами, где течет река и над ней кружится множество рыжеватого-голубых зимородков.

Каждую неделю наш отец принимает там больных в глубине гостиницы-кафе-ресторана вдовы Д.; дожидаясь окончания консультаций во внутреннем

дворе, на берегу реки Дюньер, мы играем в жмурки и кегли, ходим на ходулях, а затем пробираемся в гараж и под надзором высокой девицы в черном платье в белый горошек залезаем в большой «рено» 1910 года, чтобы потрогать руль, рукоятки, рычаги и затем уснуть на черных кожаных подушках.

68

В другой раз на площади, в глубине которой гостиница, мать берет меня за руку: возле полукруглой лестницы, ведущей к гостинице ПТТ¹, собирается толпа; на ступеньке ежится невысокая брюнетка в черном, с довольно длинными волосами, в довольно коротком платье, на руках младенец, закутанный в розовые шали: его левое запястье забинтовано.

Накануне вечером, в темном кинозале, вдоль стены которого протекает ручей, а проекционную кабинку окружает водоем, она убивает любовника, ушедшего к другой, ударив его сзади в горло перочинным ножом. Новорожденный от супруга или от любовника?

Толпа волнуется и ропщет при каждом жесте, – брюнетка поднимает голову, встряхивает черными волосами и звонко целует малыша, – при каждом движении губ, при каждом взгляде этой женщины, которую полицейский фургон должен увезти в Пюи-ан-Веле.

Младенец? Забрать его к нам! Нет: материнское молоко, любовь... Как можно отнять новорожденного? Оставить мать одну перед синим фургоном: это съемки фильма? Неужели ее убьют лишь за то, что...

Я тяну мать к мосту и вижу, как все местные реки несут кровь преступления, заражают поля и луга,

1 Почта, телеграф, телефон.

затягивают в свой омут пресноводных чудищ, неведомых в наших краях.

Я говорю матери, что нужно вернуть ей нож: переиграть эпизод, обратив все к Благу; почему Господь создал нас лишенными этой способности исправлять свои поступки задним числом? Почему это убийство совершается в настоящей жизни, а не в иной? Почему Время необратимо? И почему нельзя перекроить историю к Благу еще в этой жизни?

69

Я вижу слезы в глазах своей матери: лишь эта убийца, цыганка-полукровка среди множества мужчин – умеет ли она хотя бы читать и писать? – осмелилась совершить то, чем блистают наши трагедии, стихи, романы, картины и оперы, то, что наши актеры столь старательно, с таким удовольствием изображают и что мы обязаны прилежно изучать.

Я очень часто открываю книгу «Свидетели, что не убоились пожертвовать жизнью...». Когда заходит речь о нацизме, вновь и вновь возникает вопрос, даже в наших детских беседах: как *они* могли унижать, пытаться, скучивать, морить голодом, истреблять – чуть ли не под звуки своей величайшей музыки? Пока что не ставится вопрос об отношении красоты и морали, но прекрасное расценивается, по крайней мере, моей матерью, пожалуй, как высшее доказательство существования человека и его бессмертного величия, доказательство его бессмертия: прекрасное считается не лакомством или удовольствием, а стремлением к благу, возвышением души над телом. Искусство не выражает никакой морали, но лишь уверенность в нашем божественном происхождении. Как можно в один и тот же день, в один и тот же час

столь высоко возноситься, слушая и исполняя музыку, и столь подло осквернять человеческое тело, человеческую душу?

70

Порою, – теперь не проходит и дня, чтобы я не видел поверх наших моральных предписаний нацистские изречения над воротами концлагерей: «ARBEIT MACHT FREI»*, «JEDEM DAS SEINE»*, – слушая радио, где Германия вновь получает слово, я спрашиваю у нашей матери, как *они* еще смеют говорить по-немецки, на языке палачей Европы, языке тех, кто убил ее самого младшего брата – нашего «старшего брата», – и после первых же выступлений политиков о создании Федеративной Боннской республики я со страхом жду момента, когда голос наберет силу. Но в ту эпоху *они* уже смягчают свои голоса и слова.

Ее отец знает и любит немецкий язык, читает на нем даже в траншеях под Верденом, но мать может слышать его лишь под аккомпанемент заглушающей музыки, и этот язык теперь тревожит меня, словно призыв, опознавательный знак.

Задаваясь вопросом, как можно еще быть *немцем*, я узнаю из текстов и фотоснимков – в то время молодежь обеих возрождающихся стран, Франции и Германии, начинает встречаться друг с другом, объединяться в организации, а Европейский союз вновь становится не просто идеей или обязанностью, а порывом, болью, радостью, верой – о грузе, бремени (родители-нацисты) и долге, в которых без вины виноватый немецкий ребенок черпает силы.

Теперь я могу прочитать в этой книге перечень лагерей смерти с их местонахождением, «специа-

лизацией», количеством убитых – по-прежнему приблизительным – и начинаю складывать цифры, слово «израильский» наполняет меня страхом, именно этот термин используется во французском переводе Книги Исход и Книг Царств для обозначения библейского народа, и я пытаюсь понять, почему в этих списках его представителей больше всего и где в наши дни находится их государство в Европе, ведь в перечнях заключенные и убитые именуется чехами, поляками...

71

По радио передают сообщения о Ближнем Востоке, конфликтах, происходящих и готовящихся там, и о том, что в ООН начинается обсуждение вопроса об Израиле.

К тому времени я уже хорошо представляю изображение на карте этого вертикального морского побережья: это та же полоска земли, что и во времена Давида или Христа? К шести годам я могу по памяти нарисовать Францию и ее империю, итальянский аппендикс и Британские острова. Я уже знаю, что по сравнению с целой планетой Франция – маленькая страна, хотя на французских школьных картах она и располагается в самом центре мира.

Я пытаюсь понять, как народ, который я после изучения Библии считаю активным участником и свидетелем первых дней Творения, даже адресатом Творения, оказывается в этих промышленных, самых заурядных местах Европы; я знаю, что после распятия Христа и еще раньше многие представители этого народа покидают Землю обетованную, расположенную недалеко от Эдемского сада, и что очень давно некоторые из них находят пристанище в Польше.

От матери я знаю о некоторых символах, в том числе языковых, синагогального ритуала и теперь задаюсь вопросом, как из подобных истоков народ, видевший Бога, способен вычлениить обычный ритуал; как из такой грандиозности можно создать ритуал, а из подобной истории – прозаические обычаи, сродни нашим; через Библию я с давних пор воображаю Иерусалимский храм, его святая святых; через Евангелие я представляю себе священников и их верования, веру во Христа, Деву, Апостолов, Иосифа Аримафейского*; синагогальные ритуалы в наше время кажутся мне, скорее, возрождением древнего и даже доисторического обряда, нежели выражением, отправлением нынешнего культа: скорее, ритуалом отсутствия, чем литургией реального, для меня Мессия пришел и вновь придет за оставшимися людьми в конце времен: так зачем же отмечать Его ожидание, если Он пребывает во мне всякий раз во время причастия? Как я, ребенок, душевно воспитанный на драме Страстей Христовых, мог бы помыслить, что евреи в душе не христиане, ведь Иисус – еврей, и сердцем, воображением я принадлежу к тому же народу?

Поскольку тогда я еще не знаком с книгами Библии, подробно описывающими историю и обоснование ритуалов и обычаев, я ведаю лишь о мифическом, еврейском происхождении мира, человека и его искуплении Христом.

Теперь я знаю, что этот народ стал мишенью и объектом величайшей ненависти и истребления нацистами, однако не исчез с лица земли, а, далекий от нас пространственно, но столь близкий мифологически, возрождается в независимом государстве, таком же «западном», «цивилизованном», как у нас.

Однако, помимо нацизма и его последствий, теперь есть еще и «безбожный коммунизм», его форпосты в каких-то сотнях километров от нас, в странах, чьей историей мы дорожим: Польше, Чехословакии, Венгрии и т. д., и вокруг меня уже говорят об Индокитайской войне*, Мадагаскарском восстании*: наш дядя Пьер и другие наши близкие родственники сражаются в Индокитае, где Франция сталкивается лицом к лицу с «интернациональным коммунизмом».

73

В подшивке «Иллюстрасьон»* с конца XIX века по Вторую мировую войну я изучаю снимки, рисунки, портреты: колониальные завоевания, Франция на карте мира, драмы Республики, скандалы, катастрофы, Великая война с цветными портретами военачальников союзных войск, истерзанные земли...

Лютая зима 1944–45 годов, отрезвление палачей и блуждания жертв по опустошенным территориям, Италия, Германия, Франция, Голландия, Лондон, Ковентри в руинах, карточная система, траур, сироты, чесотка, вши, калеки, сумасшедшие, драма перемещенных лиц, тяжкие муки организаций усиливают стыд и волю к возрождению: каждый день наша мать поминает жителей Центральной Европы, вышедших из лагерей или оттесненных наступающей Советской армией, разбросанные семьи, родителей, ищущих детей, детей, ищущих родителей, мужей и жен, ищущих друг друга, братьев и сестер, ищущих друг друга, бабушек и дедушек, ищущих внуков, лагеря в Австрии, Германии, Италии, где временно содержатся беженцы и выжившие узники концлагерей...

В нашей деревне, административном центре кантона, расположенном на пересечении дорог, ведущих в Пюи, Сент-Этьен, Вьенну, Анноне и Валанс, тогда проживает около трех тысяч человек. Множество ремесленников: шорник, кузнец, пекарь-кондитер, бакалейщик, виноторговец, мясник, колбасник, зеленщик, владелец гаража, продавец велосипедов, парикмахер, галантерейщик, продавец модных товаров, торговец скобяным товаром и игрушками, торговец радиоприемниками и игрушками, хозяин писчебумажного магазина, книгопродавец, табачник, мебельщик, фотограф, ювелир, аптекарь, три врача, в том числе мой отец и дед, нотариус и два кинотеатра: католический «Фойе» и «Руаяль».

Благотворительное учреждение, две религиозных школы, женская и мужская, большая общеобразовательная школа, «светская», общая для девочек и мальчиков; три гостиницы, довольно известный «Отель де Франс» и две гостиницы-ресторана, десяток кафе, половина из них с террасами, Больница-Приют-Родильный дом; мэрия в центре, бывшее жилище кардинала Донне, архиепископа Бордо, уроженца Бург-Аржанталя и соученика кюре из Арса; Почтамт на первом этаже нашего здания; вокзал в южном предместье деревни обслуживает также Анноне в Ардеше, а на северо-западе – Дюньер в Верхней Луаре.

В самом начале 50-х это не более чем товарная ветка; со стороны Дюньера она поднимается высоко к массиву, отделяющему Верхнюю Луару от Ардеша: много туннелей, локомотив в определенные часы выбрасывает клубы дыма и свистит, мы долго следим за его продвижением между пихтами у нас над головами.

Эта большая деревня появляется в XVI столетии, в эпоху Религиозных войн*; феодальный хутор Аржанталь, из которого она выросла, – собственность маркиза с такой же фамилией, друга Вольтера, – расположен в трех–четыре километра выше по сент-этьенской дороге: развалины крепости, несколько очень старых домов вокруг, а вверху скалистая гряда, поросшая в сезон розовым вереском, которую называют Черепахой; это уже Средиземноморье.

75

В семи километрах к югу от поселка начинается департамент Ардеш: первый населенный пункт, протестантский, рабочий Анноне – кожевенный завод, бумажная фабрика – в ту пору угрюмый городок, зажатый между крутыми берегами Канса: несчастные рабочие и старинное виварэское дворянство, всемирно известная бумажная фабрика, Кансон, Монгольфье, где производят первые монгольфьеры.

Дальше либо Рона, либо виварэские горы, Севенны, через Сен-Мартен-де-Валама к Тростниковому скирду – истоку реки Луары.

Поскольку до Сент-Этьена тридцать километров по очень извилистой дороге и чаще всего заснеженному перевалу, Анноне, расположенный ниже нашей деревни и всего в четырнадцати километрах, – город исключительных покупок, куда мы добираемся на автомобиле; до Сент-Этьена – на автобусе «Гарампази». От Анноне до Сент-Этьена полтора часа пути в обычное время; до Пюи и Лиона – автобусы «Ванель».

Школьный костюм покупается в Сент-Этьене у Армана Тьерри: снятие мерок, примерка – обеспеченная надбавка нежностей.

До 1947 года я не знаю ни одного города, помимо Вьенны; во время путешествия по Франции в Бретань мы проезжаем центры городов без остановок: окружных дорог еще нет, но эти населенные пункты восстанавливаются.

76

С раннего детства я представляю промышленный город, исходя из того, что вижу в нашей деревне, а рабочие кварталы и горожан – такими, какими вижу у нас рабочих, большинство из них еще отчасти крестьяне, возделывающие поля на окраинах деревни; известно, что служащие, чиновники, строители, коммерсанты хорошо живут, вкусно едят: заливное, отменную колбасу, первые блюда, суфле, дичь, меренговый торт, сливки: Рона совсем близко, лучшие сорта винограда в изобилии.

На выезде из деревни в сторону Роны и Верхней Луары, перед подъемом к Траколю, множество огородов, фруктовых садов с персиками, сливами, грушами, вишнями.

В горах, на пересеченной местности, труднодоступной и неплодородной, выращивают пшеницу, рожь, гречиху, овес, клевер, картофель, капусту, тыквы, помидоры; немного винограда, разводят рогатый скот, коз, чуть-чуть овец.

Множество грибов – луговых опят, лисичек, «поплавков», млечников, белых, – много одуванчиков, которые здесь называют «барабанами».

В реках, почти всегда бурных, много форели и креветок; в горах над нами хищные птицы, сарычи, коршуны, залетные орлы, ночью много сов, совок, филинов; на деревьях сойки, вяхири, дятлы; над пашнями много ворон, которых здесь называют «рашá»;

фазаны, тетерева, куропатки, перепела; на земле – тут некогда рыскал Жеводанский зверь* – кабаны, косули, лисы, барсуки, ласки, зайцы, кролики, полевки, тушканчики, белки; в норах ужи, зеленые и красные гадюки; зеленые ящерицы, много неядовитых и полуслепых медяниц, кроты; в траве насекомые, для нас тогда наиболее доступная часть животного мира: опасности никакой, но и не погладишь.

77

Крестьяне спускаются с гор или поднимаются из низин в поселок в базарные дни, а в воскресенье приходят к обедне либо пересекают деревню с упряжками и тележками во время жатвы и приводят стада на убой: дорожная служба убирает за ними коровий навоз или овечий и козий помет; также много конных повозок и лошадей; на дорогах между фермами, на краю полей, тележки такого же синего жандармского цвета, как и фон указателей.

Большинство крестьян бедны, семьи многочисленны, до четырнадцати детей и более: много работы для нашего отца, днем и ночью, «принимать роды» либо лечить; в кантоне все католики, ходят в церковь; но свободные: батраков мало; зимой они чинят свои инструменты, жилища и мастерят из дерева игрушки, скот, упряжки, двуколки, тележки.

В детстве мы сопровождаем нашего отца в поездах по деревне, за ее пределы и в горы, входим во все дома: дворы и интерьеры ферм успокаивают, но жилища рабочих уже тревожат своими смятыми постелями, запущенностью, неустроенностью, промышленной копотью, запахом скверной пищи, грязных детей, вина; крестьянский интерьер: большая общая комната, чаще всего с земляным полом, по которому даже бродят несколько животных со скотного двора,

с очагом, средоточием тепла и света, где всегда кипит и бурлит большой котел супа – на горных фермах огонь горит круглый год; большой стол, за которым нам тотчас же предлагают «канон» красного вина, миску молока, кофе и коробку сахара – в такой же коробке, только без сахара, на подоконнике хранятся документы на дом и имущество и пара городских открыток; мать или старшая сестра взбивает масло в маслобойке; бабка сидит у камина и понемногу помогает, дед спокойно дремлет или осторожно обходит дозором ферму и земли, хотя они ему больше и не принадлежат.

С одной стороны, дезорганизованный, разобщенный мир без «экономической» цели – дети предоставлены самим себе, а с другой – налаженное сообщество, где все традиции сохраняются, дети трудятся ради того, что и так уже является их добром, их будущим.

С одной стороны, еще сырой, но уже подточенный протестами язык, а с другой – свободная, очень образная речь, нередко диалект, природа – там, снаружи, лето, и внутри, с неприкрытыми телами, вкусным запахом скота, зримым благоденствием: плоды трудов перед тобой, для тебя.

Еще в школе, куда крестьянские дети приходят утром после часовой прогулки, поражает контраст между бледноватыми лицами, нервными, беспокойными телами детей рабочих и красными щеками, благодушием крестьянских детей, – дети служащих одеты строго, нарядно, – жесты тех и других проистекают из их образа жизни.

Сыновья рабочих расторопнее с девочками, и, спускаясь по наклонной деревенской улице, они

словно ведут по дороге стадо коров, с палкой в руке и собакой сбоку.

На каждой ферме восседает еще молодой дед, уцелевший в Великой войне, что велась на французской территории, на севере или востоке, либо дальше, в Сирии или на Дарданеллах. Все мужчины старше двадцати трех прошли призывную комиссию и завершили военную службу в Гренобле, в отряде альпийских стрелков, в автотранспортных войсках в Валансе или в Лионе.

79

Тракторов пока еще нет, их опасно использовать на крутых склонах, отлогих полях; на фермах ни стиральных машин, ни кофейников, ни электрических утюгов, пожалуй, лишь радио в большой зале или в комнате на верхнем этаже, – напротив гумна, – где хранится в полной неприкосновенности приданое супруги, в шкафу рядом с кроватью, на которой иногда спят вместе почти все члены семьи. Лютый зимний мороз принуждает к телесному сближению. Вновь перечитывая рассказ о рождестве Христовом, я представляю сцену на одной из этих ферм в высоких горах, дыхание скота поднимается сквозь пол к семейному ложу с рожаящей матерью.

Деревни окрест Бург-Аржанталя, начиная и заканчивая югом: Булье, Сен-Марсель-лез-Анноне, Сасола, Самойя, Сава, Сент-Аполлинар, Макла, Люпе, Веранн, Пелюсен, Коломбье, Гре, Тели-ля-Комб, Ла-Версанн, Ле-Беса, Тарантез, Планфуа, Сен-Жене-Малифо, Жонзье, Марль, Сен-Режи-дю-Куэн, Риотор, Клава, Сен-Жюльен-Молесабат, Бюрдинь; хутора и местности: Мари-Шевалье, Шант-Пердри, Лартаже, Ла-Сьов, Ла-Сьовет, Ла-Веркантин, Лез-Эйод, Фожер, Шершени, Ле-Лож-де-ла-Пра, Ла-Биус, Риорама, Ла-Кретьен,

Ле-Руэр, Ле-Про, Ле-Фурнаш, Комбр, Жимель, Буниоль, Ле-Патюро, Моншаль и его феодальные руины, Ле-Фанже, Рафе, Ла-Картара, Монмеа, Ле-Тесп, Л'Эрмюс. Крайние точки участка, обслуживаемого нашим отцом: Серьер на Роне на востоке, Ле-Шамбон-сюр-Линьон на юго-западе, Монистроль-сюр-Луар на западе, окрестности Сент-Этьена и массив Пилат на севере.

80

С 1945 года к тяжелому труду нашего отца прибавляются обязанности муниципального и генерального советника: беспартийный и близкий, скорее, к Независимым и крестьянам*, он берется за модернизацию сельской жизни. Усиливается исход из деревни: девушки больше не хотят выходить замуж за фермеров или же требуют современных удобств: стиральную машину. Необходимо заасфальтировать дороги, дабы улучшить связь с изолированными хуторами высоко в горах или на плато. В Бург-Аржантале и пограничных деревушках следует сохранить и усовершенствовать промышленность, внедрить ее новые отрасли. Мы видим и слышим, как отец говорит, действует, борется: порой он набрасывает небольшие речи своим очень быстрым, почти неразборчивым наполеоновским почерком и читает нам вслух.

В генеральном совете Луары, в префектуре Сент-Этьена он встречается с другими советниками, депутатами и завязывает дружбу как с коммунистами, – он ценит их бескорыстие и преданность общественному благу, – так и с консерваторами: с Антуаном Пине*, мэром Сен-Шамона, депутатом от Луары, будущим министром иностранных дел и президентом Совета.

Весенним вечером 1947 года у нас ужинают Антуан Пине и Жорж Бидо*, бывший председатель Национального совета Сопротивления*, бывший министр иностранных дел при генерале де Голле, а также депутат от Луары и соучредитель Республиканского народного движения*, партии, недолюбливаемой отцом: мать принимает гостей с изяществом; мы здороваемся с ними в пижамах: Жорж пожимает нам руки той же рукой и целует теми же губами, которые, по словам матери, еще совсем недавно касались Молотова, возможно, Сталина, и я представляю, что через руку Молотова, сжимавшую руку Риббентропа, что-то от Гитлера остается на руке Жоржа Бидо, пожимающей мою маленькую ладонь; весь ужин мы слушаем из-за двери этих великих людей, еще более величественных, чем все великие люди: я слышу об отставке генерала де Голля в январе 1946 года, слышу, как нашу мать расспрашивают о ее жизни в Польше, о ее отце. Я слышу, как говорят о маршале Пилсудском, Гитлере, Муссолини и Сталине с Жоржем Бидо, заключившим советско-французский договор от 15 февраля 1945 года. Я уже знаю, что Сталин держит у себя в кулаке десятки миллионов людей, что он ежедневно распоряжается их жизнью и смертью, что из года в год его власть распространяется на все новые территории и народы. Жорж Бидо много пьет, шляпа Антуана Пине висит в прихожей.

В ту пору Англия отделяется от Индии, а Индия делится надвое, утопая к крови. Я уже читаю тогдашнее издание «Книги джунглей»* и не понимаю, как столь миролюбивые народы учиняют подобную бойню; Маугли из книги кажется мне порождением

божественной грезы, получеловеком-полужверем: пойманное нагое тело, уши разумеют язык зверей, уста говорят на нем, ребенок останавливает хищника, Давид без пращи побеждает животное-Голиафа.

82

Наряду с чувством несправедливости и неравенства, меня терзает до потери сознания зависть, страстное стремление к трудовому классу; я хочу, чтобы мое тело оставалось «диким», лишенным известных предков, не хочу «культурного» тела, хочу естественного и естественно метафизического. Я уже отвергаю коллективный спорт, гимнастику как культурные заменители естественного телесного развития, как социальную муштру: я тянусь к тем видам деятельности, где остаюсь самим собой, обретаю удовольствие, познаю мир и игру. Я знаю, что мать ощущает это или, возможно, разделяет мои чувства: что через рабочее тело, реальную трудовую деятельность ради результата, а не абстрактную, как коллективная гимнастическая дрессировка, – я боюсь и отказываюсь показывать свое изначальное несовершенство и свое развитие, состояние роста, демонстрировать трансформацию своего естественного и умственного состояния, показывать в действии и развитии не только свои члены, но и мозг (желание индивидуализированного ученичества, избранничества, как в природе), – я быстрее и без всякого стыда вступил бы в настоящую жизнь: тогда же во мне крепнет стремление уйти, сбежать, вырваться от этих предков, желающих, чтобы я был таким же, как они.

Болезненное желание иметь тело тех, кому наш отец помогает появиться на свет, отказ от социального

телесного неравенства. Потому ли, что с телом, посвященным ручному труду, можно жить больше и с большей свободой, нежели с телом культурным, путешествовать, чувствовать себя хорошо везде, со всеми? Испытываю ли я непрерывное стремление стереть различие между моим телом и телами людей из народа? Таково фактическое положение дел, и матери незачем нам об этом говорить: мы не из *народа* и страдаем от этого. В те времена я еще не осознаю своего тела. Этот вопрос встает лишь позднее, вместе с половым созреванием, но уже тогда я чувствую, что мое нынешнее тело – сейчас я красивый, вероятно, желанный ребенок – преобразится, поскольку я изо всех сил стремлюсь вырасти, действовать и даже вскоре умереть, в полном расцвете сил, дабы воссоединиться со своим Творцом, Отцом и Сыном. Я желаю, чтобы мое тело любили не только потому, что так принято (родители, невеста, суженая), а чтобы его любили другие: я ощущаю, что тело рабочего, крестьянина, циркача, как я их начинаю видеть к тому времени, могут быть желанными, любимыми сами по себе: во всяком уголке мира и при всяких обстоятельствах.

В глубине предместья Альманде, со стороны Анноне и Ардеша, между шоссе и рекой Деомой, по соседству с футбольной площадкой, выделено место для цыганских фургонов, под вывеской «Кочевникам вход воспрещен». Их присутствие у южного въезда в большой поселок привлекает детей, но пугает родителей.

Они красивые, высокие, у них лоснящаяся кожа, небрежные и уверенные жесты, дети носят лохмотья с чужого плеча, неведомых тканей и расцветок: все

у них блестит – волосы, глаза, брови, ресницы, губы, серьги в ушах, ногти, громкий хохот и речь переливаются; они стирают белье и моют котелки в реке, сушат чистую одежду на кустах ежевики, а в сезон едят с них ягоды; сидя на ступеньках своих фургонов, вокруг костров, они плетут корзины, коробки и шляпы. Поздним утром и ближе к вечеру женщины и мужчины поднимаются в центр, дабы продать свои кустарные изделия, женщины также ищут, кому бы погадать по руке; у некоторых музыкальные инструменты: скрипки, гитары, тамбурины, флейты.

У меня уже есть небольшая флейта, свирель, я ухожу играть на ней один в ближние поля: этот маленький инструмент из черного бакелита мать купила мне в парижской «Соноре», и я играю на берегу нашей горной речки, поднимаясь все выше и выше, играю для птиц на растущих вдоль берега кустиках и деревьях. Прижимая пальцы к дырочкам, я пытаюсь подражать крикам, пению птиц, дабы они откликнулись, так я поднимаюсь вслед за ними до первой лесопилки, за домом, построенным и населенным итальянцами, весь день поющими у стен и на крышах; на лесопилке меня останавливает шум инструментов, пил – уже электрических, – раскалывающейся, падающей или катящейся древесины, бросаемых друг на друга досок, рев грузовиков, крики и песни рабочих: меня уже разыскивают, так чего же мне все-таки нужно?

У кого-то на плече обезьяна, некоторые девчонки и мальчуганы жонглируют или делают сальто. Вокруг толпятся деревенские дети, а поодаль взрослые. Говорят, будто цыгане воруют кур, и я представляю набитые птицей фургоны, цыгане усыпляют ее порошком либо заклинаниями и, покидая наш поселок,

спускаются под грохот колес и цокот копыт, чтобы продать ее на берегу Роны.

Но как же они, со всеми этими детьми, младенцами, умудряются красть и убежать на столь неповоротливых повозках? Именно тогда, благодаря цыганам, после того, что я знаю о духовном сопротивлении в лагерях смерти, я постигаю силу свободы: стало быть, есть предел осуществлению закона – это сила человеческой речи и взгляда. Следовательно, на земле есть люди, внушающие уважение представителям закона. Воспитанный в почитании закона, тем более закона божественного, я уже не ощущаю никаких прав, даже права на жизнь, во времена тотальной родительской власти, когда не действуют поверхностные представления о правах ребенка и, хотя повсюду стараются опекать детей войны, ребенок все еще существует исключительно для родителей. Тогда я обретаю это право в сомнении, чувстве вины и тревоге.

Эти люди, в большинстве своем вышедшие из лагерей, всеми порицаемые и угнетаемые, их обычаи, приписываемые им занятия, их неустроенная жизнь, дома́ на колесах, их незнакомый язык, ремесло музыканта и плетенщика, внушают уважение. Значит, возможно противостоять закону одним лишь своим существованием, одним лишь утверждением своего присутствия, пусть даже непостоянного, в некоем месте. Этот народ, в сущности не знающий о своем происхождении, его дети, не принадлежащие никому в отдельности, свобода их жестов и поступков в отношении взрослых: сердце бьется от волнения, когда, выйдя из сада моей бабки или из дома, после ее скромных, но весьма аккуратных полдников, я шагаю по дороге, ведущей к табору.

Столько рук тянется ко мне, и вот через год я возвращаюсь с их толпой, изменившись до неузнаваемости, делаю сальто, играю на скрипке и танцую, у меня уже есть собственные дети, и мои близкие больше не узнают меня.

86 Я происхожу от Бога Отца и Сына, а не от своих земных предков. От того, что я ощущаю гораздо глубже, и от чего на глаза наворачиваются слезы, когда я наедине со своей флейтой, всё из-за этого надмирного происхождения.

*

В раннем детстве, после рассказа о Пятидесятнице, остановившись в саду между забегами, от которых идет носом кровь, или приподнявшись над землей и поедая фрукты, я смотрю в небо, на стремительные облака: почему у нас есть лишь руки? Почему мы не летим быстро-быстро над растениями, кустиками, деревьями, домами, горами, водой к нашим братьям и сестрам из Африки, Азии, Америки, Океании, чтобы, спустившись к ним, тотчас заговорить на их языках? Почему мы не можем видеть мысли и чувства других, а другие – наши? Почему не можем силой желания, одним лишь его высказыванием перенестись – только мысленно или еще и телесно? – на другое полушарие; едва уснув здесь, пробудиться там, у изгороди на опушке джунглей, поесть больших плодов, побегать за диковинными животными, почему не можем перенестись в прошлое, в будущее; увидеть собственные действия, направляющего, укрепляющего нас двойника? Ведь ангела-хранителя уже недостаточно.

В ту пору я боюсь стать убийцей и равно боюсь перестать существовать внешне, когда много мечтаю и думаю: зёркала теперь недостаточно, меня

нужно сфотографировать или, еще лучше, снять на киноплёнку: я боюсь поглощения моей плотской оболочки моими мыслями, фантазиями, после чего у меня останется лишь внутренняя жизнь.

*

Среди книг, что я читаю в нашем доме в Сен-Жан-де-Бурне, лежа на паркете или на зеленом канapé в малой гостиной, где помещается основная домашняя библиотека, в промежутке между Жюль Вернами в Хетцелевом издании* я начинаю «Поля и Виргинию»*: гроза, прибытие Пьера, вплоть до главы о «беглой негритянке». Эмоции столь сильны, что в комнате, нагретой от жаренья орехов с сахаром, которые я со своими многочисленными кузенами и кузинами только что готовил на маленькой деревянной плите, я теряю сознание: придя в себя, встаю и через застекленную дверь соседней большой гостиной выхожу в сад, еще влажный от недавней грозы.

87

С самого конца войны мать рассказывает нам, в связи с драматическими событиями в Индии, про колониализм, соперничество французской и британской империй, про Фашодский кризис*, книга о котором есть в ее библиотеке, про Южную Африку, Бурскую войну*, первые концлагеря XX века, организованные Китченером* для непокорного населения, и, прежде всего, про чернокожих жертв сегрегации на собственной территории; у матери складывается такое возвышенное представление о французской армии в целом, особенно о колониальной армии в ее идеале, столь богатой легендарными фигурами – отец де Фуко*, Эрнест Псикари* и др., что она не в силах постичь, как эти войска, под предводительством офицеров, на которых она смотрит глазами своих братьев и родственников,

высокоморальных христиан, могут совершать подобные гнусности: эти буры как-никак протестанты, эксплуататоры чернокожих и чуть ли не рабовладельцы, уважающие, даже судя по их именам, бывшие и слишком суровые для нее библейские принципы, подобные правилам американских пуритан, они ей ничуть не по нраву и преследуются здесь Англией-завоевательницей – исключительно ради защиты и расширения ее мировой торговли.

В те времена вся Черная Африка ассоциируется с красотой, племенными плясками, голыми и разукрашенными женщинами и мужчинами, опрятными деревнями и огороженными участками, а кроме того с болезнями: правда, сонная (муха цеце), лепра, бери-бери строго очерчены, медицина белых уверенно продвигается вперед, точно завоеватель или ассенизатор, очищающий и оздоравливающий области и народы; эти болезни – следствие отсталости, стало быть, для их искоренения достаточно «цивилизовать» население; сами по себе африканцы чисты сердцем и душой. Цивилизация обретает здесь плодородную почву. В Западной Европе, на незначительной территории, развращенной бесчестьем, зло и величие столь неразрывно связаны, что не возникает четкого образа, к тому же недавняя война с ее зверствами скомпрометировала цивилизацию; а коммунизм, в свою очередь, угрожает вымиранием. Но Черная Африка, со своими масштабами, географией, землей, растительностью, неторопливыми реками, внушает доверие: даже хищные звери, колдовство – цивилизация способна их укротить и устранить или превратить в положительные силы.

Адаптации *спиричуэла* и *госпела* уже поются в католических общинах: образ танцующей веры

афроамериканцев, – пришедшей издалека: нечеловеческое положение раба – и осовремененной, – верующие импровизируют с гимнами, псалмами, – запечатлен на поучительных фотографиях.

Наша мать слушает Мариан Андерсон* еще до войны и после Освобождения в Париже, на концертах *спиричуэла* и классических *Lieder**, она восхищается этой певицей, свидетельницей отстаивания американскими чернокожими своих прав, этим образом ненасильственного достоинства: мать рассказывает мне о сольных выступлениях, на которых она присутствует, и даже пытается подражать ее нежному голосу. Весьма чуткая к бедам чернокожих в Америке, она отговаривает меня читать «Хижину дяди Тома», слезный роман с ее точки зрения, но, по-моему, она просто хочет пощадить мое слишком большое сердце, чтобы оно не билось так быстро.

Прочитав ту сцену о беглой негрятянке, я непрерывно выискиваю во всех книгах и журналах, оказавшихся под рукой, фразы, абзацы, иллюстрации о рабстве: изображения продажи рабов на юге Соединенных Штатов, с торгами, продавцами и покупателями в шляпах, одежде и сапогах, вокруг этих тел, закованных в кандалы, в легких хлопчатобумажных сорочках, разлученные семьи, грузы невольничьих суден накладываются на образы утренних и вечерних переключек в концлагерях, колонны узников, вагоны для скота с зажатыми в них людьми, мертвыми и живыми: эти жители Запада, христиане, республиканцы, задирающие губы рабов, дабы взглянуть на их зубы, – те же нацисты, вырывающие золотые коронки у отравленных газами и сгоревших узников. И хотя там гравюры, а тут фотоснимки, это ничего не меняет.

Однажды, читая прижизненное издание вольтерровского «Задига» и дойдя до «Кандида», я натываюсь на главу «Негр из Суринама».

Я знаю, я уже давно читаю о том, что римляне, греки и многие другие владеют рабами – даже евреи, хоть у них и менее строгие законы, но они все равно не могут заступиться за Христа.

90 Нам известно, что между Серьером и Вьенной есть небольшая могила, римская стела, посвященная хозяевами нежно любимой рабыне. Мы ищем ее на дороге вдоль берега Роны, но так и не находим. Когда я читаю, что императрица Жозефина родилась в семье плантаторов на Мартинике, моя симпатия к Наполеону вновь идет на убыль: я еще не знаю, что Первый консул восстанавливает рабство, отмененное Конвентом.

В то же время, что и мое первое причастие, я смотрю первый свой фильм: в «Фойе», приходском кинозале, – где я также смотрю спектакль «Богоматерь Муизская», о бедствиях Зоны в северном предместье, поставленный нашей местной труппой «Друзья джаза». Это «Дон Боско»*, черно-белый итальянский фильм 30-х годов. Галлюцинация ребенка, который просыпается в общей спальне на родной ферме и, словно сомнамбула, шагает навстречу видению, озаряющему окно, это световое видение – рождение кино, причастие, озаряющее интерьер, и в ту пору мне кажется, что его очертания расходятся лучами, что это и моя судьба, мой грядущий свет; я смотрю на луч проектора почти столько же, сколько и на изображение, передаваемое на экран. Так я узнаю: во времени и пространстве есть световые годы. Этот луч, с частичками пыли и света, пересекающими большой зал, шум двигателя в будке

за спиной придают механичную, реалистическую достоверную сверхъестественному действию проектора и появлению света Христова: я знаю, что тоже могу стать святым, что эта способность – результат тайной договоренности между Господом и мной.

Пару недель спустя я смотрю в цвете «Ганса Христиана Андерсена и танцовщицу»*: видение балета, танца, балетной декорации, сценической тайны позволяет мне ощутить, – образ и его творец, творец и творение, дар мизансцены, описания, оживление образов, – что образы искусства рождаются из черноты.

Затем «Книга Джунглей» в цвете, с Сабу: образ ребенка, юноши, вышедшего из-под шерсти или чешуи своих животных-покровителей: Шер-Хана, Акеллы, Балу, Багиры, Каа; пойманный и запертый полуголым, не считая красной набедренной повязки и длинной блестящей черной шевелюры, хлопающей по ягодицам, плачущий за решеткой, его бледнолицые охранники с хлыстами в руках, какое потрясение для растущего организма!

Он хочет убежать, вернуться в джунгли к тем, кто его вырастил, но чего он хочет на самом деле с этой кожей, губами, горящими глазами: откуда эти слезы, и чего хотят эти друзья-животные, его отцы-волки, тигры, его мать Багира, дядя Каа, этот кусок могучей плоти, разыскивающий его по всему лесу?

Мне говорят, что Каа в фильме играет настоящий питон, но как мальчика приучили к змее, а змею к мальчику? Из каких обматываний между ногами, вокруг ляжек, торса, шеи, подмышек проистекают эти образы в «техниколоре», где плоть всегда предстает открытой, но при этом, – *сексуальное*

пиршество, – открытой для чего-то иного, когда слезы, пот, кровь и прочие неведомые вещества обильно текут и словно смазывают все человеческие соприкосновения, мужская пыль, женские румяна.

92

Годом ранее в Сен-Жане я подбираю на третьем этаже, там, где «камеры смертников», вероятно, еще довоенный номер «Рождественской звезды», увиденный мельком в конце лета 1944 года: я натыкаюсь на изображение Фарфадетты, маленькой дикарки. Я читаю текст вокруг иллюстрации и понимаю, что речь идет о девочке из Ниццы, вероятно, американке, которую родители потеряли в снегах Пейра-Кава и которая пару лет питается ягодами, быть может, сырым мясом животных: ее одежда превращается в лохмотья от беготни и ползанья по лесу, весна-лето-осень-зима, кожа на ступнях, кистях, губах грубеет. Ребенок прячется от людей, но вновь приближается к ним, словно волк, шакал, лисица. Порой девочка, проходя мимо, приседает за кустами ежевики, в двух шагах от роскошного отеля, а колючки, возможно, цепляются за длинную шубу ее умирающей от горя матери.

И как она не царапает себе груди, набухающие под рубищем? Когда я дальше читаю о ее беготне в подлеске, шипы царапают мои собственные соски, которые начинают чесаться; я ощущаю своим ртом, как от вынужденного молчания твердеет ее язык, нёбо, гортань; слышу своими ушами, как обостряется ее слух, чую своими ноздрями, как усиливается ее обоняние. Ее шевелюра задевает за нижние ветки, руки изгибаются и поднимаются, ее можно взять под мышки, рваный лоскут скользит по ягодице, отключенной в ожидании... В те времена волосы

для меня – почти исчерпывающее воплощение страсти. Длинная и вольная грива, открытая, неперевазанная, покрывающая почти все тело, хоть детское, хоть взрослое, так занимаются любовью дети; когда волосы спутываются вместе, это и есть любовь. Именно волосы наказывают мятежного сына, Авессалома*, цепляясь за ветки во время его бегства, и оставляют его без головы; именно лишение волос лишает силы Самсона*, а их отрастание позволяет ему обрушить столбы на своих преследователей; именно волосы волочатся в грязи, в иле, именно о волосы рабов пьяные римляне, блюющие в постели, вытирают униженные перстнями пальцы; именно волосами, надушенными, но грязными, Мария Магдалина вытирает ноги Христа; именно волосы волочатся в притонах, вертепах, именно волосами трясут «разводчицы», дабы погубить мужчин; словечко «разводчица», вычитанное в книге «Париж под сапогом нацистов», звучит у меня в ушах со времен Освобождения: я не осмеливаюсь спросить у матери, что оно означает, но мало-помалу понимаю, что это женщина, которая сама выпивает совсем немного шампанского, лишь бы заставить мужчину, нациста, спекулянта напиться; предаваясь пороку со скорбным безразличием, благородной печалью, сидя на коленях, встряхивая волосами и обвивая ими шею в нашивках; не это ли Маугли, что выходит из камеры, сидит на коленях своих надзирателей с плетками, напивается вместе с ними, а затем убегает?

*

Аржантальский сад днем – а что же ночью: хороводы животных, посещения других, чудовищных? – все еще наше главное место с весны до осени: пространство, земля, небо, – орел может спирировать и схватить

нас, – время, все это забывается в приседаниях, опьянении игр, сосредоточения, организованности.

Целый день, с единственным перерывом на обед, сидя на корточках, мы рисуем на земле, особенно вокруг нор и стволов хвойных деревьев, дороги, тропы, каналы, которые наполняем водой, отведенной из огородных оросительных канав, и запускаем туда весной головастиков, пойманных в поливной бочке в верхней части сада.

94

Мы прокладываем дороги и тропы между корнями, соснами и пихтами; щадим муравейники вокруг этих стволов и корней, огибаем их или, наблюдая за возобновившимися строительными работами, все перекапываем и затапливаем, дабы проложить прямой и широкий путь либо расчистить площадку, где мы ставим свои игрушечные машинки, самолетики, грузовички, пожарки и т. п.

У подножия стволов, над виражами площадки или водохранилища, мы прикрепляем осветительные устройства из проводов, батарейки и лампочки, а осенью до последнего тянем время, прежде чем подняться в квартиру и оттуда полюбоваться в сумерках своим сооружением.

Мы срезаем с деревьев кору и мастерим из нее машинки, кораблики, домики, частные и общественные, которые размещаем по всему маршруту; вопреки просьбам нашей матери хорошо обходиться с животными, мы ловим и мучим червей, слизней, улиток, заставляя их жить в этом пространстве, уже напоминающем то, что мы видим в книгах, обустроенный ландшафт, где недостает лишь людей. Поэтому мы создаем нечто наподобие парков для мелкой живности, связываем кузнечиков между собой швейной нитью нашей матери, водим их по нашим

дорогам из высохшей грязи, поим из наших каналов, затаскиваем на бугорки, которые возводим и лепим своими руками, а потом утыкаем травинками. В это пространство, на эти возвышенности мы ставим оловянных солдатиков, религиозные статуэтки.

Мы устанавливаем на перекрестках маленькие указатели, втыкаем в землю вырезанные силуэты, переводные картинки и оглашаем это несоразмерное пространство, похожее на миниатюры или примитивную живопись, своими голосами, которые кажутся нам божественными, повторяя заповеди Творца либо слова великих исторических персонажей; и если ночью идет дождь, наутро нас ожидает всемирный потоп: из толстой коры мы вырезаем ковчег, как на иллюстрации «Детской Библии», торопливо разыскиваем под покровом намокшей листвы образцы животных, находим личинки и яйца и сваливаем их в кучу на сосновой палубе, а затем тащим ковчег по опустошенному ландшафту.

95

В начале весны, когда в саду еще остаются островки снега, мы уже трудимся на оттаивающей земле.

Сад прямоугольный, с пологим наклоном, слева он ограничен нашей горной речкой, дальняя часть прилегает к парку наших друзей С., где высятся два очень высоких кедра, на которых, как нам представляется, живут необыкновенные птицы со всего света, из истории и Библии; с правой стороны ярусы рабочих садов, справа от них стоит круглая промышленная труба из кирпича, больше пятнадцати метров в высоту.

В сад можно попасть через внутренний двор нашего здания со сводом, обращенным наружу. За оградой вначале идет полоса травы, крапивы, каких-то

неопределенных кустиков с дроздами под прикрытием нижних веток. Справа ряд шалашей, чья тыльная сторона еще долго остается нам неизвестной; слева собачья конура без собаки, низкая стена из плоских камней, откуда видна речка и начало вереницы тисов. Ближе к передней части две купы хвойных деревьев, посреди той, что слева, с открытыми окрестностями, лужайка, а та, что справа, с плющом на земле, хаосом кустов, ежевики, высоких злаков, опоясывает часть зарешеченного бассейна, чья *непроницаемая* вода крайне редко освещается солнцем.

Еще ближе к передней части сам сад, огород, также усаженный фруктовыми деревьями, персиками, грушами, вишнями, крыжовником, смородиной, «баллонами» с прозрачными полосатыми ягодами, вкусными, только если грызть их, как сливы, тут же вдоль дорожек; удовольствие от хруста мякоти на зубах. Тропинку пересекают гусеницы, с листа падает куколка.

Мы собираем с земли едва порозовевшую клубнику и жадно ее поглощаем. После лишений оккупации и долгой повоенной карточной системы потребность в сахаре столь велика, что зрелище фрукта, истекающего соком на земле или на ветке, особенно персиков в междурядьях лозы, становится символом райского насыщения; опавшие плоды, усеянные осами и уже перекатываемые муравьями...

Дальше за дорожкой, спускающейся к теплице, напротив стены, полоска огорода и фруктовых деревьев, с тыквами и айвой, а в самом центре, судя по всему, прямоугольник навоза, над которым кружатся осы, шмели, пчелы, слепни, шершни.

Над головой пение кукушки: «ку-ку-ку», порой всего три ноты, когда у нее нет того, чего хочется, – или же есть в избытке.

Посредине склона и напротив правой стены, главенствуя надо всем, в средоточии всего, гудя, благоухая, отражая свет, меж двух сосновых стволов стоят три улья, тот, что по центру, выше двух других. Всегда в лучах света, алтарь Истории, акрополь, престол царя животных, Животного, что, выделяя пищу для людей, ткет нить Истории, маленькие летучие Парки: наименее животное из всех животных, неживотное-нечеловек, символ долговечности организованной жизни; эти три жилища, которые сосны озаряют своим светом, место Суда и даже Власти: пчелы обороняют его своими жалами.

Чуть ниже бордюры и плоскости *сахарных цветов*: мы ждем, пока пчелы не упорхнут с них, дабы самим сорвать их и съесть; мы видим, как пчелы вылетают из ульев, направляются к чашечкам, к открытым плодам, трепещут против света, надзирают сверху за питающими их садами; поднимая лицо от клубники, которую едим прямо с земли, мы прячем свои испачканные губы, опасаясь, как бы пчелы не ринулись слизывать с них сахар, не залезли за ним в рот, в глотку, в пищевод, в кишечник.

Любимой пчелы у нас нет, мы считаем пчел коллективом, летающим в поисках сахара, нектара. В саду живут три моих личных уникальных животных: зеленая гадюка у стены, скарабей на своей астре, у бассейна, – мы видим его каждую весну, но какая разница, того ли самого: мы не отличаем его запах от аромата цветов, на которых он отдыхает после золотистого полета, – и королек.

Утром садовник показывает нам, как он вылетает из гнезда, а затем возвращается с червяком, почти

одинакового с ним размера, в клюве, мы видим, как королек трепещет в воздухе в нескольких миллиметрах от гнезда, не в силах за него зацепиться. Мы знаем, что это самая маленькая птичка в Европе. Но что такое Европа? Война.

98

Королек: какого крошечного королевства – самого маленького в Европе? Седовласый садовник говорит нам это беззлобно, и мы думаем, что можем подойти, погладить и даже время от времени брать его к себе жить, класть в карман или спичечный коробок и носить с собой в детский сад, затем к монахам и заставляя петь; что я могу посадить его на маленькую парту в своей комнате, вровень с чернильницей, чтобы, вылив чернила, наполнить ее молоком или свежей водой...

Во время грозы его гнездо на ветке лиственницы очень высоко забрасывает ветром; мы берем в шалаше лесенку и приставляем к стволу: я поднимаюсь на самую верхнюю ступеньку, дальше нужно обхватить ствол ногами и подтягиваться; кора натирает промежность, я повторяю движения, взбираясь выше и выше, но внезапно забываю обо всем: падаю, ухо разрывается о сучок: на земле мать уже склоняется надо мной с пузырьком, теплая струя моей крови продлевает удовольствие: потеря крови на траве, боль от разрыва, все это приятно снимает мое вечное напряжение, и я говорю радостно, возбужденно.

В тот же день, когда ухо зашивают и перевязывают, у нас вновь кипит деятельность: отец должен вырвать мне вечером молочный зуб, но мы решаем сделать это сами; я поднимаюсь в дом за леской; спустившись, привязываю ее к зубу: другой конец лески отдаю брату, который привязывает его к щеколде открытой

двери одного из шалашей; я отступаю назад, а брат резко захлопывает дверь, но зуб держится крепко, раз, два: мы начинаем сызнова, между нами роится мошкара, наконец зуб немного поддается; а вечером, после ужина, отец упирается сверху большим пальцем, красным от меркурохрома*, и выдергивает зуб с корнем.

*

В моей комнате маленькая парта стоит перед окном, выходящим на горную речку. В этой комнате громче всего слышен шум потока, я сам делаю здесь первые домашние задания, в основном сочинения. Пока пишу с помощью тогдашних принадлежностей: бумаги, фиолетовых чернил и т. д., и начинаю подбирать слова, – у меня уже наготове парочка для описания одного явления природы или действия, – они стоят передо мной во внутренней черноте моего лба, когда закрываю глаза, я чувствую, что обретаю там средства к существованию, даже к власти над жизнью, «миром», и к очерчиванию того, что должно оставаться в тайне.

Именно здесь, сидя на скамье за этой партой, положив локти и запястья на покатый бортик, под оглушительный грохот воды, я начинаю разговаривать с божественными, евангельскими персонажами, со святыми, особенно с мучениками, а порой и с героями сказок, – утешая обманутых и умиряя жестоких.

Я проговариваю вслух свои сочинения и порой вставляю в описания диалоги людей или животных: в зависимости от темы, свинья, фея... и жаба, малыш Бонапарт, Иосиф, проданный братьями, – в ту пору наши родители нянчатся со мной, и сестры нередко подталкивают меня к ним как «любимчика», чтобы добиться поблажки либо прощения,

и эта черствость так больно ранит мне сердце, что я воображаю, как они тоже крадут меня и продают.

Эта маленькая парта – фундамент, челн, колесница моей грядущей жизни.

100 Из-за войны и оккупации головы у нас большие, а ножки тоненькие. Но мы бегаем целыми днями, поднимаемся в школу, спускаемся, носимся на переменах, а после уроков – в саду, во дворе дома. Порой, еще опьяненный гуляньем во дворе, я хватаюсь за свою парту, голова кружится, нужно заполнить ее словами, образами, и я выражаю их в речи. Я вздрагиваю, если в мою комнату входит – даже потихоньку – мать.

Слева от парты большой шкаф с домашними одеялами на верхней полке, ниже – одежда моего брата и моя собственная, да еще выдвигной ящик с варежками, чепчиками и т. п.

На этом шкафу, где хранятся дорожные чемоданы, с обоих концов балюстрады стоят две бронзовые кошки: скорее, египетские божества, нежели домашние животные. Засыпая по ночам, я смотрю с кровати, как они созерцают вечность: для них нет ни «до», ни «после», впереди вечности столько же, сколько и позади. И все же их взоры устремлены в будущее, к лунным лучам, пробивающимся сквозь ставни.

Напротив кровати две этажерки с остатками уже прочитанных книг: «Гедеон-Заправила», «Сказки Дядюшки Бобра», иллюстрированные книжечки Беатрис Поттер, «Кролик Питер»; новые книги: «Сказки» Перро, «Сказки» Андерсена, Жюль Верн; «Зеленая библиотека»: Джек Лондон («Белый клык», «Зов джунглей»), Диккенс («Дэвид Копперфильд», «Оливер Твист»), Гектор Мало («Без семьи»)*, «Пинокио», Лафонтен, «Отверженные», «Сказки просто

так» того же Киплинга, графиня де Сегюр («Приключения Сонички», «Генерал Дуракин»)*, Наполеон, «История Жана Бара*», корсара Людовика XIV», «Золотая легенда моих крестников», «Ги де Фонгаллан»*, «Маленький лорд Фаунтлерой»*, «Том Плэйфэйр»*, «Песнь о Роланде»*, «Роман о Лисе»*, «Дитя» Валлеса*. Позднее я уже читаю «Рассказы из древнегреческой мифологии и драматургии» и «Рассказы из японской драматургии», изданные «Фернан Натан», где встречаю «Историю Амадэрасу», японской богини Солнца, – и на следующий день смотрю на Солнце, дотоле бесполое, как на женщину, – отчего оно лишь сильнее меня согревает.

101

Разумный возраст, семь лет – для меня возраст света, световых лучей, лучей световых следов: солнечные лучи, лунный свет, пробивающийся между ставнями, – промежутки, в которых со мной говорит Христос, – радуги, отражения, отблески бензина на асфальте, свечи, плоски, светляки, воск и абсолютный свет святого причастия и красной лампадки в дарохранительнице на алтаре либо сбоку. Во время частной репетиции причащения, весенним вечером, на белой заре, я подхожу к алтарным ступеням, а все остальные обступают священника, каноника Катона, и тот поворачивает голову к дальней части церкви, я бегу к алтарю и тяну руку, запястье и кисть к лучу красного света, исходящему из дарохранительницы. Открытая, освещенная дарохранительница смешивается для меня со святая святых, ведь тогда я уже читаю в маленькой иллюстрированной Библии, что в Иерусалимском храме хранится оригинал десяти заповедей, начертанных десницей самого Господа. Но здесь тело Его распятого Сына, и это светится Его кровь.

Два–три года назад, держа мать за руку, я вижу, как над головой священника помощники возносят монстранцию*, и одновременно слышу колокольчики, которыми звенят дети на хорах, тогда мне кажется, словно эту музыку испускают золотистые лучи монстранции, задевая, скребя о какую-то райскую материю, наподобие тех, что мы видим на картинах, и когда мать говорит мне, что Христос явится в облатке, которую священник еще поднимет над собой, я всматриваюсь в темную глубину хоров, дабы узреть, как Он приходит, покачиваясь, будто на волнах.

Глубь хоров нашей церкви, боковые часовни, дверь в ризницу представляются мне тайными приделами, потусторонним миром с облачением, живописью, слоями живописи, сосудами, предметами, секретными сборищами, перемещениями или хождениями, божественными либо дьявольскими левитациями, дьяволом в темноте, с одной стороны темным, а с другой Богом, святыми в озаряющемся мраке.

В те времена алтарь находится в глубине хоров, и священник служит спиной – золотистой, фиолетовой, красной, зеленой или траурной – к верующим.

Каждый четверг после полудня я хожу в дом священника, где кюре и викарий преподают нам катехизис. Большой дом, высокий и черный, на узком участке улицы, ведущей к Верхней Луаре, почти напротив богадельни, с несколькими комнатами, убогими и пустыми: иногда, поднимаясь по лестнице, я вижу в открытую дверь квартиры мрачный интерьер, в котором живет священник; на столе из белого дерева, застеленном клеенкой, початый круглый хлеб, а рядом тарелка масла, усеянная мухами, и литр

вина. На стене большая картина, вероятно, портрет прежнего каноника.

На уроке приятнее и вольнее, чем в школе, но мальчики и девочки все еще разделены: мы приходим с лугов и полей с дикими цветами, васильками, маками, дроком, лютиками... которые кладем на стол, отчего в зале светлее и хорошо пахнет, – над нами летают насекомые, выползающие из цветов и ветвей, – а учиться веселее.

103

Пустынные акриды св. Иоанна Крестителя, – за которого мы принимаем Нане, главного местечкового пьяницу, – ветви, хворост, – проход осла, везущего бочонки вина по темной улице вниз и вновь начинающего реветь, выходя на солнце, – а вот и Христос, въезжающий в Иерусалим – Бург-Аржанталь, – на ослице, взятой напрокат в Сен-Совёре, по верхнелуарской дороге.

В конце лета 1948 года кюре Катон умирает, и во главе прихода становится Антуан Жирарден: сын железнодорожного сторожа с долины Форез, кюре Сен-Жан-ла-Ветра во время оккупации, – он прячет там еврейские семьи, – это высокий, уже седой, энергичный и добрый человек, смелый и терпимый. Он живет очень бедно, ходит пешком или ездит на велосипеде по деревне, окрестным хуторам, осведомляется обо всем и обо всех, помогает, ухаживает, наставляет, проповедует с умением и отвагой: я слышу, как он обличает с кафедры подавление Мадагаскарского восстания: он никогда не осуждает конкретных людей, а лишь поступки, учреждения; он также немного занимается целительством и лозоходством: крестьяне, инженеры Лесного ведомства приглашают его в луга, поля, чтобы он обнаружил воду с помощью

своей раздвоенной палочки. Для меня он тот, кто, отыскивая родники, познает первопричину всего, источник святости в каждом ребенке. Несмотря на его политическую смелость, мой отец любит его, как святого монаха, следит за его здоровьем, подкармливает.

104

Порой мы, дети, изучающие катехизис, идем вслед за ним к тому месту, где он должен искать воду, и смешиваемся со взрослыми, окружившими лозоходца; под вечер мы видим в ярко-зеленой ложбинке с последними розовыми лучами на самом дне крестьян в синем; в его всегда красноватых руках дрожит палочка, и мы бросаемся рыть землю под свежей травой и слоем торфа, а крестьяне отгоняют нас и берутся за лопаты: из священной грязи бьет ключ.

В школе грамматика, история, география, наглядные уроки проясняют и одновременно затемняют постижение мира. На наглядном уроке мы узнаем про строение и горение свечи, озаряющей самые ужасные побоища в истории, о которых нам рассказывает дрожащий от гнева монах: Варфоломеевская ночь, Разграбление палатината, Сентябрьские убийства*...

Карта Французской империи, висящая на стене, – все еще карта мира, с запада на восток, от Таити до Новой Каледонии, включая Америку, Африку, Австралию. Британская империя, недавно лишившаяся Индии, тесно связана с нашей. Как и в Бург-Аржантале, в мире есть небо, земля и недра, водоемы, там муссоны, тут циклоны, небосклон с орлами, миграции птиц плотными клиньями, межконтинентальные перелеты – авиация как историческая веха, до и после.

На земле пустыни, массивы, вечные снега, каньоны, аллювиальные равнины, сельскохозяйственная продукция – сорго, просо, – промышленные рудники – сталелитейные заводы, о которых я размышляю несколько дней, не там ли обрабатывают ассирийскую руду, – копи – золото, алмазы, – транспорт, железная дорога, шоссе – шоссе как залог цивилизации, – скот, дикие звери – слоновая кость; определение исторической эпохи по времени строительства, шоссе, железнодорожные сети, бывшие кафедральные соборы; реки, озера, моря, океаны, паковый лед, рыба, китообразные, пингвины: продукция размещена по вертикали в правой части карты или отмечена значком, силуэтом, символом внутри самой местности – старинные карты, где главным продуктом является раб, «человеческий» силуэт.

Исторические карты: империи, нации, переселение народов, аннексия территорий, спорные территории с местами сражений, неевропейские территории, куда направляются маленькие галионы по межконтинентальным маршрутам, из одного полушария в другое, затем военные, пассажирские, грузовые суда; маршруты завоевателей, исследователей, история и география, смешанное пространство-время.

Счет, таблицы сложения, вычитания, умножения, и снова Библия, сделки Господа с людьми, дни, огромный возраст пророков, родословия, предки, потомки, численность скота, мера и вес зерна, ячменя, оплата, умножение хлебов, рыб. Начиная с правила трех, я теряю почву под ногами, я уже мечтаю о другой логике, иной системе раздела, напрасно ищу я деление, правило трех в видимых явлениях природы, жизни, даже в явлениях внутренней жизни.

Геометрия: я уже умею чертить круги, углы, окружности, прямые, треугольники в окружностях, знаю кое-что о перспективе, на меня наводит скуку безупречное зашифрованное описание того, что можно выразить словами в сочинении. Даже сами геометрические термины я воспринимаю как враждебные письму.

106

В ту эпоху национального, общеевропейского, всемирного возрождения в школе, светской либо церковной, от детей требуют многого: в нашей Братья христианских школ стараются приподнять каждого ребенка над его социальным положением либо интеллектуальным уровнем; чаще всего сами из крестьян или рабочих, дюжие, порой жестокие – голову строптивного ученика держат под краном во внутреннем дворе, пока не пойдет носом кровь, – крайне упорные в своих знаниях и умениях, они ведут эту зловонную горстку в черных блузах с красной каймой, все еще кусаемую вшами, страдающую чесоткой, недоедающую, еще долго сидящую на карточной системе, к Родине, Языку, Науке, Вселенной: история Франции, колонии, звезды...

Родина: она восстанавливается в виде мировой Империи, «величайшей Франции»: Алжир – то же, что и Бретань или Эльзас, это Франция с ее департаментами.

На уроках ребенок узнает и понимает, что его Родина – чередование, мешанина ужасов, измен, подлостей, голода, величия и процветания, социальных жестокостей и братского освобождения, он знает, поскольку сам видел, даже в своем маленьком кантоне, какие лица у предателей, которых хорошо кормит

измена, тогда как другие, внутренние изгнанники – в истории их миллиарды – или повстанцы голодают.

Он знает, что Франция причиняет зло себе самой, своим соседям и всему миру, но ради их же блага, и так было «раньше». Он также знает, что Францию не в капусте нашли, что ее территория на протяжении столетий разрасталась в умах королей вокруг Иль-де-Франса, а затем и в мировом масштабе: долг Франции – нести цивилизацию народам, которые без нее коснели бы в своих бедах и нищете, и на иллюстрациях гордое, прекрасное население Империи, в эффектных нарядах, набедренных повязках, с дротиками либо со своей продукцией на голове или в руках, смешивается с населением метрополии в тройках и вечерних платьях.

107

Франция – это прежде всего само слово *Франция*, свет, связь: у кого нет в этом мире ничего, ни блага, ни архивного прошлого, ни общественного уважения, те обладают этим благом, общим для именитых и безвестных.

В сердце ребенка она стоит на втором месте после матери, его божества: Франция.

Гран Ферре*, публичное отпирательство Жанны на сент-уанском кладбище в Руане*, ее «сожжение» на Рыночной площади, убийство Генриха IV на улице Ферронери* и его плачевная рана – округлая, с клинком внутри, символ и боль человеческой Истории, – и даже последнее наставление Людовика XIV* правнуку: «Не подражай моей страсти к войне», ше-валье д'Ассас*, бой снежками под предводительством маленького Бонапарта в Бриеннской военной школе*, примирение короля и нации 14 июля 1790 года*, женщины Константины, осажденной французами

в 1840 году, бросаются в руммельские ущелья* – тогда-то мы узнаем, что народы, подвергшиеся нападению, рыцарски обороняются.

108

Рассказы святых отцов либо монахинь подкрепляют образ Франции, посылающей, жертвующей лучшими своими сынами и дочерьми в заморских владениях. Проезжие миссионеры, «по возвращении из жарких стран», показывают нам фотографии своих миссий, где африканские, азиатские, океанийские дети прилежно чертят карту Франции.

Один приезжает к нам аж из Китая, рассказывает, как пытали его самого и перебирает двумя оставшимися пальцами правой руки снимки китайских племен, раздираемых между националистами и коммунистами.

Кожа под его бородой багровеет. Чем больше он говорит, тем сильнее горячится и теряет авторитет посланца Христова, обязанного понимать и любить своих палачей.

У меня стремление к святости и мученичеству дополняется желанием проповедовать Евангелие далеким и свирепым народам, я уже воображаю, как, повзрослев – это случится так скоро, – приближаюсь со своими товарищами в сутанах к деревне, где должен учредить миссию, пробираюсь через опасные заросли, болезнетворное болото к прогалине, где над соломенными хижинами поднимаются струйки дыма.

Иногда я даже воображаю, будто моя миссия потерпела крах, по крайней мере, среди вождей племени – рабов-то удалось обратить, – и я готовлюсь к тому, что меня сварят и съедят; поскольку в ту эпоху

говяжьих мозговые кости, вареные либо жареные – чуть ли не с кровью – приберегают для голодающих детей, я чувствую, как засыпаю от амазонского ку-раре, во сне меня разрезают на части, варят и едят в пыли, под музыку. Мой мозг, который я уже начинаю осознавать, кипит в общем котле.

Из катехизиса, а также давным-давно из рассказов матери я узнаю о христианских догматах и таинствах, но мне не дает покоя более древняя тайна, жертвоприношение Авраама; маленькая иллюстрация, увиденная мельком в 1942 году в «Священной истории», которую нам читает мать: костер для Исаака, баран в колючих кустах и занесенный в руке Авраама нож, мне чудится, будто у меня голова Исаака, свисающая над пламенем, и его перерезанная глотка, но еще раньше, при подъеме к месту жертвоприношения, я мысленно дополняю текст Библии вздохами Авраама, мольбами и жалобным торгом с Господом в содомском вкусе, торгом, в котором Исаак ничего не смыслит. Авраам так стар, Исаак так юн, а грозный Бог еще старше Авраама, и оба говорят на столь древнем языке, что Исаак его не понимает.

Какой же убогой по сравнению с этой тайной предстает мне в ту пору тайна Троицы, величественной, но статичной! Абстрактное и конкретное предстает мне в словах и светящихся образах, чем глубже и непостижимее тайна, догмат, тем сильнее свет: когда нам объясняют, что Троица – тайна, оставляемая, даже взрослыми, богословам, загадкой для меня становится то, что это – три существа, составляющие одно, – вообще тайна.

Позже, рассматривая репродукции в книгах, я воспринимаю жертвоприношение Исаака уже

как *Искусство*, как событие, более близкое к Богу, нежели к человеку, как чрезмерность, обнажающую истину, как изнанку притчи, заурядной трагедии, как безумие, проясняющее истину лучше, нежели рассудок, сумасбродство Господа, однажды от скуки решившего испытать Авраама.

110 Как постичь догмат о непорочном зачатии, в честь которого в Лионской епархии 8 декабря выставляют плоски, изготовленные детьми и матерями, если еще не знаешь, каким образом появляются на свет? Это всего-навсего праздник непорочной девы, в смысле чистоты одежды, вечной женственности, изображенной на полотнах, изваяниях, предметах культа, бестелесной и закутанной в складки материи, существует лишь животная сексуальность, как у тех «склеенных» собак, что стонут на улице и тянут друг дружку в разные стороны, пока их не сбивают машины, нередко насмерть, как у тех черно-красных «солдатиков»* в саду, связанных вереницей и замирающих посреди тропинки без всякой причины, как у мух, слипшихся на краю бездны: что это за хаотические, нелепые, безотчетные, мучительные движения?

Женщина – максимум, слегка приоткрытая шея, и даже кормление грудью – тайна.

Во время продолжительного застолья у нашей бабки (примерно в то же время, как я беру за руку малышку Мари-Пьер), пока наш дед утоляет свой бургундский аппетит целой чередой весьма пикантных блюд, я вижу с высоты своих семи лет, как один из моих дядьев, младший брат отца, берет руку девушки, которую называют его невестой, подносит ко рту, а я вполголоса, слегка обиженно спрашиваю мать:

– Что они делают? – поскольку чувствую в этом жесте то же, что нередко наблюдаю у отца, какой-то иной пыл, сообщничество и, главное, незаметное для других общение, мешающее коллективной игре. Да еще и во время еды.

Каждый четверг мы обедаем у нашей бабки. Окна дедовского дома выходят на главную улицу, узкую, темную, мощеную, Национальную, а с южной стороны – в сад, Предардешские горы: приемная – на улицу, кабинет – на застекленное продолжение сада. Служанка, «сизая Мари», встречая пациентов, кричит с улицы:

– Еще один! – или: – Еще одна!

На лестничной площадке второго этажа, под высокой стеклянной крышей, в застекленном шкафу, среди переплетенных книг по медицине, художественной и нравоучительной литературы: банки со змеями, привезенные нашими тетками из Юго-Восточной Азии, Индии и Египта. Не от этих ли змей погибает Клеопатра?*

Рожденный в Отёне на улице Крыс, он принадлежит к семье, считающейся именитой в Морване с XVII столетия – в ней много Теодоров, Альфредов, Андошей, – живущей за счет свободных профессий и наносных земель; в середине XIX века один из его дядьев растрчивает бóльшую часть своего состояния на празднества, женщин и т. п. Его прозывают «лакомым куском».

Наш дед Альфред учится медицине в Лионе, в 1892 году поселяется в Бург-Аржантале, откликаясь на объявление о «враче для бедняков»; он перевозит туда свою мать, слывущую властной женщиной, и она

управляет домом до самой смерти; дед женится в 1909 году.

112 Вплоть до появления автомобиля он ездит по селам на конной повозке: как и наш отец, его сын, он быстро и уверенно ставит диагнозы, хорошо вправляет переломы, очень частые среди крестьян; вскоре добивается полного уважения людей, и мы видим его на вершине славы. Убежденный анти-милитарист, не интересующийся политикой, он лечит, разговаривает, слушает и охотится, любит женщин, и женщины отвечают ему взаимностью; он почти всегда добродушно подтрунивает над своим сильным бургундским акцентом, выдумывает слова, выражения; над своим классическим образованием, приходящие на ум латинские, немецкие стихи он бормочет в коридоре, в саду, в своей повозке, на охоте, спуская со своры собак:

*Tityre, tu patulae recubans, sub termine fagi...*¹

Он часто приходит побеседовать с матерью, перед которой перестает играть, чтобы сказать кое-что всерьез. Он берет нас на охоту, я вижу, как он ползет под заборами, через подлесок, нагибается, пробирается в кустах, он мало и, наверное, плохо стреляет, но, переводя дух, рассказывает нам о том, что видит и что мы видим тоже: о вспугнутых куропатках, удирающем зайце, блестящей в небе сойке, барсучке, возвращающемся в нору... Он трудится, словно любитель, артист, в отличие от моего отца, более светского и практичного, который переманивает у него клиентов.

1 «Титир, ты, лежа в тени широковетвистого бука...» (лат.). Вергилий, «Буколики», Эклога I, пер. С. Шервинского.

В верхней части сада пахнет меркурохромом и эфиром, в нижней – псиной: в глубине догнивает псарня; два довоенных автомобиля, «симка-5» и «розенгарт».

Весной 1945 года наш отец покупает джип в сент-этьенском магазине американских военных излишков, это единственный автомобиль, способный добраться до уединенных хуторов между «шира́» – гранитными обвалами у вершин, – отец одалживает его для летней ярмарки: это целый аттракцион, первый парень на селе катает по горам и долам семьи, детей. Что-то среднее между маленьким командирским джипом и штабной автомашиной, с капотом и слюдяными боками.

113

Мы уже часто сопровождаем отца в поездках: по прибытии на ферму он оставляет нас в необогреваемой машине, джипе или другой, «4-СВ», «дина панхард», затем исключительно в итальянских авто: лишь в сильный мороз (от $-18-20^{\circ}$ до -25°C) дети в деревянных башмаках проводят нас в дом, к очагу. Спускаясь из комнаты, где ухаживает за родильницей, ребенком, мужчиной, что поранился своим же орудием, или стариком, лежащим при смерти, отец удивляется и немного сердится, что мы сидим в тепле, он стремится хранить в тайне свои отношения с семьями, детьми, которым помогает появиться на свет: во время этих поездок, на шоссе, проселочных дорогах, в машине, моя связь с ним крепче всего, именно там он наиболее охотно рассказывает о себе, нашей матери, как они познакомились, о войне, оккупации, о своей любви к отцу, об охлаждении к нему его матери. Обида всей его жизни.

Там-то он и говорит, на что надеется, чего ожидает от меня.

114 Как-то зимой джип заносит на скользкой дороге, и он застревает у края обледенелой «бадьи». Поскольку отец всегда старается останавливаться – два чемодана медикаментов и небольшого оборудования на заднем сиденье – перед самым домом пациента, он выходит, оставляя меня одного, и отправляется за подмогой на ферму. Примерно час спустя он возвращается с крестьянином, двумя быками в упряжке и веревкой; едва джип вытаскивают из оврага, отец мчится по дороге на ферму и принимает там больного: я остаюсь в холодном джипе; на выходе отец задерживается и беседует в дверном проеме, на гранитной плите, возвышающейся над ровным каменным двором.

Но на обратном пути, а затем во время других поездок он ерошит мне волосы, тогда еще пышные и живые, отбрасывающие тень на лицо, что смуглеет при малейшем солнечном свете:

– Ну и патлы!.. Какой ты черный!

Молодые крестьяне, старшие сыновья хотят тут же переменить свой труд и образ жизни: многие собираются на фермах и в дальних залах кафе, а летом на межах полей и обмениваются мыслями, сведениями о машинах, зерновых, скоте, организации труда, союзе, кооперативе. Мой отец, считающий крестьянскую жизнь образцом ответственности, свободы, труда, помогает им осуществить мечту. Молодой крестьянин обладает почти всеми знаниями и умениями, он читает, пишет, считает, знает зверей, землю, времена года, небо, взбивает масло, готовит сыр, порой даже домашнюю колбасу; он выращивает

овоши, фрукты, умеет ставить и эксплуатировать пчелиный улей, содержать и ремонтировать свою ферму, свою технику; он умеет составлять бюджет, подсчитывать необходимые количества, знаком с кадастром, управлением, иногда он муниципальный советник, мэр, он производит на свет детей, он хозяин своей судьбы, и вдобавок, с точки зрения моего отца, крестьянин всегда готов к свежему восприятию природы, жизни.

115

Первый трактор прибывает из Анноне, проезжает через центр поселка, где его украшают гирляндами, и катится на ферму по верхнелуарской дороге. Мы успеваем рассмотреть его сверкающий механизм.

Как медик и генеральный советник наш отец получает автомобильные журналы, мы знаем модели, марки, характеристики, количество дверей, лошадиных сил, потребление бензина. Помимо конструктора, у нас есть пара игрушек, «динки тойз», «солидо» – кузов, шасси, с медленным и быстрым двигателем, – мы начинаем строить уменьшенные модели кораблей, самолетов и планеров.

На Рождество 1945 года дядя дарит мне красную «делаэ» со съёмным капотом, рулем, поворачивающим колеса, и открывающимися дверцами, я не желаю расставаться с ней даже в школе, прячу в портфеле и поглядываю на переменах; дома я катаю ее повсюду и засыпаю, обняв красивый чугунный кузов. Но однажды качу ее, уже в третий раз перекрашенную серебрянкой, по дальней дороге, которую мы вырыли и утрамбовали сухой грязью – с примесью глины, принесенной из нашего любимого карьера по дороге в Гре, – у самого края бассейна с сорванной

решеткой. Я пускаю машинку под откос, и она ныряет в черную воду: мы шуруем по дну дубинами. Садовник заталкивает ее вилами еще глубже в тину, но даже в конце сезона, когда бассейн осушают и чистят, игрушки мы так и не находим, чем больше опорожняется бассейн и чем меньше остается тины, тем сильнее бьется мое сердце и меня оставляет рассудок: вера в него; мой разум – это моя жизнь, и жизнь уходит от меня.

Мои мысли занимает не столько звучание тогдашних автомобильных марок, – «студебекер», «крайслер», «делаж», – сколько само происхождение автомобиля. Я уже во всем ищу начало, первый раз. Потому-то я подолгу изучаю и часто перечитываю альбомы об открытиях, географических, научных, технических, автомобильных, мореходных, авиационных.

Я читаю историю авиации, начиная с летающей машины Леонардо да Винчи: монгольфьеры, «Эол» Клемана Адера*, машина Сантос-Дюмона* – имена завораживают, точно имена из Библии, историографии или «Романа о Лисе», – перелет Блерио через Ла-Манш*, перелет «Гео» Чавеза через Альпы*, перелет Линдберга через северную Атлантику*, исчезновение «Белой птицы» Нунгессера и Коли*, перелет Косте и Беллонта из Парижа в Нью-Йорк в 1930 году*, перелет Мермоза* и его товарищей по «Аэропосталю» Латекоэра* через Анды. Развитие машин, освобождающие открытия (фотография, электричество, фонограф, кино), героизм и одиночество изобретателя... не могу начитаться.

Я читаю и перечитываю «Один через Атлантику» Алена Жербо* из «Зеленой библиотеки».

Мы вырезаем и склеиваем из мироксилона* или коры парусники, затем пускаем их на водохранилище

Лейга у подножия гор, наша мать шьет нам паруса на швейной машинке, и долгими днями мы управляем с бетонного бордюра своими парусниками из коры и более утлыми из микросилона, быстро набирающими воды. Эти паруса все сильнее раздуваются после полудня, а ближе к вечеру несут наши кораблики по золотисто-коричневой, затем красной глади с чернеющим отражением зеленых пихт, мы шатаемся от опьянения еще и на обратном пути меж домами, где под крики и плач уже дымятся тарелки с супом.

117

Из всего прочитанного лишь «Роман о Лисе», в сокращенном, адаптированном и иллюстрированном издании, концентрирует в себе все, что меня трогает и терзает в ту пору: прежде всего имена – Изенгрин, Нобль, Гупиль, Эрмелина... старинная грамматика, история средних веков, животные, произведения природы и человека, хитрости, проделки, скатология, власть, общественные классы, слово «виллан»* преследует меня во сне, и, в первую очередь, рассказ и образ Изенгрин, обманутого Ренаром, хвост, скованный замерзшим озером: затем следующий образ: Изенгрин тянет за хвост, тот отрывается, и волк убегает в зимнее поле.

Тут еще и привлекательность более плоской, ровной, изобильной, радующей взор местности – совсем не такой, как наша, неровная, убогая и однообразная: мы пересекаем эти Ренаровы поля во время июльской поездки в Бретань через Берри, Пуату, Турень, Анжу.

После «Пантагрюэля» с моей этажерки беспокорство растет: рождение Гаргантюа, смерть Бадебек, списки блюд, эти великаны, которые на самом деле вовсе не великаны, столь похожи они на хорошо знакомых персонажей, ежедневно встречаемых

на улице либо ожидающих в приемной нашего отца внизу, более сельские и пухлые, нежели Гулливер в стране Лилипутов, скорее, пугают меня: никакой тебе сексуальной привлекательности, как в Библии, у Киплинга, Гюго или Диккенса.

*

118

Жанна Ориоль, наша служанка в течение всей оккупации, в конце лета 1955 года, всего двадцати двух лет отроду, выходит замуж за красавца Тарди, обе наши сестры – подружки невесты, они поднимаются по верхнелуарской дороге из Бург-Аржанталя в Сен-Совёр-ан-Рю, где отмечают свадьбу, в синей двуколке. Свадьба у въезда в деревню, в огороженной рощице фруктовых деревьев: белые и розовые платья из газа, взбитые сливки, розовые от малины и клубники, розовые ягоды. Наша подруга по трудным дням покидает нашу мать, которая любит ее еще и за красоту: это женщина Освобождения с непокрытой головой, всеобщая любимица, высокая, белая, розовая и красная, с серебристым, всегда нежным и слегка удивленным голосом.

Она поселяется в двух километрах от Бург-Аржанталя, по дороге к массиву Пилат, в местечке Ле-Мас – но мы называем его «У Жанны», – на ферме своего мужа, над дорогой, мы ходим туда пешком каждую неделю и проводим время после полудня. Мы очень бодро следуем за ней повсюду, общая комната, хлев, водопой, рига, поля и луга, ее красивые длинные волосы стянуты цветастой косынкой: вскоре двое детей, очень красивых, белокурых; порой я вижу, как они вдвоем, она и наша мать, шагают поодаль и ободряюще хлопают друг дружку по плечу; наша мать знает, от кого она происходит по матери и отцу, мы знаем, что мы сами, как и мать, не из народа,

и хотя временами это высокое положение придает нам гордости, именно разрыв между нашим классом и этим «народом» считаем мы главной мучкой своей жизни.

Эту мучку мать оставляет для себя, но мы постоянно осязаем ее в жестах, кроткой сдержанности при разговоре о наших местных согражданах, мы хорошо видим, что мать другая, но свое естественное отличие она не пытается ни скрывать, ни выпячивать.

119

Раздельные уроки – историческая данность, настолько жестокая и нередко убийственная, что нельзя, привыкнув к ней, желать ее упразднить, но это неравенство – несправедливость, которой не желали ни Бог Отец, ни Христос. Стало быть, следует поддерживать равновесие, хотя бы приукрашивая суть этой несправедливости, создавать красоту в этом мраке: так, когда одноклассница и задушевная подруга одной из наших сестер, дочь итальянца-штукатура, скромного, предусмотрительного и желающего успехов своим детям, погибает на автобусной экскурсии, высунув голову в окно и ударившись о столб, который ее обезглавливает, наша мать настойчиво убеждает нашу сестру, хоть она еще маленькая, пойти к родителям и покойной малышке, лежащей на кровати с забинтованной головой и верхом туловища.

*

В устах матери звучит фамилия де Голль: теперь ее можно произносить свободно, я уже знаю, что Франция – бывшая Галлия, и для меня само собой разумеется, что герой носит имя освобождаемой им страны, я даже считаю, что он может и должен зваться «де Голлем Франции». Он Герой с большой буквы. Мать всегда говорит не «де Голль», а «Шарль

де Голль» или «генерал де Голль» и, в отличие от многих представителей своего класса, никогда не называет рабочих, крестьян, садовника, прислугу просто по фамилии, а добавляет *мадам* или *мсье*.

Цветные портреты повсюду, в витринах, лавках, интерьерах частных домов, на главной улице, в ее верхней части, переименованной в улицу Генерала де Голля. Генерал де Голль становится в один ряд с генералом Леклерком, Роландом в Ронсевальском ущелье, Людовиком Святым*, Жанной Д'Арк, Баярдом*, Генрихом IV, Людовиком XIV, Наполеоном, Гинемером*, персонажами, которые я вижу в больших книгах – цветных альбомах по истории Франции: маленький Наполеон Бонапарт в школе Аяччо, одинокий среди сорванцов, на его парте старательно нарисована карта, ребенок мечтает, а в южной Атлантике карандаш выводит надпись: «Святая Елена, маленький остров»; Баярд ранен у подножия дерева в Павии, Франциск I в доспехах, но с непокрытой головой, склоняется и обнимает его; и предатели, Ганелон*, «Черный принц»*, Изабелла Баварская*, Коннетабль Бурбонский*, Базен*, Петен.

Процессы коллаборационистов продолжают, наша мать следит за ними пристально и возмущенно. В поселке есть проклятые дома, будто навсегда опустевшие, их сторонятся, ведь именно там коллаборационисты, бегущие потом в Испанию либо Южную Америку, или сидящие в сент-этьенской либо лионской тюрьме, живут во времена, связанные со злодеянием более тяжким, нежели обычное преступление, столь же тяжким, как детоубийство: сотрудничество с врагом, да еще и с *таким* врагом, разрушителем веры человека в человека.

Немецкие военнопленные трудятся в поселке и окрестностях, у огородников, крестьян, на лесопилках, у лесников, чернорабочими в мэрии и у частных лиц: я вижу их в спецовках, нередко высоких, белокурых и добрых, с неторопливыми жестами, они хотят поговорить с нами, детьми, возможно, обнять, подержать нас на руках или на коленях, я вижу, как они перекусывают в полдень, сидя на низких стенах; пара фраз: «Гитлер капут, цу хаузе цурук коммен... шёне киндер...»¹.

121

Не считая пологой дороги на Анноне, при выезде из деревни всюду приходится подниматься в гору, но если хочешь увидеть краешек горизонта, достаточно взобраться на холм девы Марии, в паре сотен метров к югу – статуя этой «Бордоской Девы» высится в прохладной пихтовой рощице, но прилегающая местность бесплодна, с норами красных гадюк, – или на холм св. Режи на севере, со статуей, балюстрадой и темнеющей купой лиственниц.

Деревня зажата между горами, но она очень светлая из-за красных крыш, ярко-зеленых лугов, речушек, ручейков, хотя солнечный свет здесь словно задерживается в своем полуденном блеске до самого заката.

У нас два детских велосипеда, не принадлежащих никому в отдельности, я часто беру черный: на велосипеде можно выбраться из этой ямы, поехать дальше, чем водит нас на прогулку мать, выслеживать животных, смотреть на них, ловить саранчу, богомолы, крупных кузнечиков, а также хватать руками форель и креветок в горных речках.

1 «Гитлеру капут, вернуться домой... прекрасные дети» (искаж. нем.).

Лишения военного времени вынуждают родителей, нередко страдающих больше всех, предоставлять детям свободу, под ненавязчивым присмотром естественных нянек: рабочие с лесопилки, крестьянки, путевые обходчики, рыболовы, жандармы, сельский полицейский с барабаном, «отец-оркестр» с хором трубачей, ярмарочный затейник Тентен, инвалиды войны и труда...

122

Горные речки изобилуют в ту пору форелью и креветками: склонившись над водой и скалами, мы смотрим, как форель трепещет на небольших стремнинах, и ловим ее снизу руками: каждый по паре штук в неделю; на креветок мы ходим без специальных сачков, мясник дает нам легких для кошек, и мы расплющиваем приманку между камнями на берегу, рядом с креветочьей норой: когда их соберется достаточно много на мясе, мы запускаем сверху руку и всякий раз зажимаем в кулаке четыре-пять штук, больших и маленьких, клешни креветок пугают нас не больше, чем клешни богомолов, ротовые клешни саранчи, зеленые зубы ящериц или белые зубы лесных мышей: забавы ради мы даже даем ящерице вцепиться зубами в палец и потом долго раскручиваем ее в воздухе; наши сестры и их подруги распекают нас за эту охоту.

Игры на суше, дороги, машинки, каналы заброшены, теперь мы просиживаем все время после полудня на корточках над водой. Водяные пауки с их прерывистыми движениями, пескари, лини, блестящие и просвечивающие гольяны, песчаное либо илистое дно, галька, порой даже руда, серебряные самородки.

Теперь мы можем поехать на велосипеде к этезским рудникам, встретиться там со своими

троюродными братьями из Сен-Жюльен-Молен-Молетта, порыться в насыпях XVIII века между соснами в поисках свинца, галенита, самостоятельно сконструировать радиоприемник и настроить его на зыбкую, потрескивающую волну французской либо итальянской станции.

В этих насыпях таятся еще и аметисты, изумруды.

В школе мы узнаем о «научных» и «народных» обозначениях животных, в промежутке между заиканиями я спрашиваю монаха: если бы животные жили и мыслили так же, как мы, как бы они окрестили нас, людей: что ответить, например, «клюквенной перламутровке», именующей тебя «двуногим с протекающими ноздрями»? В ту эпоху у всех детей течет из носа, причем круглый год.

123

Мы возвращаемся с уловом, которого сами не едим, и мать раздаст его соседям. Сельский полицейский выходит из мэрии в кепи и с барабаном на ремешке: на этом барабане маленькая подставка и большой лист, где красивыми буквами записаны распоряжения, которые он должен выкрикивать; на перекрестке он останавливается, бьет в барабан: «К сведению населения!», выкрикивает технические решения муниципального совета; вновь барабанная дробь, и вот он уже на другом перекрестке, и так до вечера, когда он завершает свой обход, слегка навеселе, уже в сумерках.

Мать дает нам ряд поручений, продолговатые хлебцы в булочной, молоко у бакалейщицы, такой заботливой, такой нежной на солнце, такими осторожными движениями кистей и рук черпающей ковшиком

молоко из большого котла на краю прилавка и наливающей в наш бидон; надо зайти к мсье Буа, «Двадцать пять лет опыта», чтобы поменять радиолампу, сдать часы в ремонт мсье Деальберто, чей сын готовится принять сан в Лионском духовном училище; миновать, долго не задерживаясь, витрину мсье Барралона, торговца скобяным товаром и игрушками, забрать заказ в мясной лавке «Селетт» и, наконец, заглянуть к торговке ранними овощами, мадам Ж., измочаленной святой женщине, на узкую улочку между церковью и рынком; возможно, еще купить пирожное с кремом или «колечко» с малиной у мадам Миолан, элегантной и хрупкой дамочки с черной бархаткой на шее.

*

Летом и в другие времена года мы проводим пару недель в Дофине, в доме, ныне принадлежащем нашей матери, старшей из детей, в Сен-Жан-де-Бурне, селе между Вьенной и Бургуэном по дороге из Лиона в Гренобль: мать считает этот край неприветливым; но мы очень любим эту страну, прозванную «холодными землями», поскольку природа здесь отличается от нашей родной: плоский ландшафт с весьма невысокими ледниковыми отложениями, прудами, буковыми лесами, крупными фермами с большими крышами и навесом, построенными из ронской гальки либо глины; просторы, свет, отлогости, системы водоемов и купы деревьев, «романтика»: здесь собирает гербарии Руссо – друг, который также ночует в комнате «Приюта Пилат», изобилующего редкостными цветами, – здесь же появляется на свет и расстается со своим отцом Берлиоз, Ламартин навещает здесь своего друга Вирье, здесь же рождается и скучает Стендаль. Братья, сестры, двоюродные,

троюродные, приятели, мы купаемся в пруду Монжу, заросшем тростником, кувшинками, подводной растительностью: наконец, это край лягушек, и мы подолгу смотрим на них, гоняемся, ловим: древесницы, жабы; множество куликов, уток-мандаринок, цапель, крикв, всех этих птиц у нас нет, и в раннем детстве мы мечтаем о них, склоняясь над «Сказками Дядюшки Бобра»: драмы птичьего двора, луж, собачьей конуры... в декорациях фермы, столь похожих на эту почти плоскую область.

125

По центру деревни, переименованной в эпоху Революции в «Парусинную», стоит высокая, украшенная в вышине мэрия, а на площади фонтан XIX века, заполненный ярко-красными рыбинами, и посередине Амур с тритонами – все это в диковинку для нас, и мы часто проводим ладонью по мшистому краю небольшого муниципального бассейна.

Вопреки словам взрослых, мы чувствуем себя непринужденно среди этого нового населения, стыдливого, экономного, грубоватого и очень решительного – его считают также меланхоличным: одни висельники да утопленники, – самые добрые из этих людей воспринимаются нами как слишком уж добренькие: бакалейщик мсье Перре, с ласковой, всегда чуть опечаленной мордашкой, хранящий часть запасов в одной из пристроек нашего дома; мсье Перрен, наш садовник и садовник нашего деда с начала века, в Великую войну служит в автотранспортных войсках и вывозит трупы из траншей; страдая от сильного ишиаса, он хромает в своем большом синем фартуке. В перерывах между работой в саду он сооружает для нас двуколки, куда мы все набиваемся: ее тащит самый старший, наш

отец или один из наших дядьев, и мы стремительно мчимся по саду и большому двору.

126

Мы следим за непрерывной деятельностью садовника и слушаем его, когда он перекусывает, сидя на скамейке под навесом теплицы, и рассказывает про землю, животных, которых там находит, толстых белых червей, вытягиваемых из почвы: «Тела наших товарищей не были такими чистыми, когда мы вытаскивали их из обрушенных траншей...», тех, что он воображает и чей размер нам показывает, скрещивая два больших пальца; или когда точит свои инструменты о брусок в сарае.

В жилище, возведенное в 1732 году одним из предков моего деда по материнской линии, входят через высокий портал, защищенный большим каркасом, поддерживающим покатую черепичную крышу: широкий черный утрамбованный двор отделяет жилой дом от здания поновее справа, которое мы называем «Классом»: именно здесь, до и после Великой войны, гувернантка мадмуазель Гужон дает уроки нашим дядьям и теткам на каникулах. Это глинобитное строение, напоминающее шале, со времен Освобождения заброшено: там все еще заметны следы пребывания роты нашего дяди Пьера летом 1944 года.

Дальше справа фонтанчик в стиле рококо, еще чуть дальше небольшая загородка для навоза, – где я помещаю Иова и слышу, как он скоблит свои язвы черепками, – с двумя сливами и вишней; с другой стороны двора, напротив портала, самое большое строение из служб, глинобитное, той же эпохи, что и жилище: мы называем его «сараем»; слева и справа,

на земле, посыпанной песком и опилками, остатки очень старого пресса и в глубине, на стенке, остатки кормушек, сельскохозяйственные орудия прошлого и XVIII столетий, которыми все еще пользуются; выше гумно с остатками сена и соломы на ветшающем полу; этот этаж гумна расположен слева за сараем, над хлевом – еще недавно конюшней, – дровяным складом, и у входа в сад домик с навесом, который мы называем «теплицей», где в холодную пору года хранятся апельсиновые деревья.

127

Сад, разбитый вокруг бассейна, засажен фруктовыми деревьями, а возле жилища пара высоченных старых пихт слегка склоняется над улицей и садом.

Фасад жилища, выходящий во двор, окаймлен тротуаром и шестью-семью цветочными ящиками с лаврами.

Внутри выложенный плиткой холл с высокими деревянными панелями, и слева каменный фонтан в каменном бассейне с девой Марией; напротив каменная лестница с балюстрадой из кованого железа и высокими панелями, ведущая на лестничную площадку второго этажа.

Справа мы по нескольким каменным ступеням спускаемся в большую кухню, где узнаем погоду по синеватому плиточному полу – сырому, если собирается дождь, и сухому, если ясно: очень широкая угольная печь, с трубами и медными кипятильниками по бокам, где постоянно кипит вода, набираемая большим черпаком, висящим на гвозде из позолоченной меди; в глубине кухни альков с кроватью, давно заброшенный, – в предшествующие века здесь спит кухарка, – кладовые, хранилища; раковина с уборной, повыше кухонного пола, открывается на улицу с рядом гумен, увитых плющом

и глицинией. Из холла через двойную дверь слева – место, где можно спрятаться или запереть птиц, – мы попадаем в большую столовую с двумя окнами, выходящими на улицу, и одним во двор: пол, выложенный матовой терракотовой плиткой, большой красный мраморный камин времен Людовика XV*, над ним зеркало в позолоченной раме: в глубине очага «бретань», большая доска с античными мотивами; с обеих сторон камина по большому вольтеровскому креслу; стены все еще оклеены очень красивыми обоями эпохи Революции, с экзотическими птицами и цветами: в шкафу в стиле Людовика XIII, с ромбовидными выступами, хранится вышитое белье; в стенных шкафах большие фарфоровые сервизы с охотничьими мотивами, столовое серебро; по центру большой стол, минимум на тридцать персон, и на стене меж двух окон на улицу длинный гобелен из Польши, где вышито сердце Иисусово, на которое я смотрю всякий раз, когда ем телячью печень либо мозги ягненка; на свободной стене два больших полотна представляют двух предков Пишá* – его брат часто бывает у Мишле* и Виньи* – на черном фоне, внуков строителей дома; а над черным буфетом величественный вид Будапешта с его Банями.

В глубине застекленная дверь с квадратами из литого стекла в верхней части – у нас в Бург-Аржантале оконные стекла шлифованные; здесь же мы смотрим наружу сквозь стекла, которые затуманивают и приукрашивают мир, в раннем детстве мы забавляемся, глядя друг на друга сквозь стекло, наши лица искажаются – это большая гостиная, одно окно выходит на улицу, а другое и застекленная дверь – в сад.

Комната с паркетным полом: в глубине фортепьяно «эрар», канапе в стиле Людовика XVI*, большой секретер «ослиная спина» в стиле Регентства*, два секретера в стиле Реставрации*, и с обеих сторон беломраморного камина по плетеному креслу в стиле Регентства; вдоль стен два стула в стиле Людовика XIV*, три в стиле Людовика XV; на стенах гравюры, акварели эпохи Реставрации и Июльской монархии*; виды озер и ближних гор; веера. Дверь справа ведет в малую гостиную, меблированную черно-зелеными канапе и креслами в стиле Наполеона III*, черным столом, раздвижными шкафчиками 20-х годов, стеклянным шкафом; единственное окно в сад и дверь в низкий коридорчик, – где ниша занята большим сундуком из черного дерева с позолоченной окантовкой, фамильное «сокровище», – ведущий в холл.

В этой малой гостиной библиотека, чьи полки высятся до потолка вдоль двух стен и над дверью. В стенном шкафу хранятся карты, путеводители «Бедекер», планы всех городов Европы с 1880-го по 1940 год, чистые почтовые открытки, штабные карты: в путеводителях «Бедекер» помещены планы альпийских массивов в цветовых градациях, со всеми высотами (указаны малейшие вершины и пики), отлогостями, долинами, ледниками.

В стенном книжном шкафу – толстые переплеты XVIII века на нижних этажерках – самая старая книга, «О подражании Христу»*, в кожаной обложке, датируется 1590 годом; книги XVII столетия, ораторы, Расин, Мольер, Боссюэ*. Из XVIII века, среди прочего, Вольтер, Руссо, религиозные ораторы, великие вульгаризаторы, издание «Начал» Евклида 1720 года,

Лагарп*, Вольней*, десять томов весьма изящного венецианского издания 1792 года, полное собрание Метастазии*, – с либретто для Гайдна, Моцарта, – «Трактат о трех обманщиках» 1768 года*, «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию»*, «Немецкая грамматика» 1796-го, четвертого года Республики.

130

Некоторые книги – из библиотеки Аббатства Боннево*, разрушенного и перешедшего в национальную собственность в эпоху Революции.

Из XIX века, среди прочего, Шатобриан, полное издание 1839 года, прижизненное, сброшюрованное, слегка разрозненное, «Мемуары» Уврара, банкира Наполеона*, двадцать томов «Физической, гражданской и нравственной истории Парижа» Дюлора*, Тэн*, Жюль Верн в Хетцелевом издании, «История террора», книга-альбом прокламаций и афиш времен Революции 1848 года; а из XX века, в основном, научно-технические труды.

Религия, История, Наука.

Двойная дверь ведет в небольшой кабинет: единственное окно в сад, ирисы, самшит, орешник: здесь, на этажерках и в застекленном шкафу, труды, брошюры и научные бюллетени, планы, графики, производственные доклады нашего деда вместе с сувенирами из Египта, Челябинского горнопромышленного бассейна в Польше, из России, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Германии, Швейцарии, книги по истории Европы между двумя войнами, подшивки «Ревю де Дё Монд»*, номера «Иллюстрасьон». Немного художественной литературы: еще до Великой войны наш дед носит с собой большую тетрадь, переплетенную в красный картон, где записывает фиолетовыми чернилами любимые поэтические отрывки (Шенье, Ламартин, Гюго, Коппе*, Пеги*),

сцены из пьес Шиллера, переводы с английского (Мильтон).

Марш поворачивающей под прямым углом лестницы украшен гравюрами в стиле ампир, в черных рамочках: сюжеты античной и наполеоновской битв: первая внизу, сражение римлян и карфагенян, с множеством тел, пронзенных дротиками, искалеченных, растоптанных слонами, вторая вверху, гибель князя Понятовского в водах реки Эльстер на следующий день после поражения под Лейпцигом в 1813 году*. На самом верху лестницы висит на стене большая глубокая рама, а в ней, под стеклом, автоматическая сцена в кафедральном соборе: заводишь пружину, отпускаешь ее, и начинается служба: под музыку по очереди появляются фигуры, обстановка, металлические предметы.

131

На втором этаже шесть комнат: среди них комната деда, затем наших родителей, кровать в форме лодки, ампирная детская кроватка, ампирный секретер, ампирный комод, ампирный камин с древнеримской сценкой над ним, ампирный туалетный столик; в этой большой комнате с толстыми низковатыми балками матовая плитка устилает весь пол от двери до двух окон, выходящих на лесистые морены.

В глубине коридора единственная на весь дом маленькая ванная, умывальник и ванна без душа, иногда утром и вечером приходится долго ждать своей очереди, чтобы привести себя в порядок.

По массивной деревянной лестнице мы поднимаемся на просторный чердак, под несущей конструкцией, забитой стрижами и ласточками: четыре комнаты и просторная лестничная площадка.

Со времен нашего деда, до и после войны, обеды и ужины за большим столом нередко заканчиваются

спорами и ссорами, что утихают во дворе и в саду или разгораются с новой силой в комнатах: дело Дрейфуса/Леон Блуа*/Пеги, отделение церкви от государства*, Клемансо*/Кайо*, распад Австро-Венгерской империи*, итальянское вторжение в Эфиопию*, Лига Наций, Пилсудский, Народный фронт*, Война в Испании*, Мюнхен*, Рузвельт, Черчилль, старые (Фашода) и новые (Мерс-эль-Кебир*) франко-английские конфликты, Хиросима, Сталин; затем генерал де Голль и Сопrotивление, Сопrotивление и «Свободная Франция», Коммунистическая партия и Сопrotивление, отставка генерала де Голля, Конституция 1946 года*; потом воспоминания о ребенке и брате Юбере, жертвующем жизнью во имя Франции, но сберегающем честь, сплачивают всех в горе и надежде.

Журчание воды в канале Жервонды, протекающем вдоль жилища, сопровождает всю дневную и ночную активность.

*

Наш дед по материнской линии умирает 7 января 1945 года, от сердечного приступа в своей комнате: его хоронят на кладбище Сен-Жан-де-Бурне, рядом с его родителями, нашей бабкой и останками из концлагеря Ораниенбург-Заксенхаузен: в центре кладбища маленькая колонна в память об угнанных из этой коммуны – тогда во Франции почти в каждой деревне есть мемориальные доски, посвященные участникам Сопrotивления и узникам.

Дом, где всю войну живет сестра моей матери, чей супруг в ту пору – военнопленный в Германии, оживает теперь лишь на пасхальных каникулах да летом.

Мать все больше рассказывает мне о своем отце, своей трудной юности в Лионе, собственном деле, загадочном булочнике из квартала Круа-Русс, об оплачиваемой им самим учебе, о некоторых его добровольных жертвах: она сообщает, как еще студентом, а затем молодым горным инженером, очень бедным, он отправляет денег Леону Блуа и Полю Фору*, тогдашнему «принцу поэтов», чьи стихи мы все еще учим в школе; она показывает мне благодарственное письмо Поля Фора ее отцу, хранящееся в амбирном секретере нашей гостиной в Бург-Аржантале вместе с романом, который она пишет, но так и не заканчивает в 1920 годы в Коллеже урсулинок в Бурже: хотя мать не читает Пруста, однажды по дороге в Бретань, когда мы останавливаемся в Бурже, она, гуляя перед столь дорогим нам собором и слегка отступаясь на разбитой мостовой, впервые проговаривается мне об этом романе, начальные главы которого еще ребенком набрасывает в суровом здании на соседней улице.

В аржантальской библиотеке матери есть книга Леона Блуа «Бедная женщина», которую я начинаю читать дождливым днем: эти несколько страниц настолько угнетают меня, что я с нетерпением жду, когда же наконец появится радуга с солнцем, чтобы мир вновь засверкал красками; по обе стороны от этой мрачной книги – и другой, еще ужаснее, «Говорит Гитлер» Германа Раушнинга (1939)*, где я читаю высказывания будущего канцлера о его планах биологической войны, – стоят «Ожидание Бога» и недавно вышедшая «Тяжесть и благодать» Симоны Вейль*, откуда мать зачитывает мне пару абзацев. В ту пору одна из ее сестер, Клотильда, записывается во Французскую миссию к священникам-рабочим.

Рядом оригинальный экземпляр «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк» Шарля Пеги – ровесника нашего деда, откуда я могу теперь читать вместе с матерью не только те отрывки, что она зачитывает мне во время Освобождения:

Прощай, мой Мёз, река девичьих грез...

134

Я раскрываю «Историю Франции» Жака Бенвиля* с экслибрисом нашего дяди Юбера и датой, 1941 год, сверху форзаца: большое рассуждение о разуме, строго по пунктам; едва прочитав, я знаю наизусть целые куски, которые воскрешаю в памяти на природе или в постели, чтобы повторять про себя, вникая в смысл.

У Братьев мы читаем отрывки из «Песни о Роланде» в современном переводе, на страницах о гибели Оливье, об агонии и смерти Роланда я обнаруживаю драматизм страстей Христовых, им также проникнута месса, совершаемая тогда еще на латыни, а в глубине хоров происходит настоящая драма, на которой нас приглашают присутствовать, хотя мы, простые смертные, и не можем в ней участвовать.

Я уже страдаю утренними обмороками, то, что эти доблестные мужи друг за другом лишаются чувств, успокаивает меня насчет моих мужественных способностей: в образе и звуке разрывающегося горла Роланда, трубящего в олифант*, я предошущаю – столь же явственно, как и в обезглавливании Олоферна Юдифью, – свою грядущую участь, страшась и в то же время упоая на нее.

В ту пору детства мой голос чище и выше, нежели у всех моих старших товарищей, у которых он уже ломается: однажды мать говорит мне, что этого голоса позже не станет, и я опасаясь, как бы он не подвел меня или даже не оборвался посреди пения;

поскольку голос у меня чистый и уверенный, мне разрешают петь соло, и, компенсируя свое заикание в разговоре, я безоглядно предаюсь публичному пению, опасность разрыва сосудов, аорты и яремной вены вынуждает петь еще усерднее.

Тогда я часто спрашиваю мать о стихах – я читаю «Спящего Вооза»*, затаив дыхание, чтобы не разбудить его вместе с потомством (с Руфью Моавитянкой: необычная «чувственность» – новый эпитет в моих устах – второго слова, мать говорит, что так же называется рабочий квартал в Берлине), – пишутся ли они какой-то другой, не той рукой, что пишет так называемую прозу: рукой евангелиста на картинах? Это глас, нисходящий с небес; воспринимаемое глазами и ушами.

Я уже давно вижу, что поэзия *физически* отличается от прозы, у поэзии есть форма (нередко это колонна, столб, ваза: «Басни» Лафонтена похожи на беспорядочные книжные стопки), а у прозы ее нет. В поэзии есть четкие очертания и нескончаемые повторы, а проза – сплошная масса, где впору заблудиться зрением и слухом.

Одна из первых басен Лафонтена, понятая и выученная наизусть три года назад, – «Лисица и аист»: ее объяснили и переписали в среду, я должен выучить ее наизусть в четверг, чтобы продекламировать в пятницу. В четверг мы обедаем у нашей бабушки, так что нужно сделать уроки до полудня: в столовой-гостиной много народа, на улице собирается дождь, и бабушка усаживает меня за кухонным столом, а поскольку память у меня скорая и твердая, прочитав басню всего три раза, я уже знаю ее наизубок.

Аист вылезает из слегка покатога застекленного желоба рядом с кухней, лисица – из просвета между большим черным шкафом и стеной, и вот они оба останавливаются перед плитой и начинают безмолвный диалог, из большой стеклянной вазы между плитой и стенкой, почти под вытяжным колпаком, высыпаются цветы, ветви, аист сует туда клюв, но я иду еще дальше лисицы, дальше Лафонтена, в этой вазе с узким горлышком, куда ни тот, ни другая не могут засунуть клюв или рыло, ничего нет, я уже пообедал, но мне все равно очень хочется есть! Стихотворение становится надувательством, загнивающим дном поэзии, дном нужника.

На следующий день из моего горла доносятся лишь обрывки этой ненавистной басни, которую я потом отказываюсь записывать.

*

По окончании начальной школы я вынужден покинуть Бург-Аржанталь, где нет возможности получить среднее образование: вместо того чтобы отправить меня в сен-шамонский Коллеж Общества Марии*, мои родители решают записать меня в Духовную школу Жуберской Богоматери, в двадцати километрах от нашего поселка.

Это наша тетка С., вдова закадычного друга нашего отца, Жана П., врача и поэта, погибающего в автокатастрофе в 1939 году, убеждает поместить меня в горный пансион, где уже учится младший ее сын, Б.

Это епархиальная школа, готовящая, между прочим, к поступлению в Лионское духовное училище, управляемая и поддерживаемая епархиальными священниками. Там проходят программу четвертого, пятого и шестого классов.

В начале сентября родители отвозят меня туда на экзамен.

Школа расположена за перевалом Республики, или перевалом Большого леса, на ярко-зеленых плоскогорьях, поросших пихтами, лиственницами, можжевельником, пересекаемых рекой Семеной, что берет исток в Большом лесу, омывает Сен-Дидье-ан-Веле, Пон-Саломон и впадает в молодую Луару у Сен-Поль-ан-Корнийона; родники, горные болота, ланды, «шира»; на близком горизонте голубая линия первых Севенн, гора Мезан (родной массив Жюля Валлеса), гора Тростниковый скирд, жерловина Сара.

137

За Сен-Жене-Малифо, с вершины смотровой площадки под названием Западня, мы видим школу в трехстах метрах внизу.

Построенная на маленьком голом плато, рядом с хутором Жубер, на двух трехэтажных фермочках, сожженная в 1924 году мстительным учеником, восстановленная и расширенная, школа имеет длинный фасад с тридцатью шестью окнами на трех этажах и высокими дымовыми трубами на крыше. Широкий тротуар спереди.

Напротив нее старинная ферма из тесаного гранита, по бокам которой гумно и заброшенная часовня старой школы.

Участок окаймляют хвойные деревья.

Прежде чем войти во двор: слева, на перекрестке грунтовых дорог, статуя девы Марии, попирающей змия, тоже заключенная в кольцо невысоких хвойных.

Я должен сдавать экзамен директору школы, отцу Жану-Батисту Валласу: это высокий семидесятилетний старик в черной сутане, застегнутой до самой шеи; он носит, отчасти в шутку, фиолетовую мантию

каноника, у него резкие черты, крупный нос, довольно большие уши, широкий лоб; он игрив и ожидает игривости от других.

Едва открыв большую дверь, он целует руку моей матери – мы тоже целуем руки зрелых женщин – и наклоняется, дабы поцеловать меня, проводит нас в небольшую приемную – она же уютная столовая, – слева от внутренней лестницы.

138

Краткая беседа. Крестьянские, церковные запахи: навоз и ладан.

Он выпроваживает моих родителей, которые идут прогуляться вокруг школы, достает из застекленного шкафчика книгу и начинает диктовать мне отрывок: «Лимузенские сумерки» из романа межвоенного периода. Я должен писать в тетради, лежащей на скатерти, но эта тетрадь уже начата, я прошу у святого отца отдельный лист и начинаю писать под диктовку его очень серьезного и очень доброго голоса с веселой, вопросительной, ироничной интонацией: это описание вечера, опускающегося на террасу жилища, где сидит семья. Святой отец произносит «вечир», я пишу «вечир», но перечеркиваю «и», прошу повторить слово и перечеркиваю перечеркивание; по окончании диктанта он проверяет мою работу и показывает текст на печатной странице: там, конечно же, «вечер», и для отвода глаз я говорю, что «вечер» – недетское слово, «вечер» – это для взрослых.

В октябре начало занятий, у меня маленький узелок с вещами, наша мать вышивает на каждой номер, присвоенный школой: 41.

Внутреннее напряжение столь велико, что оно заглушает во мне страх перед грядущей действи-

тельностью: уверенность, что через три месяца я вернусь на Рождество к родным, почти отменяет настоящее, что уже становится во мне прошлым, которое я могу вызвать в памяти чуть ли не по своему желанию. Ну а пока день за днем, неделя за неделей: внимательно наблюдать за поведением других, делать по возможности то же самое, но успею ли я следовать этому движению и составляющим его жестам? В ту пору моя вера столь всеобъемлюща, что сам Христос протягивает мне руку, открывает мой рот и заставляет говорить, Он даже может забрать меня с собой, умертвив в первый же вечер, в первую же ночь.

В машине отца, который отвозит меня без матери, но с другими детьми из кантона, покидающими со смехом свои фермы, описывая вместе с ним и с ними пейзаж за окном и на пару секунд задумавшись о дохлом псе в Кондриё, я обнаруживаю, что способен теперь на этот волшебный фокус: могу исчезнуть по собственной воле: нож, яд, контакт с падалью и смертельное заражение.

Вечером, после того как все родители уезжают, а узелки с вещами расставляются по шкафчикам дортуара, святой отец собирает всех нас, тридцать восемь детей от девяти до четырнадцати лет, во внутренней часовне школы: современной, с большим изображением панорамы Севенн в глубине.

Сам он садится на стул у алтаря, поздравляет нас – низкие дети спереди, высокие сзади – с прибытием, а потом объясняет, зачем мы здесь, почему наши родители остаются без нас, а мы без них на несколько лет; он хочет воспитать наш ум, вот что его

интересует, и воображение – часть ума, необходимо знать, что каждый обладает им, не нужно его бояться, а следует его развивать; прежде чем говорить, надо подумать, «семь раз отмерь – один отрежь»; здесь нам помогает в этом тишина местности, природы; в тишине глупость распознать легче, нежели в шуме.

После этой непринужденной беседы назначаются *шефы*: каждого новичка берет под свою опеку и защиту пансионер постарше. Выбор детям не навязывается: с одного хутора или из одного квартала, из одной или из родственной семьи, либо просто из симпатии, беседе предшествует перемена, и игра сближает некоторых детей: у меня наш друг детства, сын друга моего отца, родившийся после его смерти.

За ужином мы узнаем, причем многие со слезами, о нашем новом режиме питания: миска слегка прокисшей ячменной каши, консервированная дичь с белыми ломтиками сала, куски сыра «пор-салью»* величиной с костяшку домино, порция – половина столовой ложки – каштанового варенья и один ломоть черствого хлеба: это диета доктора Картона, которой придерживается отец Валлас: словом, ничего из того, что производится на соседней ферме, поставляющей продукты, видимо, лишь нашим учителям: молоко, масло, сыр, яйца, шпик, мясо, овощи и свежие фрукты.

После ужина и небольшой перемены в сгущающейся темноте, молитва на улице перед девой Марией, «*Salve Regina*»*, слова и мелодию мы, новички, учим на ходу: предо мной снова этот образ непорочного зачатия, абсолютной чистоты, попирающей сексуальность: эта змеиная голова с высунутым языком, выползающая из-под нежной ножки, а сзади хвост, что извивается и твердеет от топтанья...

Кому не хочется походить на это олицетворение красоты и мира?.. И тем не менее, хотя у меня самого есть мать, я смотрю лишь на трепыхающегося демона. В деву я не верю.

Едва мы ложимся в свои железные кровати, тридцать восемь детей в четыре ряда по девять человек, самые маленькие возле двери, у единственной уборной без сиденья и подле большого умывальника из перфорированной жести, с зажженным ночником, святой отец склоняется над каждым из нас, старыми и новенькими, касается губами дрожащей щеки и шепчет:

– Тебя целует твоя мать вместе с нашей общей Матерью.

В одно из четырех восточных окон я смотрю на луну – ту же, что видна из моей комнаты дома?

На следующий день подъем в полшестого, ежедневная месса в любое время года начинается в шесть. Мы идем туда натошак, поскольку причащаемся каждый день; еще нужно петь, выдавливая из себя молитвы на пустой желудок: я теряю сознание посреди дуэта «*Gloria*»* и падаю на скамью: меня приводят в чувство в столовой, я возвращаюсь к концу дароприношения и держусь молодцом на причастии, переваривая гостию, – я хочу, чтобы Христос пребывал во мне весь день. Как я могу снова упасть в обморок – а вдруг меня вырвет телом Христовым?

Хотя мы произносим мессу по-латыни, поем мы по-французски, слова и музыка написаны самим отцом Валласом, братом Леона, первого биографа Клода Дебюсси, аккомпанирующим на фисгармонии слева от алтаря, где священник служит уже лицом к нам. «*Kyrie*»*:

*Творец! Ты бездны промеряешь,
Но в бесконечности Своей
На малых нас Ты призреваешь...*

142

После мессы и завтрака, в коридоре, отделяющем учебный зал от часовни, нам раздают башмаки из светлого дерева с задраным заостренным носком, а также войлочные и розовые кожаные стельки, необходимо научиться ходить в такой обуви, бегать, подниматься по лестницам, приставным лесенкам, взбираться на деревья, перепрыгивать через родники: днем вся школа оглашается стуком башмаков и вороньим граем.

На первом этаже, слева от холла, столовая с возвышением в глубине, где обедают и ужинают святые отцы и мадмуазель Миньо, учительница математики; с другой стороны коридор, кухня с большими окнами в сад за домом и на прачечную; маленькая приемная в углу между этим коридором и главной лестницей.

В вестибюле справа: учебный зал, с помощью раздвижных дверей превращающийся в три класса, четвертый, пятый и шестой: большая печь (центр притяжения) в глубине четвертого; и библиотека, откуда я воскресным вечером беру «Дамарь Афинянку»*: я на целую школьную четверть влюбляюсь в эту женщину, одной из первых поверившую апостолу Павлу.

В глубине вестибюля справа – коридор и внутренняя часовня.

На втором этаже длинный коридор слева ведет в дортуар в темной глубине; справа жилища трех священников и мадмуазель Миньо, чья квартирка в самом конце. Напротив лестницы: квартира отца

Валласа, директора и учителя английского, состоящая из кабинета и комнаты, выходящей на главный и школьный двор. Рядом: комната отца Саланона, самого младшего из трех священников, просидевшего пять лет в концлагере для военнопленных в Германии, преподавателя пятого класса.

Отец Валлас – из зажиточной лионской семьи, отец Саланон местный, его родители держат главную булочную в Сен-Жене-Малифо, селе в пяти километрах за лесом.

143

С другой стороны коридора комната преподавателя шестого класса, отца Мюрга, родом из Марля, что в пяти километрах отсюда, бывшего тамошнего викария.

На третьем этаже, под широчайшей крышей, комнаты с припасами и несколько маленьких классов, в том числе один для занятий по английскому, построенный из еще сырой древесины.

Из расписания уроков на неделю я уже выяснил, что урок математики состоится лишь завтра после полудня.

Образ мадмуазель Миньо с суровым, изможденным лицом в очках, в обрамлении коротко, аккуратно остриженных волос, вкуче с моей ненавистью к математике и геометрии, вызывает страх, но это будет завтра, к тому же после полудня, а значит, еще нескоро. Тем временем может произойти землетрясение или обрушение школы.

Но на большой перемене мы играем «в ястреба», десятеро детей становятся в ряд, взявшись за руки, перегораживают двор и пытаются остановить толпу других, которые бросаются из глубины двора, чтобы

прорвать эту цепь и добежать до внутреннего двора, где расположены три нужника, чье содержимое стекает в открытые рвы на лугу за школой. Подходит моя очередь стать в ряд, меня хватают за обе руки большие ладони двух старых учеников, тянущих в разные стороны, тогда я еще самый младший в школе, хоть и не самый низкий: я уже быстро расту, но эти могучие, тянущие руки... На меня наводят ужас вовсе не резкие движения, а положение минутной слабости, в котором я оказываюсь из-за такого размещения, желая при этом его контролировать: я представляю и испытываю на себе, как растягиваются руки мученика, распятого Христа... осматриваемого раба, двойника, самца, шлюхи... Я держусь пару дней, а затем все-таки достаю свои «солидо» с медленным и быстрым моторчиком и играю с теми, кто мне ближе по возрасту, на земле, мы также много бегаем по этому двору, набираемся все больше сил от свежего воздуха, смолистого запаха хвои, непрерывного ветра, склонности к испытаниям и скудной пищи.

В первый же день нового учебного года мы устраиваем генеральную уборку на первом этаже. Пока две женщины, кухарка и белошвейка, занимаются кухней и детским бельем, дети моют полы: посыпают опилками, поливают водой, щетки, тряпки, ведра: столовая, учебный зал, лестница, этажи, дортуар, коридор; но паркет часовни натирает раз в неделю приходящий полотер.

Дважды в эту первую неделю мы выходим после полудня из школы в поле за Сё, очень старой фермой с невысокой средневековой крепостной стеной и большим орланом на стене, и собираем там картошку вслед за выкапывающей ее машиной.

По срезанной ботве бегают «колорадские жуки», и мы убиваем их: не это ли прозвище дают немцам, грабящим Францию?

Это первый наш труд на ферме, и самый тяжелый.

В последний день по возвращении мы принимаем душ, единственный раз за неделю: отец Валлас проводит нас в подвал, где мы раздеваемся; по свистку заходим по трое в три душевых. Затем он становится у наружных кранов и регулирует их: «Душ!», «Мыло!», «Тритесь!», «Ополаскивайтесь!», «Выходите!» Вытираемся мы снаружи, я вижу, как он ухмыляется в темноте, словно кукловод.

*

На первых порах я учусь узнавать время по часам в учебном зале, над кафедрой надзирателя: в нашей родной деревне часы – на колокольне, но колокол отбивает каждую четверть часа, днем и ночью. Поэтому я с рождения определяю время на слух, а теперь необходимо видеть его глазами.

Отец Валлас оставляет меня в учебном зале, пока другие играют и бегают во дворе, поднимается со мной на подиум и веткой бузины показывает на циферблате обозначения часов, получасов, четвертей часа, пяти минут, одной минуты, тычет пальцем и объясняет на словах. Поскольку в разговорной речи «пять минут» бывает меньше или больше реальных пяти минут, следует проводить точное разделение, затем складывать из этих пятиминуток четверти часа, получасы, часы: концом своей палочки директор касается стеклянного колпака, под которым движутся большая и малая стрелки, и когда он спрашивает, через сколько минут наступит следующий час, я, полагая, что для определения времени нужно

следить невооруженным глазом за движением стрелок, уточняя, надо ли все это время смотреть на часы, чтобы в конце сказать, который час. Святой отец прижимает меня к своей огромной сутане и переносит урок на завтра.

На следующий день, пока остальные ходят на ходулях, он отводит меня в маленькую приемную, где стоят часы на ножке, с позолоченным медным маятником под стеклом. Он открывает створку, трогает и вертит стрелки и, видя, как воодушевляет меня игра, велит мне встать на стул и позволяет самому крутить стрелки, устанавливать собственное время, собственные часы и определять их с точностью до получаса и четверти: он *разглядел* мой склад ума.

После завтрака мы поднимаемся и застилаем постели, что нужно делать *по-военному*: для меня это трудное, да и ненужное занятие, поскольку я умею пока лишь откидывать простыни и одеяло к подушке, выравнивать верх простыни с верхом одеяла, подтягивать все кверху, а затем заправлять под матрас; в последующие дни, на мессе и за завтраком, мне не дает покоя моя раскрытая у всех на виду постель, из-за этой муки приходит решение и возникает привычка аккуратно застилась свое ложе по утрам, иначе я не смогу совершенно свободно раскрывать свой ум и сердце днем.

В конце каждой перемены один из трех святых отцов, дежурный, свистит сбор: это *перекличка*, мы выстраиваемся в три колонны лицом к школьному тротуару. «Вольно!»: святой отец информирует, отчитывает, поощряет, но все это непринужденным и веселым тоном.

Вдобавок в начале каждой трапезы тот, кто не выполнил задание по математике, французскому либо латыни, читает его, исправленное на уроке, с повышения соответствующему учителю, который тем временем ест. Это доклад. Ребенок не ест до тех пор, пока не ответит урок без ошибок. Некоторые, в том числе я из-за математики, не едят вообще или утоляют голод позже, в слезах, остывшими объедками. Мадмуазель Миньо умирает в конце первой четверти. Все мы проходим перед ее жутким телом. Она лежит на кровати в своей комнате, зимнее солнце на ее лице и мертвенно-бледных руках, судорожно сжимающих четки.

Мне чудится, будто муха, пробужденная запахом от спячки, садится на ее морщинистые, почти черные губы, протискивается между ними, пробуя правый угол, левый, пытается силой проникнуть в центральный бутон: заговорит ли мадмуазель Миньо вновь, обнажись ее крепкие зубы? Потекут ли опять из ее горла числа и формулы, приправленные добродушными насмешками? Неужели она мертва? Кто же будет теперь преподавать нам математику?

Всю эту первую четверть я упоенно мечтаю и подчас записываю лишь одну строчку задания, а порой на листе стоит лишь моя фамилия слева, и справа – ИМИ (Иисус, Мария, Иосиф) с крестиком впереди, старательно выписанный и богато украшенный заголовком. Из чего мадмуазель Миньо заключает, что я копуша. Но я объясняю на Адвент* отцу Валласу и на Рождество своим родителям, что это неправда: я просто размышляю.

С отцом Валласом я в первый год изучаю латынь. Я очень быстро запоминаю спряжения, слова, затем

строение предложений и задание по латыни выполняю на «отлично». Особенно мне нравится синтаксис. Что мы переводим для начала? Специально составленные упражнения и даже небольшой отрывок из Тита Ливия.

Вместе с латынью в меня проникает Древний Рим, известный мне тогда лишь по римской оккупации Иудеи, Тиберию*, центурионам, Понтию Пилату... Цезарю, Верцингеторигу, развалинами Вьенны и Сен-Коломба, лионским мученикам*, св. Пофину*, св. Бландине.

Теперь же, на том самом языке, Ромул и Рем, Волчица, первый Брут приказывает казнить своих сыновей, виновных в неподчинении закону*, Тарквиний* и Тарпейская скала*, весталки*, capitoлийские гуси*, Регул* и Карфаген – краткая фраза, завершающая историю данного им обещания, «он умирает в муках», ужасает меня сильнее, чем длинное описание, – Катон*, Гракхи*: героическая эпоха Рима до самого упадка империи.

На переменах, в тех же рядах, на лестнице, в дортуаре, в той же часовне мы с некоторыми учениками уже говорим по-латыни, латинизируем наши фамилии, названия помещений, предметов, растений. Используем косвенную речь.

Из этих некоторых: тринадцатилетний Роже Руайон, сын скототорговца из Сен-Жене-Малифо, высокий, с раскосыми глазами, черными курчавыми волосами, горящим взглядом, блестящим ртом, почти надменной посадкой головы, гибкими конечностями, уверенными движениями, ловкими руками, хорошо подвешенным языком: у него большие красные кисти, он носит короткие каштановые штаны и старую

черную куртку; очень легко одетый, хорошо переносит наступающие холода.

Вместе с ним я выхожу со двора и направляюсь к груде камней за нужниками: там, в колючих кустах, он находит деревяшки, железки, из которых мастерит небольшие механизмы; а из стеклянной лампочки – перегонный куб на колесиках. Мы не уступаем друг другу по французскому, оба всегда *ex aequo*¹ по французской контрольной.

149

Мы уже принесли множество клятв: говорить друг другу всю правду, никогда не предавать, спасать жизнь. Но однажды я опережаю его на один балл за сочинение об ожидании Мессии, он на втором месте и считает, что я его предал, мы стоим на коленях в часовне, перед алтарем с освещенным святым причастием, и я должен поклясться Господом, Троицей, Отцом, Сыном и Святым Духом, что не хотел опередить его.

При играх на свежем воздухе, подсказываемых светской и религиозной историей, во дворе и на лугу, он, король, принц или предводитель орды, всегда выбирает меня в качестве своей дочери, порой жены либо фаворитки: иногда своего молодого визиря – из-за моей мудрости: мы играем в похищение, и за меня дерутся шайки; позже, делая первые шаги в древнегреческом, мы играем в Троянскую войну, в похищение Елены Парисом. Но поскольку Парис слышет тщеславцем, Роже уступает его роль другому, уже отчасти проявляющему это качество, себе же берет роль Гектора, и я его Андромаха, или Ахилла, и я его Патрокл.

В конце дня, в вечернем возбуждении, на уже сырой и холодной траве, игра перерастает во всеобщее

1 Разделившие первое и второе места (лат.).

похищение сабинянок, все бегают друг за другом, и каждый – чья-либо сабинянка; но по свистку сбора все садятся на корточки на берегу Мизерере, родника, бьющего на лугу и стекающего ручьем через лес Го в долину Семены; там мы пьем его ледяную, душистую воду.

150 Что еще делать, кроме как играть в историю, если больше нет ни матери, ни отца, ни сестры, ни брата, ни своей комнаты, ни велосипеда, ни радио?

Пансион – публичное пространство, где для продолжения жизни, роста следует поступиться пространством личным, полностью заменить непрерывную жестикуляцию семейных ласок коммунальным языком жестов: приходится навязывать собственному телу другие тела; начиная с разумного возраста, семи лет, и даже раньше, ребенок желает сменить среду, избавиться от естественной привязанности своих предков. Здесь это решенное дело уже в девять лет; положения не исправят ни воля, ни решимость, ни последовательность; даже ночью ребенка выдает лунатизм, тридцать семь головок наблюдают спроне, как он встает с постели, идет, вытянув руки, к окну или к двери, тридцать семь пар ушей слышат, как он говорит, зовет, отвечает.

Тайна сохраняется лишь в душе. Естественное развитие связей между ребенком и родителями прерывается на всю жизнь: ход веры становится судорожнее: ребенок растет вне постоянного родительского надзора, а родители стареют, лишены зоров, губ своих детей.

Необходимо хитрить, идти на компромиссы с буянами, неявно презирать развращенных, это непрерывная война и дипломатия; вступаться за слабого, не поднимаясь до уровня палача, не ставя жертву

в слишком затруднительное положение. И главное, соблюдать клятвы, хранить секреты: в молодом и суровом обществе выдать тысячную долю означает выдать всё. Главное – не прогадать со ставкой.

В пансионе надолго, вплоть до зрелого возраста, отвыкаешь от обычных, социальных, эмоциональных отношений. Любые отношения там становятся вызовом, напряжением, избытком воображения: лишь друзья обычно при тебе, с ними легко и свободно.

151

В обществе укрепляется воля, она ведь способна подвести, можно увлечься, впутаться в условную близость.

Но здесь формируется привычка противостоять сразу нескольким, соглашаться ради общих интересов – нередко голосуя поднятой рукой, на поляне или на берегу реки, у бурлящих стремнин. Пансион готовит не к частной, а к коллективной жизни. Он убивает в зародыше элитарные притязания.

Тайна, составляющая твою жизнь, дело твоей жизни, готовится, вызревает здесь в грубом, шумном сообществе, выживающем секреты, а не в ласковой и журчащей тишине семьи.

Так, жажда мученичества, которая на этом плато, открытом всем ветрам, пурге, метели, бурану, дню и ночью сжимает тебя клещами, – отказ от общества, от замещения отсутствующей семьи, – не способ ли это преодоления беспрестанных дневных трудностей посредством мысли и чувства предельного страдания? Я хочу, я чаю мученичества еще более жестокого, чем в книгах: отрезанные груди, тело на жаровне, львы на арене... Я жажду его, я столь остро ощущаю речи, плевки, пытки, – плоть прижигают калеными щипцами, конечность держится на одном

сухожилии, – что в учебном зале, где *это* поднимается во мне, я вынужден, лишь бы не потерять сознание, сильно встряхивать головой под партой, только бы вытряхнуть, выломить *это* из себя, или протыкать кончиком пера кожу на руке, дабы маленькой болью изгладить мысль о великом страдании.

152

На переменах мы с Руайоном играем во дворе, угадывая, добровольным объектом какой попытки каждый из нас представляет себя в эту минуту: по его опущенным векам, дрожащей щеке, губам или кисти я могу судить, что он воображает сожжение заживо либо каленые щипцы; дрожь его красивой светлой шеи говорит о повешении. А он догадывается по моим прогнувшимся бедрам, что мне вспарывает живот бык.

Нередко снег идет уже с середины ноября, причем густой, мы снимаем деревянные башмаки и переобуваемся в черные галоши. Едва снег ложится плотным покрывалом, мы поднимаемся с санями и лыжами на плато Западня и расчищаем трассу Монтанбонне. Каждые два дня катаемся там по часу на лыжах и санях.

У подножия Монтанбонне начинается Обезьянья долина, в самом начале учебного года старые ученики уверяют нас, что в цистерне содержат обезьяну и что мясо этой бессмертной обезьяны мы едим за столом под видом тушенки, консервов американской армии, состоящих, в основном, из говядины и зерна.

Необходимо также расчистить пути к школе. В первую очередь, на плато Западня, так называемую

«Общинную» дорогу на Марль, которая остается открытой всю зиму, тогда как «Лесную» на Сен-Жене-Малифо перекрывают. Мы идем туда с кирками, заступами и лопатами, чтобы долбить, колоть лед и сгребать сугробы. Мне девять лет, и я лишь на голову выше рукоятки своей кирки. Но красота треснувшего льда, необычность свисающих сосулек, всеобщее оживление, свобода за пределами нашего огороженного мирка внушают надежду, что зима не кончится никогда.

На Адвент литургические гимны окрашиваются для меня розовым: «*Rorate, coeli, de super*»¹, это Ожидание, надежда, основная добродетель; лица, обращенные к звезде, провозвестнице Рождества, где-то очень далеко приготовления волхвов, а тихое волнение пастухов – совсем близко.

И вновь Сын Божий рождается у нас, в нашей церкви, в своих яслях, и в наших тоже, которые мать уже подготавливает в кровати с дверцами.

Вскоре толщина снега уже такая, что из школы можно выбраться лишь на салазках, от высокого подоконника учебного зала, старые ученики добираются на лыжах по «Лесной» дороге до Сен-Жене и доставляют оттуда провизию.

Мы больше не выходим вечером на улицу петь «*Salve Regina*» и поем у входа, перед большой репродукцией «Мадонны с младенцем» Мурильо*, а также исполняем Жуберскую песнь, слова и музыка отца Валласа, вкладывая весь свой порыв, удовольствие и страдание от здешней жизни и стольких знаний.

1 «Кропите, небеса, свыше» (лат.). Ис. 45: 8.

В День св. Мартина, когда температура немного повышается накануне снегопада, мы взбираемся на Шоситр, лысую гору, где гранит обнажается меж зарослями можжевельника на тысячу сто метров: наверху базальтовая шапка с отпечатком конского копыта. Со времен падения Римской империи существует легенда, что это след лошади св. Мартина, и, пока я стою на этой базальтовой шапке, мне чудится плащ, которым святой делится, сидя верхом на своей лошади, с бедняком, стоящим на коленях у ее ног: из какой материи этот плащ, если его разрубает мечом? При спуске мы проходим мимо низких ферм, еще обитаемых перед войной, и в вечерних сумерках я воображаю жизнь крепостных, освещающих свои дома в это голодное время салом, члены одной семьи узнают друг друга лишь по запаху, их головы клонятся долу, морщины на лбу почти касаются борозды, а столь же низенький сеньор носится на своем скакуне по камням и вызывает к себе крепостную.

Дальше по «Общинной» дороге ферма, справа в отлогой долине, на опушке черного леса, куда мы не приближаемся: там живет бывший преступник, не зажигая свет ни вечером, ни ночью, порой мы видим, как он ухаживает за своими пчелами.

По возвращении мы идем на кухню и приносим в слегка натопленный учебный зал большой котел горячего чая, который отец Валлас разливает ковшом в наши кружки; потом задвигаем дверь, прикрывающую шестой класс в глубине, и вешаем на нее экран; святой отец ставит на стол между библиотекой и печью «волшебный фонарь», фильмоскоп: мы

смотрим набор стеклянных диапозитивов о Туринской плащанице.

Опираясь на картинки, святой отец рассказывает, как обнаруживают и выставляют в Туринском соборе саван, в который Иосиф Аримафейский заворачивает тело Иисуса после снятия с креста и хоронит его в гробнице, закрывающейся большим камнем. Четко виден отпечаток Христа, начиная с волос и заканчивая пальцами ног, что подтверждает раны и муки распятия: в темноте, прорезаемой лучом проектора, святой отец зачитывает нам отрывки из книги доктора Барбе*: клиническое описание казни, гвозди в кистях и ступнях, удар копьем в бок, грудь приподнята от удушья, следы бичевания и поворот головы, израненной терновым венцом, и даже ушибы на плече, несшем крест, – с этими-то образами мы и засыпаем.

155

Возвращаясь на Рождество к родителям, я вбегаю в дом, рассматриваю и трогаю предметы, оставшиеся на месте после моего отъезда три месяца назад, выдвигаю в своей комнате ящики, открываю парту, коробки, касаюсь и изучаю; я спускаюсь на улицу и бегу по снегу в сад, в гараж, чтобы сесть на велосипед, которого мне так не хватает в пансионе; в саду все, что я оставляю в конце лета на земле, в тоске отъезда, постройки, канавы, изгороди, погребено под снегом, утыканным сосновыми иголками.

Я поднимаю взор к веткам, но больше не вижу гнезд, засыпанных снегом либо сорванных ветром. Столь огромное счастье не приходит надолго, да и святому отцу одиноко в рождественскую ночь, в опустевшей школе. Посвященный в духовный сан, он ближе, чем наш отец, к Господу, кому я при-

хожусь сыном, от которого Он никогда не отвращает свой взор.

*

156

«Рике», один из наших ближайших кузенов Б. д'А., молодой офицер кавалерии, погибает 17 ноября 1949 года в Донгхое* (Аннам): его джип подрывается на вьетминьской mine. На следующий день после Рождества мы едем в Сен-Жюльен-Молен-Молетт утешить его мать, нашу тетку Беатрис, плачущую у кресла в большой гостиной, над рекой, уносящей отходы шелкопрядения. Ее хриплый и певучий провансальский голосок, ее вечно изменчивая речь привлекают меня всегда: еще у входной двери я чувствую и почти вижу, как трепещет ее сердце в потемках, откуда доносится ее плач сквозь приглушенный шум воды, внизу под высокими закрытыми окнами.

*

В Жубере, в конце зимы, во время оттепели, поздним утром, двое товарищей, Нексип, высокий брюнет в черной блузе, сын рабочих албанского происхождения из Сент-Этьена, и Дешно, нелюдим с каштановыми волосами, ставят мне подножку: я падаю лбом на тротуар и больше часа лежу без сознания. Я прихожу в себя на кровати в маленьком медпункте, но вижу лишь немного света, от гематомы заплывает весь левый глаз и половина правого, лицо у меня черное, поскольку отец Валлас намазал его *притираем*: это произнесенное надо мной слово переносит меня в Древний Египет, оно часто встречается в Ветхом и Новом Завете; слегка повернув больную голову к стене, я смутно вижу рельефную карту, висящую над столом с медикаментами: я узнаю форму, очертания, рельеф Палестины, упирающейся пятой

в Египет, Иудею, Самарию, Мертвое море, Иорданию, Тивериадское озеро.

Мой отец получает разрешение приехать и осмотреть меня: родителям запрещено видеться с детьми в любое время, кроме каникул.

Он делает мне антисептический укол? Я не вижу, как он уезжает, – неужели я мертв, раз не могу задержать его?

Кухарка и белошвейка стерегут меня, сменяя друг друга вместе с тремя святыми отцами: ночью дверь медпункта остается открытой, напротив приоткрыта дверь в комнату отца Мюрга.

Я лежу три дня, намазанный притиранием, под марлей и с повязкой на голове: отец Валлас знает, кто сбил меня с ног, и намерен их отчислить, однако хочет услышать имена от меня, но я молчу, ибо как сказать вслух, лежа с завязанными глазами, что не желаешь выдавать товарищей?

Ночью я приподнимаю марлю и повязку, чтобы посмотреть на Палестину, древние персонажи приходят ко мне в полутьме комнаты и моего взгляда, сквозь марлю и притирание: отчаяние и ярость фараона из-за своего младшего сына, Саул и его гнойники, Иов скоблит глиняным черепком свои раны, Христос и кровавый пот с его лба на камне Оливковой горы.

*

Мы совершаем два Больших похода в неделю, Большую прогулку по окрестностям в воскресенье после полудня и малую – после полудня в четверг. Нас сопровождают отцы Мюрг и Саланон. Мы свободно гуляем вокруг святого отца по лугам, перед ним или за ним на дорогах: мы должны подняться на плато Западня, спуститься по склону Монтабонне в Обезьянью долину, вновь подняться на край плато Бредийон,

спуститься в его северной части в долину Семены и опять подняться лесом Эха на ферму Сё; малый поход – прогулка по плато без спуска в долины.

Весной во время Большой прогулки мы дольше задерживаемся на берегу разливающейся Семены.

158 Река шире, глубже, полноводнее, чем наши горные речки: по берегам растут ивы, ольхи, кишасице в апреле птицами, а в мае насекомыми, в этих солнечных водах рыба покрупнее да подлиннее, чем у нас.

Мы, малыши, никогда не переплываем реку, земля по ту сторону еще долго остается для нас неизведанной, но старые ученики в мае-июне купаются и выскакивают на другой, заросший берег.

На небольших, очень отлогих стремнинах, между островками с красными ивовыми побегам, мы строим запруды из камней, взятых из обвалов, где следует остерегаться змей; в цветущих кустах, вокруг которых выются шмели и стрекозы, прыгают королевские зимородки; за ноги нас задевает форель, освобождаемая и приносимая течением от верхней запруды, что построена и разрушена другими школьниками; крестовики ткнут звездообразную паутину между островками от одной ольхи к другой: их тела с лапками – для нас еще и свастика.

На противоположном берегу уже пасутся коровы, и мы смотрим на большое лежащее вымя: мы никогда не пьем молока с фермы напротив школы: к вечеру старые ученики бахвалятся, что переплывут через реку, выйдут на берег, поднимут коров на ноги, подоят и принесут нам в своих флягах теплое молоко: я тут же ощущаю его закатный аромат; однако необходимо выйти из воды, обуть на пористом бережке огромные походные ботинки, точнее, сапоги «патога», которые я умею зашнуровывать с Освобождения.

На ведущей вверх тропе темные лужи, в которых дрыгают лапками желто-черные саламандры; выше – поляны с ободранными пнями, где мы подбираем кору и вырезаем из нее исторических персонажей: в красном воздухе все еще гудит парочка шмелей.

Во время этих походов мы много беседуем, между собой и со святым отцом: об истории, священной истории, войне, которую он называет теперь «холодной». О доисторическом человеке, доисторической Земле, ископаемых, расположенных, по его словам, в долине, куда добираться три дня, и охраняемых змеями.

Порой мы возвращаемся из этих походов с ломотой в руках: не от лазанья по деревьям, а от очень сильных кулаков отца Мюрга, который в течение всего похода хватает детей за руки, чуть не ломая их. Этот силач, способный растрогаться до слез, любит так больно выворачивать нам руки, что хоть плачь. Те, кого он выбирает для испытаний, и за целую ночь не могут оправиться от его хватки; но дети домогаются *избрания*, толпятся вокруг этого здоровяка, чьи шаги гремят на любом полу, и маленькие ручки тянутся к его кулакам.

Ни одной девушки во всей школе, лишь супруга фермера да ее маленькая дочка с белокурыми косами, что прыгает со скакалкой на зеленой травянистой террасе перед домом, откуда мы не получаем ни единого свежего продукта; никаких семейных нежностей, никакой заботы, даже если ушибешься во дворе.

Нередко отец Валлас зовет меня или делает знак рукой из окна своей квартиры, когда я играю во дворе:

чтобы я поднялся и составил ему компанию, пока он скучает либо вынужден подписывать накладные или сочинять письма.

160

Он усаживает меня в высокое кресло, обитое черной кожей, с другой стороны большого письменного стола, и велит мне говорить с ним, рассказывать, чего я хочу, если, конечно, хочу; в первый раз, сильно растерявшись, я прошу его назвать тему: он отвечает, что я в состоянии найти ее сам, а затем выстроить свое описание, рассказ или выражение собственных чувств.

Мне очень хочется начать с его лица, слегка выпуклого лба, большого носа, больших ушей, но я предпочитаю крупного шмеля, бьющегося в окно.

Отсюда начинается описание последнего из наших походов, последней Большой школьной прогулки, запаха молока, кофе и навоза на фермах, поодаль от которых мы звеним гвоздями подметок по гранитным пластикам, большой прут, что я вырезаю из бузины на берегу Семены и рассекаю им рои мошкар; от Жубера я перехожу к нашему дому, нашему саду в Бург-Аржантале и в Дофине.

В том же месяце, глядя на бюстик Бетховена, стоящий на этажерке у него за спиной, я описываю наше тогдашнее любимое произведение, «Концерт для скрипки» – еще до войны мать слушает его в Париже в исполнении Менухина, а я воспроизвожу по памяти, мурлыча, насвистывая, выстукивая ногой по ножке кресла и рукой на подлокотнике основные эпизоды: загадочные и величавые барабаны в начале, первая скрипичная атака, наконец, тот момент, когда мы затаивали дыхание: переход от медленного темпа к заключительной танцевальной теме; или, рассказывая о наших каникулах

в Бретани, я напеваю, отбивая рукой такт, основные темы «Фингаловой пещеры»*: после затянутого вступления разворачивается центральная тема во всей своей страстности. В другой раз, в другой день, вслед за уроком и переводом о войне римлян с Ганнибалом, описание битвы двух навозных жуков на дороге в Го.

Как-то утром следующей зимы, в сильный мороз перед самой оттепелью, когда мы волочимся по утрамбованному снегу во дворе и я наблюдаю, как со стены падает лед, святой отец зовет меня сверху, я сбиваю одну из самых красивых сосулек и, даже сидя в кресле, сжимаю ее в кулаке: обломок такой твердый, что тает медленно; заметив это, святой отец заставляет меня повторять вслед за ним строки шекспировской песни:

*When icicles hang by the wall
And Dick the shepherd blows his nails
[...] Then nightly sings the staring owl,
To-whit! to-who! a merry note [...]*¹

Моя сосулька уже растеклась лужицей у ножки кресла; святой отец говорит, что следующей зимой они будут еще красивее, а я отвечаю, что теперь, благодаря этой светлой поэзии, сосулька еще красивее у меня во рту, и, спустившись, несколько дней подряд бормочу эти стихи, засыпая со словами: «*To-whit! to-who*».

1 Когда в сосульках весь забор,
В кулак подув, пастух идет [...]
Уставив глаз, сова кричит:
У-ху!

У-хи, у-ху! – поет, звучит... (англ.).

Шекспир, «Бесплодные усилия любви», пер. М. Кузмина.

С изучением латыни и римской истории воскресает моя одержимость рабством, то накладываясь на магию мученичества, то расходясь с ней. Латинский язык становится клеткой, виселицей, железным ошейником, цепью рабства, самой основой древнеримского строя: вольных и подневольных. Голос абсолютного хозяина: слово *servus* и другие в «Латинских упражнениях» – я смотрю на них и в то же время отвожу взгляд. Иллюстрация к тексту латинского историка: хозяин Квинт Туллий Македон бросает одного из своих рабов в бассейн с муренами, «*Puer, abige muscas!*»¹ из оды Горация, который путает ребенка с рабом...

Изучая римскую мифологию, мы подступаем к Древней Греции и все лето в преддверии второго учебного года готовимся в своих жилищах, на фермах, пляжах к открытию главнейшего классического языка, древнегреческого – достойны ли мы его?

По возвращении в школу отец Саланон проводит нас за руку в пятый класс: в первые дни слово *doulos* представляется точно таким же беспощадным, как и латинское *servus*, правда, с жалостливым звучанием²: надежда, что в Греции закон смягчен, просвещен великим искусством и трагедией, философией, политической риторикой, поэзией, тает, по мере того как мы знакомимся с языком и одновременно с историей создающей его нации: от Крита до Микен, от Микен до Спарты, от Спарты до Афин.

1 «Мальчик, отгони мух!» (лат.). Цицерон, «Об ораторе», II, 247, пер. Ф.А. Петровского.

2 *Douleur* – боль; горе (фр.).

От спартанских илотов до афинских метеков – именно этот жестокий мир начальников и подчиненных, «существующих» и «несуществующих», служит основанием для светлого помоста, где расхаживают образы трагедии, сострадания, рока, красоты, демократии, точь-в-точь как на арене римского амфитеатра, где первые христианские мученики демонстрируют и воспевают достоинство и грядущее освобождение человечества.

163

Как добр, достоин, прочен в сравнении с этим мир Библии: ни подчиненных, ни начальников; весь народ целиком – словно каждый из них герой – принимает участие в судьбе мира, алкаемой и вдохновляемой единым Существом. Там упоминаются даже звери, хотя некоторых из них и приносят в жертву, они присутствуют в снах, притчах.

В конце первой четверти мы уже можем переводить небольшие отрывки из «Анабасиса» Ксенофонта*. К тому времени, так же, как я вижу в строках текста формы хорошо знакомой реальности, линии, круги, квадраты, тени и свет, водоемы, в самой этой хорошо знакомой реальности я вижу текст, ряды слов, разрозненные слова, столбцы фраз и, главное, все это, реальность и знаки, порождают во мне непрерывное *пение*, алфавит греческого языка, ряды его слов, звуки возносят меня над латынью, и я слышу теперь лишь ее рациональную силу, действенную потому, что она очерчивает мир, как закон. Латынь пишет и закрывает, древнегреческий говорит и открывает. На переменах мы пытаемся понять, как древние их произносили – точно так же мы уже стараемся декламировать Шарля Орлеанского*, Вийона, с диакритическими значками, обсуждаемыми на уроке.

Пригорок с лужами по бокам становится для нас Коринфом, осажденным и разграбленным войсками Луция Муммия Ахейского в 146 году до Р.Х.: горе римлянам, то есть некоторым из нас, вытянувшим жребий, что истребляют и угоняют в рабство греков, превосходящих умственно. Но что происходит при этих бедствиях с хрупкими табличками, где начертаны тексты, которые мы переводим, эпопеи, трагедии, речи? Как эти сочинения смогли пережить исторический переворот в начале христианской эры? Неужели это лишь восстановленные крохи?

В ранней юности наша мать учит в Бурже древнегреческий и для небольшой студенческой постановки исполняет в оригинале сцену из «Антигоны»: мне не терпится поскорее научиться читать и переводить, затвердить наизусть пьесу Софокла.

А тем временем – Софокл и Гомер еще слишком трудны – я читаю все, что могу найти в библиотеке в глубине учебного зала, рядом с печью, вокруг которой мы расставляем свою походную обувь и галоши, об Эдипе, его отце Лае, матери-супруге Иокасте, их родившихся от кровосмешения сыновьях, Этеокле и Полинике, дочерях Исмене и Антигоне: после Троянской войны с ее пылкими или безутешными персонажами, после того, как останки Гектора с продырявленными пятками волочатся за колесницей Ахилла в отместку за убийство Патрокла, а балки во дворце Приама обрушиваются во время пожара вслед за бегством Энея с его отцом Анхизом на плечах, балка кровосмесительной спальни, на которой вешается Иокаста, заставляет меня поднимать глаза к балкам ферм, – а на каникулах в Дофине к балкам ампирной спальни нашего деда, отца и теперь нашей

матери.

Ночью, при фиолетовом ночнике в дортуаре, я снова и снова переживаю умом и душой, чуть ли не мышцами, эту роковую судьбу, от оставления младенца с продырявленными и связанными лодыжками на горе Киферон до гулкой гибели слепца при обвале в Колоне: Антигона – моя сестра, не сам ли я Антигона? Я вижу своего отца с пустыми глазницами, брызжущими кровью: куда мне его отвезти, вцепившись руками в руль? Где же наша мать? Возможно, она мертва, ведь ее больше не слышно, аромат ее духов «Герлен» рассеялся, вытесненный запахом крови и слез. Через одно из больших открытых окон, в которое видно луну, я слышу, как сова – мудрость Афин – машет в черном воздухе вшивыми крыльями, перелетая с пихты на сосну.

165

К концу мая-месяца, на берегах Семены, личинки, перезимовавшие после кладки яиц в полете над водой, взлетают с поверхности. Ярко-красные поденки, без пищеварительных органов, порхают вокруг кустиков и внутри.

Мы спускаемся к реке, чтобы увидеть, как они живут и умирают; на земле под кустами многие уже не шевелятся, другие еще шевелятся сверху; мы следим глазами и сердцем за теми, что живут и летают, мы хотим остаться до самой ночи, дабы увидеть, как все больше их падает и умирает; святой отец говорит нам, – хотя мы и так знаем, – что жизнь у нас, смертных, сродни жизни поденок: мы рождены на небе, зачаты и выношены во чреве нашей земной матери и живем так недолго с точки зрения вечности: да, но у нас есть пищеварительные

органы – мы хотя бы едим! Обусловлен ли наш аппетит столь деятельным мозгом, сердцем, плотью? Питанием наших противоречивых двойников, нашей невидимости?..

Пора домой: еще одна кучка, еще один рой!

Пора.

166 Возвращаясь по темнеющей дороге, позади или впереди святого отца, оборачиваясь к нему, мы оцениваем и сравниваем увиденное с историческим временем той или иной империи, нации: точно так же Господь отвергает неугодные народы.

Мы знаем, что происходим от обезьяны, наши святые отцы не возражают против этого; и с раннего детства я знаю, что наши предки с трудом встали на ноги; но здесь, где уверенность в том, что я существовал еще до вступления в земную жизнь, воодушевляет меня изо дня в день, ночь за ночью, поскольку я воспеваю ее в гимнах и мечтаю о ней после религиозного наставления – Деяния апостолов, Послания апостола Павла, чуть-чуть Откровения, – что есть Время? И что такое рождение? И что это за физическое действие – в постели?

В июне мы косим траву с хуторскими крестьянами, от перекрестка семенной и жуберской дорог до леса Эха срезаем косой отаву.

За год я вырос, но трава доходит мне до бедер: у старых учеников взрослые косы, а мы, младшие, сзади с серпами; мы движемся по оголенному лугу, где бегают покалеченные лесные мыши, извиваются обрубки ящериц и змей, рассеченных надвое, натрое; по срезанным цветам, большим и маленьким, по лютикам вокруг раскрытых родников, по большим макам, василькам, чертополоху, уже редким

бледно-пурпурным куколям.

Пока мы ворошим сено, тень леса движется к нам, мы встречаемся с ней под вечер: теперь косы и серпы стучат по колючему кустарнику на опушке. Отложив орудия, мы бежим промеж деревьев в сетках лучей, кричим все громче и громче, чтобы эхо, доносящееся снизу, из глубины, звучало дольше. Мы шепчем как можно тише, так что эхо больше не улавливает наш голос; какой крик, множество объединенных криков, помешают ему откликнуться?

167

– ...Таласса! Таласса!* (Чтобы превратить наше плато обратно в море? Мы находим там много ископаемых.)

– ...Убивайте всех, Бог узнает своих!*

Ртами, забитыми дикой земляникой, мы шепотом, треть из нас ломающимися голосами, изрекаем французские, латинские, древнегреческие стихи, в надежде, что эхо принесет взамен новые.

Мы знаем письмо мадам де Севинье*: «Известно ли вам, что значит *ворошить сено*?», которое нас жутко смешит – и жутко возмущает своим равнодушием к казни восставших крестьян Витре*.

Немного спустя мы устраиваем для отца Саланона конкурс на лучшее французское сочинение: его тема «Возвращение стада».

В теплое время года, из окна учебного зала я каждый день вижу коров, бредущих вдоль стены двора до загородки со статуей девы Марии, порой какая-нибудь чешет шею о верх стены и слегка приподнимает над ней голову, устремляя взор к нам, пока мы учимся

или выполняем письменное задание.

Как описать быков, коров и телят, испражняющихся на ходу? Как это объяснить, истолковать? Что вблизи хлева скот с набитым травой животом расслабляется?

168

Это конец учебного года, трудности которого лишь укрепили мою волю: я описываю, что лучше всего могу делать к тому моменту, и мне все равно, что другие, включая самых близких, могут написать в это же время.

Ночью святой отец дежурит в алькове с окошком, выходящим в дортуар, где мы спим, и проверяет наши письменные работы: я полночи не смыкаю глаз, следя за ним, его тенью: сколько тетрадей он уже проверил? Добрался ли до моей? Правильно ли я написал «телка» вместо «маленькая корова»?.. На следующий день святой отец возвращает нам наши работы с оценками: я первый, но всего на два-три балла опережаю второго, Жана Ж., прилежного, набожного, сдержанного крестьянского сына с хутора близ Большого леса. Видя мое огорчение, святой отец поднимает обе работы в обеих руках и объясняет нам, что «реальность» – это еще не все, необходимо вложить «себя» и «свое» – личное есть всеобщее, – следует работать над колоритом, ритмом. «Осел, идущий в Китай, не вернется оттуда конем».

*

Первый день больших каникул, наавтра после выпускного, прощание со святыми отцами и товарищами, сердце выскакивает из груди: с чего начать? Велосипед? Музыка? Живопись? Сначала наесться, наконец-то до отвала: впредь никаких «порций»; несколько ломтей хлеба вместо одного, свежее мясо вместо консервов, картофель с молоком, маслом

и сыром, мясная запеканка, молоко вместо «антезита»*; лишний кусок шоколада, лишний кусок айвового пата; горячий шоколад, сколько угодно мармелада, сколько угодно лапши в сухарях, – иллюзия, конечно, в большой-то семье; но прежде всего: хлеб, хлеб, хлеб!

Затем рисовать, снова взяться за рисунок и живопись – с фортепьяно покончено, слишком дорого, – и потому велосипед, с братом или кузенами; либо, наконец, наедине с матерью. Но как ей повсюду меня сопровождать, если и мои сестры приехали из сент-этьенского пансиона «Птицы», а мой старший брат – из сен-шамонского Общества Марии? Их тоже необходимо окружить лаской и осыпать поцелуями, соскрести с них пансионную накипь, расслабить их мышцы, речь; ведь мать нужна моему младшему брату и нашему пятимесячному братцу.

169

Но у нас с ней все же есть свои места: на ардешской дороге в Бюрдинь, с точки над железной дорогой, откуда виден наш городок в своей туманной яме, который я рисую с натуры тушью в китайском стиле, перед стелой двум молодым партизанам, расстрелянным здесь немцами летом 1944 года; на верхелуарской дороге в Сен-Совёр-ан-Рю, небольшой отрог с очень старой и заброшенной фермой наверху, напоминающей матери ту пору ее жизни, о которой она обещает когда-нибудь рассказать... мы рисуем и пишем красками с возвышения в местечке под названием Ле-Ноаре.

Порой мы поднимаемся выше – или отец отвозит нас туда на машине, – по сен-совёрской дороге в Сен-Режи-дю-Куэн, в местечко под названием Ле-Куртино, перевал, где высится сосна, чей ствол и крона

разбиты молнией надвое. Сок течет из разветвления на красную древесину.

Из Ле-Ноаре мы спускаемся вниз, мать несет свои принадлежности в правой руке, я свои в левой, прижимая голову к ее локтевому сгибу, а она растирает мне большим пальцем висок: если гуашь удалась, чего еще желать в этой жизни?

170

Но на въезде в деревню, за кожевенным заводом с затхлым смрадом гниющей плоти, за горной речкой с желтой водой, за огородами, по которым уже снова бегают кролики, – рабочий квартал, где стайки ребяташек в коротком рванье, более свободные, чем я, лапают друг друга, девчонки, мальчишки, в темноте и знойной мгле.

*

Праздник св. Иоанна в разгар лета: вечер дождливого дня мы проводим в кино, за просмотром «Христофора Колумба» в цвете; с этого сеанса я возвращаюсь с двумя мучительными образами: фигура Колумба, гения, первооткрывателя неизведанных просторов, что терпит неблагодарность от своих командитистов, и образ художника, осмеянного своей эпохой, но прославленного в будущем, на наших совместных занятиях живописью мать объясняет мне причины этого на примерах: Гоген, Ван Гог, Сезанн. Моя мать, равно любящая Шардена и Пикассо (репродукция «Жаклин»* еще того времени висит в комнате моих сестер), боготворит великих новаторов конца XIX века, – однако абстракционизм и атональная музыка ее отталкивают и даже вызывают страх за цивилизацию. Она полагает, что искусство может быть только жертвенным: гений исключает всякую семейную жизнь.

Второй мучительный образ, общий с моим кузеном О.,

связан с голыми американскими индейцами 1492 года, в набедренных повязках между ляжками: видение этих краснокожих, глянцево-блестящих тел, женских и мужских, с обнаженными либо туго затянутыми в пропотевшую ткань ягодицами, с пышными и блестящими, влажными черными гривами, видение этих наполненных повязок между раздвинутыми ляжками, душераздирающее любопытство и доверчивость этих существ, теснящихся вокруг бледнолицых в шляпах, латах, сапогах, бледнолицых, таящих угрозу их свободе, и эти вечные набедренные повязки, скрывающие здесь нижнюю часть живота сияющих, смеющихся существ, куда привлекательнее повязки распятого Христа, висящей на истерзанных бедрах под задохнувшимся туловищем – так что же она прикрывает, коль речь идет об освобождающем Боге? Как понимать этот пенис Христа, когда только начинаешь чувствовать, ведь оттуда вытекают моча и сперма, точь-в-точь как из Христовой раны, нанесенной копьем под грудь, вытекают кровь и вода – для чего можно приспособить этот маленький член, приподнятый над очком жуберского нужника, прежде чем он будет переосмыслен в грядущий орган?

После ужина, когда самые маленькие ложатся, а взрослые ведут долгие разговоры внизу и снаружи, в шезлонгах, подтянутых по гравию к еще мокрой террасе, мы с кузеном наверху снимаем с себя пижамы, и, стоя голыми в ванной, повязываем на поясе банные полотенца; затем, в таком вот виде, да еще повесив на шею бусы, забытые сестрами на стеклянной полочке, мы обходим комнаты малышек и малышей, постепенно добираясь до той, где собираются наши старшие сестры в ночных рубашках, чтобы поболтать

перед сном о мальчишках.

172

Мы бегаем по коридорам и комнатам, пляшем перед железными и деревянными кроватями, где самые маленькие встают и кричат, смеются и аплодируют: я всегда очень тихо спускаюсь в набедренной повязке-полотенце по каменной лестнице и прошмыгиваю через большую кухню, – где кафельный пол уже подсыхает после грозы, – к раковине, чтобы взять две–три тряпки, самых влажных и грязных, которые отношу наверх и которыми, развязав на поясе и отбросив банные полотенца, мы обматываем бедра: тряпка, столь явная, публичная, ощупанная руками служанок, лучше подходит для нашего представления, что кажется мне все более рабовладельческим, подневольным, бордельным, нежели семейное банное полотенце с отпечатками естественных нежностей; мы все быстрее перебегаем из одной комнаты в другую, но танцуем *с жестикуляцией*, все медленнее и медленнее перед кроватями, где стоят слегка заспанные малыши; проходя через комнаты девочек постарше, мы задираем свои тряпки-повязки; в коридоре задеваем ягодицами и нижней частью живота стены, покрытые сказками, выдумками, дабы стереть их или, точнее, запачкать; на лестничной площадке мы развязываем свои тряпки, топчемся по ним на разошедшейся плитке, снова завязываем на бедрах, уже пониже, и, запыхавшись, задыхаясь, сдавленно смеясь, с тряпкой-повязкой, съехавшей на выпрямленный член, снова бегаем по комнатам и похотливо извиваемся перед кроватями.

Смех малышей, доносящийся из окон с открытыми шпингалетами, отвлекает взрослых вниз от разговора – Венгрия, Индокитай: мать моего кузена

поднимается, но походка у нее не столь легкая, как у моей, и грубоватая, так что он слышит, как она перешагивает с последней ступеньки на разъехавшуюся плитку лестничной площадки: мы бросаемся в самую дальнюю комнату и устраиваем последнее представление, теперь уже нагишом, катаемся по большой незанятой кровати, куда к нам забираются малыши: так нас и застаёт его мать, нахмурившая лоб под черными-пречерными волосами, заплетенными в косы: *тетка Дракониха* приказывает нам с порога почти темной комнаты слезть с кровати, у которой валяются тряпки, еще отчасти сохраняющие наши очертания.

Наказание у нее самое суровое и длительное: немедленно лечь порознь в двух черных комнатах, минимальная бессолевая диета целый день, а завтра признания и извинения в каждой детской: все это время запрет на любые игры и поцелуи с родителями; задания на каникулы в отдельных и запертых комнатах.

Моя мать, которой теперь принадлежит жилище, в некоторой степени уступает моей тетке, живущей в доме всю оккупацию, пока ее супруг находится в немецком плену, права на меня, на постигающее меня наказание.

Но когда мы отходим в сторонку, я слышу, не смотря на шум в ушах под конец приступа, как она спрашивает меня, положив руку на уже трясущееся от рыданий плечо:

– Кому пришла в голову идея с тряпками?

Я запутываюсь в противоречии – и чувствую, что оно чревато большими последствиями: сознаться ли в основной мерзости и тем самым назваться главным виновником, возможно, чудовищем,

добровольно исключив себя из общества людей, но при этом признать себя способным к логике – художественной логике?

174

В приоткрытое окно комнаты для наказания, где раскаяние и досада не дают мне уснуть, я слушаю последних соловьев лета: там, где они зимуют, дети *живут*, даже бедные и во время войны, а я здесь, словно мертвец: пение этих птиц, нашего лета, трели, мелодия, ломаный ритм, мелодия, непредсказуемая для людей, кажется, будто она исходит из места, где меня больше нет, из земного Рая, Эдемского сада, откуда меня изгнали по моей же вине – из-за большого ума.

Исключен из человеческого общества. Разве я тоже не отведал плод от древа жизни, дабы подкрепить порыв собственной дерзости и отстоять свое право, а не быть повергнутым?

В ту пору для меня сотворение мира, женщина, извлеченная из ребра Адама, Эдемский сад, яблоня, грехопадение, Адам, копающий землю, откуда он вышел, все это так же истинно, как и то, что его отрицает: бактерия, становящаяся рыбой, а затем человеком, если бактерия – это Бог, решающий собственную судьбу.

Ко всему, что я переживаю, внешне и внутренне, приставлен библейский двойник: к жестам, порывам, мыслям, голосам других людей...

Сколько раз, проникая в сад, даже скромнейший, или покидая его, я переживаю возвращение в Эдем либо повторное изгнание...

Это место, существующее лишь на картинах, почва за пределами сада, попираемая изгнанными Адамом и Евой, – глина? следы натиска на ограде? – переходная территория от Жизни к жизни,

я вижу ее, топчу, трогаю ее все более острые шипы.

Мы ежедневно купаемся в пруду Монжу – божественная, впрочем, языческая тишина, здесь, на этих нехристианских «холодных землях». Иногда спозаранку; нам велят избегать слишком заросших мест, но мы осторожно ныряем туда с головой, дабы вспугнуть уток-мандаринок и цапель: почему бы не принести на этих больших листьях кувшинок свою книгу, коробку с красками, тетрадь для эскизов – всегда находить новое место, на улице, или на иной подставке, предусмотренной для дома, на мебели?

175

Мы знаем, что Монжу – это *Mont Jovis*, «Гора Юпитера», но здесь, скорее, правит его сын Аполлон, на берегах пасутся бараны, а я рисую – под водой руины древнеримского храма Юпитера: с маской я пытаюсь рассмотреть его камни, капители, стелы.

К полудню множество детей и подростков, в сопровождении матери и старшей сестры, поднимаются из деревни искупаться в нагретой воде. Одна девушка-подросток раздевается на бережке и кажется белоснежной в своем бледно-голубом бикини: она такая белая, с мясистыми, чуть вывернутыми серо-розовыми губами, розово-серыми веками и кругами под заметными издалека глазищами, что я воображаю, будто это девушка из кондитерской в центре, которой никогда не видно, и едва она прыгнет в воду, вся белизна смывается с тела, точно сладкая мука или пыль на очках и сахарная пудра на блинчиках.

Ее соски, чуть розовее, нежели *плоть от плоти ее*, то есть нагота в самой плоти, уже выступают из воды и блестят под прямыми лучами солнца. Позже, на прямом бережке, она потягивается и встряхивает всем телом – что же там такое под нижней частью

купальника, между ляжками, прилипающее и отлипающее от ткани при движении: то же, что видно внизу живота обнаженной натуры на картинах и что чаще всего закрывают толстые ляжки либо усталая красивая ладонь?

Лишь почка, распускающаяся для любви? Я смотрю на репродукцию «Источника» Энгра, считая в ту пору, что девочки писают задом: как бы они писали передом, если его раскрывает любовь, а они мочатся так же часто, как и мы. Не может быть, чтобы они писали только из-за любви. Подойти потрогать? Побегать следом, чтобы почувствовать запах?

Мать привозит из Парижа альбом с репродукциями картин Коро* – для себя, но чтобы и я смотрел вместе с нею. С тех пор я соотношу почти все, что вижу в природе, с пейзажами из этого альбома; но сюжеты с людьми потрясают меня еще сильнее, особенно «Сидящая с открытой грудью» 1835 года. Это уже зрелая женщина с романтическим шиньоном, голая до середины живота, остальная часть тела прикрыта тканью, отпечатки пальцев усиливают мое возмущение этим портретом полуголой женщины, годящейся мне в бабки: я часто раскрываю альбом с мыслью: разве под сомнительной тканью не нарисована и нижняя часть тела? Если это так, я бы мог увидеть женский половой орган. Здесь он более зрелый и раскрытый, более дряблый, нежели в «Источнике» Энгра?..

Что делать мальчикам с этой выпуклостью, которая может порости пушком и волосами, чего я, правда, пока еще не вижу?

Под вечер пауки снова ткут над пыльной водой паутину, я возвращаюсь к кувшинкам, водная поверхность там чище, отражения ярче, надо рисовать. То,

чего нельзя делать у нас в горах и в деревне, я могу делать здесь, на слегка холмистой равнине, вода тут спокойная, и можно писать отражения. Я начинаю, когда все уходит и спускаются обратно в деревню.

Чтобы написать девушку, необходимо продвигаться в рисунке: белизна кожи, сырая розово-серая плоть, голубизна бикини, все это я могу написать. Но ее столь хрупкие очертания, когда она поднимается – после чего? – среди берез и крапивы...

177

О любви я грежу наяву и даже во сне: любимая девушка из Японии, Изольда, куртуазная любовь, о которой мы начинаем читать в песнях, Машо*, уже немного Ивонны де Гале из «Большого Мольна»*, Жанна д'Арк, туго затянутая своими охранниками в мужские одежды.

Страсть – это «Анна Каренина», которую мать перечитывает почти ежегодно. Что делают эти взрослые, которых страсть гонит прочь от родного очага? Чем они занимаются *помимо того*, что обнимаются еще крепче, потому как прячутся? Для чего эти гостиничные номера, тайные ложа?

Я много узнаю о человеческой жизни, глядя на портреты великих людей: политиков, артистов, ученых, святых, изображения нагих народов Амазонки, божеств. Но я углубляюсь в вопрос о девушках, женщинах: о том, что красивее, изящнее, хрупче, невиннее всего на свете: что *думает* девушка, женщина, если, с моей точки зрения, это существо можно лишь обнимать? Еще раньше мы читаем в исторических отрывках об изнасиловании.

Каковы мысли этого существа – воплощения чистоты?

Даже Еву я не считаю соблазнительницей: и даже «разводчицу» – что делают с ней мужчины, у которых она берет деньги? Теряя немного своей чистоты, она становится от этого лишь чище, достойнее любви, восхищения. Женщина – вовсе не соблазнительница, это дьявол, змей-самец, входит в нее, дабы соблазнить и погубить первого мужчину, входит в самую невинную, чтобы обмануть того, кто уже не столь невинен, – самца, у которого Господь вынимает во сне ребро и создает из него самку.

Как воспринимает моя мать объятия Карениной и Вронского? Что она вычитывает, что видит между строк Толстого?

В те годы из Северной Америки до нас доходят *пинапы*, которые тогда для меня не имеют ничего общего ни с непорочной девушкой, ни с «разводчицей», это прежде всего образ рекламы, афиш кинофильмов, которые нельзя смотреть. Что же это за жеманные блондинки, открытые со всех сторон для вспышек фотографов? В ту пору меня привлекают сами их обозначения: *пинап*, *вамп*; в первую очередь, слово *пинап*, которое никто не соизволит мне перевести, долгое время мучит и изумляет: уже зная, что французское *ripe*, «елдак» – это штукавина, вставляющая у нас между ног, я тогда думаю, то *пинап* – это «елдак, поднятый вверх». Но в таком случае слово представляется мне столь непристойным, что это уже несовместимо с рекламой.

Потом, когда я вижу открытки с французскими *пинапами*, более скромными и доступными, в не столь искрящихся бикини, слово выражает для меня нечто весьма привлекательное.

Как-то летом 1951 года я еду с отцом на машине в горы, по одному из соседних с Жубером плато, вдоль Панерского леса, через местность под названием Ле-Куртино, зеленый перевал меж двумя черными лесами; я показываю отцу вдалеке окрестности школы и обрамляющие ее долины, поясняя, чем мы там занимаемся, древнегреческий, латынь, Семена, поденки, эхо, Обезьяна, отец замедляет ход и прижимает меня к себе:

– Вот ваше дерево, мамино и твое... Будь же со мной подобнее.

Так как он очень часто прижимает меня к себе и всегда спрашивает, люблю ли я его по-прежнему сильно, и так как я знаю, что он всегда нуждается в ласке, я мог бы ответить ему обычно; но поскольку он знает, что после моего поступления в пансион мне свойственна эта черствость, и сам забывает на время, в чем нуждаюсь я, дабы потребовать от меня то, что он должен давать мне, и поскольку его объятия сильнее, а голос срывается в рыдание, я прикипаю к нему и обнимаю своими растущими руками.

И вечером я смотрю на мать, не смея спросить, почему отец еще ласковее обычного.

Почему в конце каникул она уезжает на день с моим отцом, – который совсем бросает курить, – за покупками в Лион? И почему она возвращается ночью, такая уставшая, и так рано уходит в свою комнату?

Все лето 1952 года я твержу родителям, что хочу стать священником. Однажды к нам в дверь стучит отец Валлас. Я наедине с матерью, и мы слушаем «Музыкальный момент» Шуберта с черной пластинки на 78 оборотов. Мать пьет чай каждый день в одно

и то же время – утром после похода за покупками, за чтением газеты и после полудня.

Отец Валлас, который около 1925 года живет, преподает и гуляет в англоязычной Канаде, в Реджайне, пьет чай вместе с нами, а я готовлю и приношу ему бутерброды с вареньем, сытнее, чем в школе: сказать ли ему об этом?

180 Из двух моих отцов этот ближе всего к Господу, и я называю его *отъец* – со школьным южнолуарским акцентом.

Ему хорошо в нашей гостиной, где не чувствуется дневного зноя, и он даже зябнет. Мать набрасывает ему на плечи польскую шаль: я ощущаю глубокое умиротворение между этими двумя людьми: с одной стороны любовь, с другой – Бог.

Он переворачивает пластинку, с обратной стороны Шуберта «Элегия» Массне, которую мы не слушаем. Оба произведения переложены для виолончели и фортепьяно, виолончелист – Андре Наварра*: Массне, музыкант родом из Сент-Этьена, нравится отцу Валласу, хотя его брат Леон – закоренелый дебюссист.

Он хочет послушать Массне, я вытаскиваю из спички новую иголку, ввинчиваю ее в тонарм, поворачиваю ручку и передаю святому отцу пластинку.

Послушав музыку, он говорит моей матери, что хотел бы забрать ее «парнишку», если парнишка не против, и обещает привезти его завтра или послезавтра вечером.

Я бегу в свою комнату за тетрадями для эскизов и Диккенсом, которого тогда читаю: «Большие надежды». Мать складывает в маленький чемодан немного белья, и вот мы уже выезжаем на школьном грузовичке. За Сен-Жене сворачиваем на Лесную дорогу, которая вначале идет вдоль берега Семены,

вверх по течению от нашего места купания: святой отец говорит, что намечается строительство плотины, и наша долина вскоре будет затоплена.

Я остаюсь у него на два дня, и он показывает мне все, что нам запрещено видеть во время учебного года: молельню, комнаты, склады, подвалы, машины, посуду, орудия, огород, колодец, архивы; он приносит мне завтрак в постель, я прислуживаю ему на мессе; мы обедаем и ужинаем в малой приемной; один раз поднимаемся пешком на Шоситр, он несет на спине сумку с нашей закуской; по возвращении вечером, в часовне, он сидит за фисгармонией, а я стою на хорах, и мы поем псалом Маро*, положенный на музыку Гудимелем*, протестантом, убитым в Лионе и брошенным в Рону:

181

*Сидели мы на реках Вавилонских
И, вспоминая о краях Сионских,
Горячими слезами обливались...*

*

По настоянию моей матери отец соглашается записать меня в Иезуитский коллеж св. Михаила в Сент-Этьене. Мать полагает, и отец Валлас ее в этом поддерживает, что иезуитская система духовного образования подходит мне больше, нежели слишком эмоциональная система сен-шамонского Общества Марии.

Коллеж св. Михаила – не интернат, так что в полдень и вечером я возвращаюсь в Пансион св. Людовика, которым заведуют Братья христианских школ, по ту сторону Главной улицы, пересекающей город.

В Пансионе св. Людовика нас пятеро или шестеро из Коллежа св. Михаила. Поначалу нас всякий раз отводит туда старый ученик, затем надзор прекращается.

Коллежем св. Михаила руководят умные, гибкие, уверенные в себе священники. Я поступаю в седьмой класс. Так как я ушел далеко вперед по истории, французскому, латыни и древнегреческому, а мой отец не желает отдавать меня в духовное училище, я люблю бродить по незнакомому городу, через который проезжаю лишь по дороге в Бретань и куда прибываю на пару дней с матерью, для примерки костюма у Армана Тъери, после чего она ведет меня в кино: мы смотрим «Ребекку» Хичкока* – я кладу руку на ее ладонь при упоминании о трауре лорда де Винтера, но отвожу, когда моя внезапная любовь к Джоан Фонтейн* заставляет мать заново пережить всю нашу жизнь, – впрочем, нам приходится уйти за четверть часа до конца сеанса, чтобы успеть на автобус до Бург-Аржанталя.

Сначала пара крутых поворотов на дороге, ведущей в Сен-Луи-Сен-Мишель и обратно, а потом, особенно вечером, перед ужином, все дальше и дальше к рабочим кварталам.

Коллеж – большая домина, построенная в парке, на холме над бульваром Форьель, рядом со зданиями «Манюфранса»*.

Без природного окружения и жуберских литургий древнегреческий и латынь теряют здесь свою силу. Учителя опытные, резонерствующие, но лишь немногие, на мой взгляд, воодушевлены верой, поэтическим видением тех, с кем я недавно расстался и по ком скучаю: численность преподавателей ослабляет, рассеивает их назидательную силу, я не вижу в них души; но один, ответственный за ресурсы, тянет нас в походы на сланцевые городские вершины, где я вновь обретаю чуточку Жубера, за вычетом

гранита; он также читает нам рассказы об альпинизме: Фризон-Рош, сахарская «Гора с письменами»* и восхождения Уимпера на Маттерхорн*; именно он сообщает нам в январе 1953 года о смерти Сталина.

Я записываюсь в скауты, но как-то раз, когда мы, сидя вдвоем или втроем в штабе, хотим повторить химический опыт, увиденный накануне, вспыхивает пожар.

183

Так как хожу я очень быстро, я много узнаю о городе за выделенное мне время, но мои опоздания накапливаются, и я возмещаю их тем, что столь же быстро схватываю на занятиях и выполняю контрольные работы.

Но математика изобилует для меня все более враждебными терминами, тем более угрожающими, что я ощущаю себя на краю истины и реальности, которые помогут мне постичь иную сторону мира, иной ход мысли, познать себя самого, устремившись к науке и размножению.

Прогуливаясь, я иногда захожу в церкви, но свет лампадки святого причастия больше не озаряет, не *ждет* меня, как в часовне нашей школы, где вся история сосредоточена в этом красном отблеске, свете Мира.

Само же религиозное обучение иезуитов не углубляет того, что я и так знаю, пережив в Жубере на собственном опыте; я вновь получаю немного удовольствия от веры лишь в присутствии своей матери с ее хрупкой величавостью, ее духами и лишь в церквях Бурга и Невеза или Сен-Жан-де-Бурне, в лугах, в воде,

во время плавания, в реке, в пруду, в океане. Перед гуашью, что я рисую, в книге, которую читаю, да еще в музыке.

184

Теперь у нас есть проигрыватель, и брат моего отца отдает нам бóльшую часть своей коллекции пластинок на 78 оборотов: Моцарт, «Симфония соль-минор» в исполнении Бичема*, «Диссонанс-квартет» в исполнении музыкантов Лёвенгута*, «Концерты для флейты» в исполнении Марселя Моиза*: мы дышим в такт с ними, в саду, на природе, на велосипеде, во время плавания, когда кричим, поем, окликаем птиц и смеемся, почти задыхаясь.

Впервые получая право на один франк карманных денег в неделю, я наконец осознаю, что же такое деньги: они нужны даже королям для строительства дворцов и ведения войн, но я также осознаю, что живем мы очень скромно, что пансион обходится недешево, и мечта о том, чтобы поскорее начать жить на собственные средства, усиливается во мне сексуальным влечением, вызывающим желание воспользоваться своим телом. Иными словами, тем, чем наделили меня природа и сам Господь, ну а все остальное, латынь, древнегреческий, французский, история, религиозное наставление даны мне моим классовым происхождением, которое я начинаю отвергать вместе со всеми его жестами, словами, *формальностями*.

*

Молодой подручный на три года старше меня, приехавший со своим начальником оценить и распланировать работы по ремонту штаба, отзывает меня в сторону и предлагает сигарету, которую

я выкуриваю полностью: когда мне становится дурно, он прикладывает руку к моей шее и укладывает меня на почерневший строительный мусор:

– Полежи здесь, я скоро вернусь, после службы... Хочешь со мной дружить?

Он возвращается, говорит, что заберет сестру, которой нужно «закончить с клиентом», вновь уходит, головокружение растет, но внутри я очень взволнован; вот и они: он с белокурой шевелюрой, зачесанной за красные уши, она невысокая брюнетка с красными губами, звонким голосом; в черных штанах и с искусственной лисой на шее. Они поднимают меня, она ведет нас в «снэк-бар», где на синей «формайке» ест «стейк». Он снимает мех с ее шеи и обматывает вокруг своей, поверх своих полуголых плеч. Она:

– Правда, красивый у меня брат? Голова сияет, как солнышко.

В следующее воскресенье, перед прибытием автобуса из Анноне в Сент-Этьен, я торопливо роюсь в шкафу своей матери, беру там мех настоящей лисы и запикиваю в чемоданчик. На следующий день перед ужином, с лисой в кармане, возвращаюсь в сгоревший штаб, двое рабочих уже расчищают строительный мусор, я спрашиваю у них, где подручный, они направляют меня к его сестре, на улицу Мишле, напротив шоколадной кондитерской «Вайс». Я иду туда, жду, достаю из кармана мех и обматываю вокруг шеи, у тротуара останавливается черная машина, внутри трое, один, опуская окно, приглашает сесть. Я убегаю.

*

Иногда после ужина мы тайком выходим из Пансиона св. Людовика и слоняемся ночью по городу:

рассматриваем освещенные витрины, пирожные, все еще игрушки, велосипеды, спорттовары, книжные магазины, грампластинки и при каждой возможности заходим в кино. В дортуаре товарищи должны отвечать вместо нас: «Здесь!», и так как крики всегда сопровождаются смехом, дежурный Брат ничего не замечает.

Еще прохладной ночью в начале весны мы поздно возвращаемся с приключенческого фильма: дверь коллежа заперта, приходится перелезть через стену; мы уговариваем самого «старого» ученика из нашей компании подставить каждому спину: едва все, кроме него, оказываются по ту сторону, мы забываем о нем; но посреди ночи один будит всех нас по очереди: мы идем к кровати нашего старичка – она пуста; мы советуемся, снова одеваемся, проходим, согнувшись, между кроватями и выбираемся на лестницу, но дверь на улицу по-прежнему закрыта: приходится опять влезать на стену, один из нас, самый низкий, остается по эту сторону и подставляет спину, тогда как другие спрыгивают с той стороны и начинают растирать нашего старичка, – ведь он еще пригодится нам для новых проделок.

В мае, на фронтонах двух «порнографических» по тем временам кинотеатров Сент-Этьена появляются афиши: «Остров голых женщин»* – соблазн обнаженного тела и «Кутеж в кабаках»* – соблазн казино и стриптиза. Мы гораздо младше, чем требуется для входа, но долго стоим, запрокинув головы, под этими цветными афишами, где полуголые женщины раскрывают над нами объятия, – что они хотят влить в наши раскрытые губы и в наши глаза? «Ты – яд»*.

О нашей распущенности докладывают директорам Пансиона св. Людовика и Коллежа св. Михаила: нас исключают из пансиона и уведомляют родителей.

В коллеже нас по отдельности допрашивает надзиратель, в комнате без прикрас: зная, что фильмы с обнаженной натурой демонстрируются в кино-театре на Главной улице, отец А. желает добиться от каждого подтверждения, что мы их смотрели. Он принуждает меня описать фильм, помогая вспомнить, и чем дальше он расспрашивает, тем больше у меня встает, но я держусь стойко, да и не видел этого фильма. Это продолжается до самой ночи: на улице хвойные деревья шевелятся в темноте, большая сова теряет терпение из-за хлещущих ветвей: в коридоре очень юные проезжие иезуиты умело подслушивают за дверью. Допрос длится полтора дня, мои товарищи возвращаются домой, я остаюсь в коллеже и получаю в дневнике подчеркнутый «неуд» за неделю, низшую отметку, с мотивировкой: «Ночные проказы».

Мой отец хочет, чтобы меня отчислили, но директор желает оставить меня как исключительного воспитанника.

Он показывает моему отцу предназначенную для меня комнату: угол в коридоре комнаты священников; но, вопреки мнению отца А., заинтересовавшегося мною, мой отец решает забрать меня и записать в фамильный коллеж.

*

Лето 1953 года, мать дарит мне полную Библию каноника Крампона: теперь я могу читать и перечитывать, когда и где пожелаю, невзирая на тяжесть тома, Бытие, Патриархов, Исход и т. д., читать

и перечитывать рассказы о Сауле, его встрече с Аэндорской волшебницей. Я начинаю записывать небольшие добавления к слишком коротким отрывкам, в тетрадке, куда уже вношу восклицания наподобие «*Me, me, adsum qui feci, in me convertite ferrum*» из «Энеиды», песнь IX¹, пока мастурбирую на кровати в комнате, которую наша мать оборудует под самой крышей для моего брата и меня, или на природе, рядом с моим велосипедом – что известно об этом сопровождающим меня взрослым? *Запретный плод*, с девочкой я не столько желаю «мальчика», сколько томлюсь по добавочной пище (аппетит и «мальчик»: больше плоти и удовольствия в силу запрета, нежели с девочкой, нормальным желанием и рекомендованным плодом для продолжения рода), а также знанию.

Так я усугубляю симптомы болезни, которой Иегова поражает Саула* – избранника Божьего, отысканного и помазанного Самуилом, вечно виноватого, измученного, горячо любимого своим сыном, обреченного на самоубийство, на вывешивание своего обезглавленного тела на стене – и далее, в Деяниях апостолов, – что прибавить к Евангелиям, к этим столь хрупким текстам, к веренице свидетельств, от которых зависит сама наша жизнь? От себя я присочиняю к побиванию камнями св. Стефана и к рассказу о том юноше, что стережет одежду побивающих, другом Сауле, Павле, и его ослеплении в доме у въезда в Дамаск.

Тем же летом я читаю, на сей раз целиком, «Лилию долины»*, как-то долгим днем, между острыми скалами

1 «Вот я, виновный во всем! На меня направьте оружие...», Вергилий, «Энеида», IX, пер. С. Ошерова.

под домом нашего двоюродного деда, напротив океана. И продолжаю читать вечером, пока рыболовецкие суда и военные корабли ходят передо мной взад и вперед: дверь в нижней части сада госпожи де Морсоф – для меня это дверь, отделяющая Эдем от праха, откуда Феликс и все мы извлечены Творцом и который попираем: прах, попирающий прах.

Одновременно с отрывками из «Мемориала Святой Елены»* я читаю целиком «Рабство и величие военной жизни»*, что подарила мне в январе того же года тетка Дракониха. Это любимая книга моей матери: в главе «Трость» рассказ капитана Рено о побоище на Русском редуте, образ мертвого белокурого русского юноши, отчаяние отца – ничто так не отвращает от уже «обыденной» войны.

У меня есть «Созерцания»*, и я читаю великие стихи, написанные после гибели Леопольдины*: «О чем подумали два всадника в лесу», «Veni vidi vici», «В Виллекье», «Mors», «Mugitusque boum».

При чтении я пока еще не задумываюсь над тем, что мог бы написать сам, но когда случайно наталкиваюсь у Ронсара на нечто помимо уже знакомой «Миньоны», к примеру:

Мой Государь, быть Королем – не блажь...

из «Рассуждения о бедствиях нашего времени» или:

Хоть ваши несравненные черты... –

строку, которой начинается «Элегия к Марии Стюарт», идеал совершенства, во мне шевелится предчувствие: эти стихи написаны человеком с такими же сердцем и мозгом, как у меня.

В октябре 1953 года я уже в Сен-Шамоне, что в долине Жье, в Коллеже св. Марии, большом архитектурном ансамбле XIX века с шиферными крышами: высокая и массивная часовня 30-х годов по центру.

Широкий парадный двор перед главным фасадом, с куртинами. Несколько школьных дворов, спортивная площадка, посыпанная окалиной беговая дорожка, бассейн – все это на холме, возвышающемся над центром промышленного города с запахом тухлых яиц.

Нас две тысячи учеников, разделенных на младших, средних и старших.

Те ученики, что хотят увидиться в конце дня со священником, во время занятий пишут записочки, которые собирает один из нас, староста класса, и проверяет надзиратель на своей кафедре под часами, а затем тот же староста раскладывает записочки на этаже под дверьми священников.

Я быстро привязываюсь к ректору, отцу Сантенаку, уроженцу Пиренеев, который чувствует себя неловко на своем посту, но трудится с увлечением, добротой, уважением, в одиночестве: властвует он кротко, дети бесконечно его изумляют.

Полностью отвергая уроки гимнастики и любые игры с мячом, я много времени провожу в нужниках во внутреннем дворе, по крайней мере, до окончания занятий: там я могу сколько угодно читать, рисовать, нюхать и рассматривать экскременты тех, кто побывал здесь до меня, – кашки соответствуют форме ануса, – запятые дерьма и черви, извивающиеся на стенах, возбуждение мух, я гораздо лучше ощущаю собственное тело среди того, для чего оно

и предназначено: секс – что если бы он стал вдруг публичным? – и смерть. Лучше уж засунуть нос в эту кучу, нежели подчиняться свисткам гимнаста в тренировочном костюме.

Я успеваю по французскому, латыни, древнегреческому, истории.

На занятиях, едва закончив свой перевод с иностранного на родной – уже такой сложный Тацит, но «саспенс» ускоряет развертывание синтаксической конструкции – или с родного на иностранный, я пускаю свою работу по партам, где товарищи ее списывают, и читаю, все чаще набрасывая на полях черновики писем к поэтам, романным героям, историческим персонажам, артистам.

Теперь много поэзии: особенно романтической, «Судьбы», «Античные и новые поэмы» Виньи, «Ночи» Мюссе, исторические биографии: «Мария Стюарт» Цвейга, которую я дарю матери на ее День.

«Грозовой перевал» я уже могу прочитать целиком, затем «Игрок», которого я беру в библиотеке матери, «Дитя» Валлеса, «Три повести» и «Саламбо» Флобера, «Евгения Гранде» и «Отец Горио» Бальзака, «Атала», «Натчез», «Последние абенсеражи» и «Замогильные записки» Шатобриана, «Мечтания» Руссо, «Задиг» и «Кандид» Вольтера, «Персидские письма» Монтескье, затем я принимаюсь за «Тысячу и одну ночь», где *вижу* не только яркие, жестокие, морские, любовные, ночные сцены, но и *форму*, прихотливость рассказов, вставляемых один в другой, потерю смысла: форма, в которой я *вижу* сюжетную перипетию, самостоятельное чудо.

Летом 1953 года свержение Моссадыка*, премьер-министра Ирана, мы видим его в «Пари матч»,

униженного старика в пижаме, проживающего под надзором в клинике. Моя мать восхищается этим сыном каджарской принцессы, который учится в начале века во Франции, а в 1951 году национализирует иранскую нефть, принадлежавшую тогда Англии.

Моя мать не любит шаха, хотя и сочувствует шахине Сорейе*, такой красивой, но из-за бездетности обреченной на развод.

192

Она считает Иран, древнюю Персию Ксеркса – врага Афин и Александра – и «Тысячи и одной ночи» одной из главных империй, чьи природные богатства принадлежат ей по историческому праву. Поддержка, оказываемая Моссадыку коммунистами, не уменьшает восхищения матери.

*

Я вступаю в Общество св. Викентия де Поля*. Основанное в 1833 году в Париже Фредериком Озанамом*, соратником Ламенне*, чье «Слово верующего» я тогда читаю, это «общество» состоит из мирян, которые, наряду со своей основной профессией, обязуются регулярно навещать бедных, одиноких, отверженных, помогать им выживать, просто жить.

В коллеже есть одна группа, куда входят ученики и взрослые.

Так, дважды в неделю я навещаю с товарищами забытых стариков и людей помоложе, вдов без пенсии, приживалок, презираемых окружающими.

Одна вдова с красивыми волосами питается впроголодь, не в силах работать из-за артроза в бедре, и живет в лачуге над рукавом реки с замусоренным течением: мы приносим ей риса, макарон, кофе, купленных на свои же карманные деньги и членские взносы старших, и убираем дом.

Так как я полон энтузиазма, она готовит кофе, ставит его на клеенку на своем единственном столе и накрывает своей увядшей ладонью мою.

Крыса, поднявшаяся от реки, запрыгивает в окно на приоткрытый ящик для угля и падает в перекачивающиеся овальные брикеты.

Я задумываюсь, развлечь ли вдову еще немного или лучше остановиться, чтобы не обидеть, она видит мою растерянность и кладет мою руку обратно на липкий стол. Я пью кофе и рассказываю ей о короле Лире, Эдгаре, шуте, поедающем дохлых крыс.

193

Другое жилище: мрачная, зловонная конура наверху высокого лестничного пролета, переполненная детьми в грязном белье. Черствая и почти немая старуха с порога вырывает у нас из рук пакеты риса и сахара, а другой рукой швыряет нам в живот свою швабру и половую щетку: необходимо убирать каждую неделю. Эта старуха так сильно зализывает волосы на черепе, что мне они кажутся не волосами, а другой субстанцией, какой-то навозной карамелью, отчего меня рвет на выходе, так как я воображаю, что должен это съесть.

Когда после рождественских каникул возобновляются занятия, меня назначают руководителем шефской организации в Ла-Рикамари, между Сент-Этьеном и Фирмини, в долине Ондены: каждый четверг я отправляюсь на поезде в Сент-Этьен, где пересаживаюсь в автобус.

В свои четырнадцать я обязан целый день заниматься парнями нередко старше себя. Однако я обучен, хорошо образован, а значит, могу руководить вместе с другими этой группой детей и подростков

из рабочих семей: мы поднимаемся в заросли дрока, бегаем, играем на феодальных развалинах в следование по маршруту и с песнями спускаемся в долину меж засаленными сланцевыми скалами; а главное, я привожу шоколад, который отец покупает моей матери в сент-этьенском «Вайсе» между заседаниями Генерального совета и который она больше не ест.

194 Я изо всех сил держусь целую четверть. После чего говорю отцу Сантенаку, что не суждено мне командовать другими: претит это социальное превосходство, которое считается в коллеже заветной мечтой.

На Пасху отец дарит мне первый велосипед, красный «партнер», на который я тотчас сажусь, чтобы в одиночку одолеть два–три перевала в окрестностях Бург-Аржантала: наконец-то один, пока мухи и черви копошатся в моей волокнистой сперме на траве вверху, я спускаюсь обратно, настолько переполненный сексом и поэзией, – «оргастические» листки свернуты на дне портфеля, в груди мха, камней, шин, – что я больше не могу говорить с отцом и даже с матерью, – которая смотрит и слушает уже рассеянно, – и впредь буду говорить с ними все реже и реже.

Единение тела с этим новым механизмом, влияние веса на скорость, особенно долгий и затяжной разгон демультипликатора, усилие и следом за ним немедленный результат, воздух, расщепленный на все оттенки ароматов, переход от травы к деревьям, от цветов к скоту, от навеса к навозу, от молока к кофе, от белья, что сушится на скалах, к перегретому вереску, от бензина к вину, от тени к свету, от холода вверху к теплу внизу, и все это за каких-то пару минут, под негромкий шелест спиц и чмоканье

покрышки об асфальт; а также занос на повороте, на щебенке, и падение в заросли дрока и ежевики, откуда поднимаешься с дрожью, но с гордостью; вождение на ровной дороге, не касаясь руля, пожирание расстояний, звуков, деревень...

*

Великая французская и всемирная драма того года – майское поражение французской армии при Дьенбьенфу*, после пятидесяти шести дней осады, и конец французского Индокитая по итогам Женевских соглашений*, подписанных Чжоу Эньлаем* и Пьером Мендес-Франсом*; конец Французской империи.

195

В июле наша тетка Сюзанна везет меня в Париж, который я вижу впервые: из окна такси, доставляющего нас с Лионского вокзала на Университетскую улицу, где у нее квартирка, чернота Парижа поначалу меня разочаровывает: много заводов, цехов с дымящимися трубами в самом центре города; на следующий день все эти черные изваяния в мокрой от дождя зелени, эта ночь среди бела дня, величавая феерия державности...

Мы ужинаем в китайском ресторане на улице Мсьёле-Пренс, с верными боевыми подругами, воевавшими против Гитлера, француженками, англичанками, американками.

Я дарю ей свою гуашь с нашей родной деревней – вид из наших окон: одна ее подруга, иранский дипломат, увидев рисунок на стене теткиной квартиры, называет его олицетворением Франции, тетка дарит ей картинку, и подруга увозит ее домой в Тегеран: я еще долго воображаю, как мое маленькое творение, нарисованное всего за пару часов, летит

над Востоком, а затем лучится в темной нише свежей зелены, текучим багрянцем.

196

Наша мать покупает сразу после ее выхода «Историю Виши» Робера Арона*, которую я читаю и перечитываю, иногда в присутствии матери. Из этой книги, основанной на доступных тогда архивных документах, я узнаю о позорном «Французском государстве», что выдает либо приказывает выдавать нацистам евреев, находящихся в его административной компетенции, в возмещение, в уплату за несбыточные преимущества, точь-в-точь как выбрасывают балласт, дабы не пойти ко дну либо подняться в воздух.

*

Наш учитель математики, отец Тренкье, рослый, чуть кособокий, лохматый брюнет, с ярко горящими глазами и вечной меловой пудрой на бровях, а также на длинной латаной сутане, доходящей до огромных горных башмаков, всегда немного расшнурованных, однажды вызывает меня в свою большую комнату, там полный кавардак. Я вхожу в коридор с облупившейся картиной, поправляя свои очки «амор», а он становится передо мной и спрашивает, в волнении роняя из больших волосатых рук мел, когда же я наконец соизволю явиться на урок математики.

Я уже пару дней читаю «Отелло» в карманном выпуске «Ларусса», который ношу с собой, – я вижу Отелло, Яго, Дездемон повсюду, в самых близких знакомых, и наделяю неистовыми страстями этих спокойных людей, воображаю, как Яго разжигает ревность в Отелло на площадке над водой рядом с кинотеатром «Риотор», где когда-то давно женщина убивает своего любовника, – и перечитываю пьесу

в обработке Альфреда де Виньи: «Венецианский мавр».

Я говорю об этом учителю и рассказываю о Яго, Кассио, Дездемоне, Венеции, и тут он подходит к своему книжному шкафу, достает оттуда два тома шекспировских пьес в переводе Пьера Мессияна* и листает передо мной страницы со вздохами и восклицаниями: «Макбет», «Гамлет», «Ричард III», «Сон в летнюю ночь», «Антоний и Клеопатра», «Юлий Цезарь», откуда он зачитывает надгробное слово Марка Антония, и когда я спрашиваю, почему эта речь написана не по-латыни, он треплет и гладит меня по щеке.

197

Святой отец одалживает мне оба тома, которые я забираю в класс и храню у себя в парте, второй слева в центральном ряду; мой сосед слева, Люсьен, из семьи армянских коммерсантов, живущих в Фирмини, брюнет с нежными глазищами и коричневыми кругами под ними – благожелательный читатель первых стихов, которые я пишу в убеждении, что это и есть моя судьба: затем, пару дней спустя, «Моисей», об одиночестве мыслителя; я смотрю на своего товарища и принимаюсь отыскивать на его лице, руках отпечатки резни, в которой погибли его дед и бабушка: неужели раны от турецкой сабли, топора и ножа, следы удушения, да и самого тления не передаются по наследству?

*

В антологии «Лагард и Мишар»* за XIX столетие, которую старший ученик показывает мне в фойе, где мы репетируем «Женитьбу Фигаро», – я дублирую роль Керубино, – я вижу и читаю первую строфу «Пьяного корабля»*, а затем, сняв костюм и покинув сцену, уношу том в учебный зал, где читаю

стихотворение уже целиком: мое сердце бьется все чаще внутри ярко озаренной груди, я выбегаю и трижды обхожу территорию коллеги, тяжело переводя дух. Я мчусь по крытой галерее, перед нужниками: отныне я больше не буду прятаться, во мне есть сила, факел, ораторская сцена, театральный мрамор. Небесные врата не превозмогут ее. Я затыкаю руками уши, чтобы не слышать больше пения птиц на закате: поэзия – вопрос мышления.

Я хочу рисовать, стать художником, и от *натуры* перехожу к композиции: в числе прочего я пишу маслом на большом прямоугольном панно из толстого дерева экзотическую сцену: на берегу темных вод, в лесной чаще с лианами, два разделенных заболоченных рукава реки.

На переднем плане женщина океанийского типа, солнечный луч пронизывает и затуманивает ее абсолютную наготу; на заднем плане, меньших размеров в соответствии с перспективой, мужчина в набедренной повязке держит в руках охотничий трофей.

Мое лицо, мое тело меняются, я должен постоянно носить очки, которые делают мир тусклее, – значит, истинный свет во мне.

В классе рисунка, под самой крышей, я рисую углем круглую скульптуру: античные бюсты с градацией теней от серого к черному: Афина в шлеме, Афина без шлема, юный Нептун, Венера, Перикл и прочие – все с греческим профилем. Покончив с бюстом, я рисую для себя.

Мое лицо теперь обозначается, выделяя меня в обществе, раскрывая внутреннюю жизнь моей воли и мое отличие от родителей: у меня больше нет того смазливого личика всеми любимого ребенка, какое было у моих дядьев по материнской линии, его уничтожили нацисты – но оно все еще сохраняется у нашей матери.

Во мне больше нет той заурядной красоты, что соответствует моему коммунальному духу, «борделю», хоть я пока и не знаю, чем там занимаются.

199

Моя сущность, которую я считаю скрытой, становится теперь явной, прежде чем я начинаю говорить (из сына Божьего я превращаюсь в сына человеческого). Эта внешность, форма ускользает от меня, от моей воли, из-под моего контроля – что же мне с этим делать?

На территории коллежа все вокруг меня тоже преобразуются, некоторые от этого страдают, другие – нет: у меня не те черты и тело, каких мне хочется. Лишь девушка, девушки могли бы открыть мне глаза на мою новую привлекательность. Но где же они? И кто они? Конечно, женщины, которые принимают и любят меня таким, каким я становлюсь. Страдание смягчается дружбой, игрой, временными лагерями, историей, уже политикой.

Распад колониальных империй, удар, нанесенный Бандунгской конференцией* по западному господству над миром, непрерывная смена и некомпетентность наших правительств вынуждают нас часто беседовать о ходе истории, империях, нациях, колонизации, цивилизации, терроре, покушениях, кровавой резне, варварстве – *oi barbaroi*: «те, кто не греки», – и системах общественно-политической

организации.

Англия и Франция – это Римская империя, чьи экзотические бенефициары* освобождаются, ислам – религия, замедляющая, даже отрицающая прогресс. У Запада не только технологическое и военное, но и нравственное, интеллектуальное, художественное, духовное превосходство.

200

Но некоторые покоренные народы были великими, или же великими были подчинившие их империи и нации, поэтому следует их уважать, равно как и «примитивные» народности Африки, Океании, которым мы обеспечиваем защиту и поступательное развитие.

Запад с его христианством и Просвещением обязан избавить их от всяческого коммунизма, религиозного фанатизма и грубого чистогана; и Франция изменяет своей истории, когда не принимает участия в борьбе. Алжир – это не колония, а продолжение Франции за Средиземным морем: Республика едина и неделима, и главный священный долг ее избранных уполномоченных – сохранить за государством территорию Алжира, завоеванную с такими трудами, спустя столько лет. В ту пору даже для Пьера Мендес-Франса «Алжир – это Франция».

Мы пишем сочинения на темы «Россия – это Европа?» (иными словами, не ближе ли она к Азии, нежели к Западу?); «Османская империя – больной Европы»; каждый из нас, по крайней мере, те, кто задумывается над историей, мечтает и говорит вслух про Объединенные штаты Европы: изучение других наций, бесконечного мужества каждого народа – мы знаем, по какой земле ступаем, что едим, где живем, что нас защищает, законы, учреждения, чем мы можем

восхищаться – памятники, тексты, картины, музыка.

После осознания этих многовековых усилий, безвестных либо прославленных, но одинаковых для каждого народа, мы сможем наконец-то слиться в общей нации. Но кто в ту пору *задумывается*, что к нам должны будут когда-нибудь присоединиться братские нации по ту сторону «железного занавеса»?

*

201

Вечером в столовой, во время спора о еде и политике, старшекласник Д., с матовым лицом и каштановой шевелюрой, мясистыми губами и носом, юношеской сутулостью и резкими жестами, таскающий за собой своих холуев, – воскресным вечером он привозит из Лиона журналы с голыми бабами (у одной шнурок между ляжками), которые показывает малышам, чтобы гладить и подчинять их, – (замечает ли он мой обрезанный член в плотно облегающем купальном костюме со шнуровкой по бокам?) бросает мне, поджав губы:

– А ты у нас, часом, не жид, с такой-то мордой?

В следующую субботу я спрашиваю мать, что такое «жидовская морда», она отвечает со вздохом, что это глупости, но если Д. снова начнет, нужно сказать ему, что такое лицо у *мыслящих* людей. Тогда я полностью принимаю свое новое тело, лицо, черты, раз уж они принадлежат избранному народу Божьему, с которого я начал жить и *задумываться* о мире.

Из этой плоти я выжму средства для жизни – если потребуются, даже вопреки ей. Как-то весной я еду с моими братьями на большой передаче, возвращаясь с серьерских состязаний, в тени платанов по берегу Роны, – птичий щебет

усиливается от одного километрового столба к другому, – наши мокрые купальники в портфелях, с нами сестры и Беата, молодая немка, приехавшая по обмену, пока наш старший брат гостит у нее на Балтике: высокая, белокурая, резвая и приятная, из семьи немецких участников Сопротивления, изгнанной в 1933 году и близкой к Вилли Брандту*, она, как и мы, в восторге от всего увиденного.

После ее приезда наша мать объясняет ей историю взаимоотношений нашей семьи с Германией. Как мы сами пару лет назад, она обнаруживает в библиотеке книгу «Свидетели, что не убоялись пожертвовать жизнью...», которую мать достает из шкафа, чтобы перечитать свидетельство о смерти своего брата, и нечаянно забывает на передней полке.

Хотя семья уже объяснила ей всю жестокость нацистской системы, при виде первых фотографий в истории концентрационных лагерей Беата со слезами роняет голову на книгу, и моя мать с трудом унимает ее рыдания.

Теперь мы совершаем подъем на Серьер в Анноне, через Погр. Я еду сзади, слева, спереди, приподнявшись с седла, и она тоже, храбро встречая ветер в лицо: ее платье в цветочек раздувается на бедрах, облепляя задницу и живот. Запыхавшись, мы перекидываемся обрывочными фразами о Европе, какой хотим ее видеть: когда я и она закончим учебу, чем я буду зарабатывать на жизнь, где писать? Германия, Франция, Англия, откуда я недавно вернулся, от друзей семьи из Бамбурга, что в Нортумберленде?

Задница Д., выгнутая так, чтобы можно было приставить свой перед, застит мой взгляд: еще одно удовольствие, еще один вызов, еще одна душевная

боль, еще одна тайна: *слабость*, которую следует обратить в силу: *странность*, мало или неохотно разделяемая другими, которую необходимо сделать такой же *всеобщей*, как и ты сам.

В коллеже, в большой часовне в византийском стиле, с алтарем, возносящимся к позолоте, и нависающей кафедрой, я стою теперь в середине собрания: младшие впереди отвечают и поют все без исключения еще не ломающимися голосами, старшие сзади не поют вообще, а мы, средние – лишь время от времени.

203

Однажды я приношу отцу Сантенаку свои новые стихи и оставляю почитать. На следующий вечер он вызывает меня к себе: я стою перед его письменным столом, он встает и, скрестив руки за спиной, меж сутаной и стягивающим ее на талии матерчатым поясом, говорит, что все прочитал, – листочки лежат на его столе, – что он благодарит меня за доверие и гордится, что воспитанники его коллежа занимаются поэзией.

Он шагает ко мне, берет за плечо, и мы выходим в коридор, затем на улицу и гуляем по территории коллежа до самой ночи, при этом он рассказывает о себе, своем детстве в горах, о том, как трудно ему руководить, и призывает меня впредь усердно работать над своими стихами.

Он велит предупредить на кухне, что я поужинаю с ним чуть позже, в столовой святых отцов. Я ужинаю напротив него, и он сам обслуживает меня. В те времена я вечно голоден, и он говорит, что я должен питать свою поэзию, ведь, чтобы заниматься искусством, необходимо хорошо есть. Шум учеников на лестницах, у дортуаров.

За десертом, ревенным пюре, он говорит об одном

моем стихотворении, где я предъявляю Богу социальное обвинение и даже отрекаюсь от Него; он спрашивает, до конца ли уверен я в том, что пишу. Я отвечаю, что для меня Христос, явившийся *в историческом времени*, не может быть Богом, не говоря уж о Том, кто Его послал. В противном случае, почему Он не пришел в 1933 году и не поменял избирательные бюллетени в германских урнах?

Воскресным утром все у нас дома собираются в церковь к мессе, моя мать в тесной и светлой ванной, где разворачиваются все драмы, разрешаются все кризисы и даются все клятвы, пудрит усталое лицо: ее духи доносятся до меня в соседнюю гостиную, где я решаю остаться почитать, – а затем подняться в свою комнату на чердаке, чтобы писать, – мать окликает меня в приоткрытую дверь и спрашивает, готов ли я; что станет с этими духами, в которых вся ее краса, вся ее доброта, весь ее страх и стремление к потустороннему миру, где обитает ее горячо любимый брат, если я твердо отвечу, что больше не пойду к мессе – ни в этот, ни в любой другой день?

Я иду к ней, в благоухающий свет, и говорю об этом. Слегка отстранившись от меня, она просит сказать, что я до конца уверен в своем решении: это дается ей с трудом, она беспокоится, что скажет мой отец, но оставляет меня в покое, поскольку я сумел подтвердить свое решение: хорошо его обдумать и все-таки отречься от Бога.

Все уезжают под трезвон колоколов. Больше не верить в То, во что он верил и в чем черпал силу для противостояния величайшему Злу, в То, что озаряет его тело, умирающее на соломе

и в экскрементах Ораниенбург-Заксенхаузена, – имею ли я на это право? Если я утрачу веру, это горячо любимое тело померкнет, угаснет, снова станет той гниющей материей, какой его считали палачи, истреблявшие возлюбленный Господом народ, всего-навсего «человеческой единицей», которую несут, везут или тащат к прозекторскому блоку; зато если я избавлюсь от неверия, – а значит перестану быть варваром, – это тело вновь возродится и воссияет.

205

*

Лето 1959 года, Париж: сбежавший из дома, разыскиваемый отцом, отказавшийся от любых контактов с семьей, где я обрел бы союзников и удобства, работающий курьером в доме мод на Монпарнасе, я еду на мопеде по Северному предместью, с платьями в свертках на багажнике. Отправляясь за ними к портнихе в Блан-Мениль, я хочу проехать через Дранси*, чтобы посмотреть на остатки концентрационного «социального жилья», фотографии которого мать показывает нам с 1945 года в книге-альбоме о Соппротивлении. Оставив мопед у входа на бульвар, я шагаю между вновь заселенными зданиями: я знаю, что сто тысяч евреев проходят здесь с августа 1941-го по июль 1944 года, – последняя группа, отправленная в Аушвиц, – что Макс Жакоб*, друг Пикассо в трудные времена, вытщенный из своего убежища в Сен-Бенуа-сюр-Луар, умирает там от истощения 5 марта 1944 года.

В Блан-Мениле, у портнихи, где шьют еще несколько других женщин, я сажусь на прямой стул, стакан с мятой пенится на углу стола, и вздремываю: маленькая девочка влезает ко мне на колени, пристраивает белокурую головку под моим подбородком; шея у нее перевязана – укусила

собака.

Следующий год: война в Алжире; если выживу в ней, сохранив жизнь и честь, то не буду пописывать о том, что я знаю про обыденную жизнь, а лучше уж напишу, на краю чего нахожусь, что притягивает меня, пугает и даже лишает чувств.

206 Звуки машинок «Зингер», стук пяток о педали, оживленный, тихий или запальчивый и даже грубый разговор швей, я еще ощущаю в мышцах и суставах напряженную агонию нашей матери прошлым летом, и мне они кажутся голосами и звуками греческих Парок, что прядут человеческое Время у обители Часов на Олимпе: золотую и шелковую нить для долгих счастливых жизней, черную шерстяную для кратких и несчастных, черно-белую шерстяную для обычных, со счастьем и бедой вперемешку.

Невзирая на зверство, остатки которого я видел и которое должно было бы остановить Время, некое время все же длится, его следует прожить с надеждой, наполнить трудами и, если возможно, потомством.

Со мной всегда Гёльдерлин, с тех пор как я открыл его благодаря Роберту Шуману в конце 1955 года: тогда я прошу мать, которая с детства в Верхней Силезии, еще немного австрийской, знает и чуть-чуть говорит по-немецки, прочитайте мне в моем двуязычном издании «*An die Parzen*»/«К Паркам», – но она отказывается: немецкая речь исходит из ее груди лишь в музыкальном сопровождении.

Сквозь дремоту, на внутренней, черной стороне моего лба, всегда именно эти стихи:

*Die Seele, der im Leben ihr göttlich Recht
Nicht ward...*

Фридрих Гёльдерлин

К Паркам

Еще одно мне дайте, могучие,
Благое лето – и тучной осенью
Пожну я звуки! Будет сердце
– Песнью насытись – готово к смерти.

*Немые души, чей втуне Божий дар
Пропал при жизни, и в Орке мучимы
Тоской... Но, если песня грянет
– Образ и отсвет огня святого,*

207

Приму я нежно влагу забвения!
И если, дрогнув в страхе, пред Летою
Замолкнут струны – буду счастлив,
Зная: как боги я жил однажды!¹

1 Перевод И. Белавина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 208 6 *Нарвик* – город и коммуна в Норвегии. Битва при Нарвике (1940) – серия сражений между немецкими армией и флотом, с одной стороны, и коалиционными силами Англии, Франции, Норвегии и Польши, с другой.
- 7 *Рейно, Поль* (1878–1966) – французский политик и юрист межвоенного периода, сторонник экономического либерализма, яростный противник Германии. Предпоследний премьер-министр Франции в период Третьей республики, вице-президент Демократического альянса (правоцентристской партии).
- 7 «*Свободная Франция*» («Сражающаяся Франция») – патриотическое движение французов за национальную независимость страны в 1940–45 гг. Движение возглавлялось генералом Шарлем де Голлем из штаб-квартиры в Лондоне и ставило перед собой цель восстановления независимости Франции от нацистских оккупантов и сотрудничавших с ними вишистских коллаборационистов. Примыкало к антигитлеровской коалиции.
- 7 *Особая военная школа Сен-Сир* – высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой кадров для французского офицерства и жандармерии. Основана в 1802 г. Наполеоном Бонапартом в Фонтенбло.
- 7 «*Двадцать лет спустя*» – двадцать лет после Победы в ноябре 1918 г. (аллюзия на одноименный роман Александра Дюма-отца).

- 7 *Вореппская битва* – сражение на подступах к коммуне Ворепп в регионе Рона-Альпы. В мае-июне 1940 г. передовые части немецкой армии, уже захватившие две трети французской территории, энергично удерживались на дороге, ведущей в Гренобль.
- 7 *Исполнительная Директория* – орган исполнительной власти Французской республики по Конституции, принятой Национальным конвентом в 1795 г.
- 9 «*Бретонская мешалка*» – большой дубовый сундук, в котором замешивают тесто для хлеба.
- 9 *Петен, Анри Филипп* (1856–1951) – французский военный и политический деятель. Глава коллаборационистского правительства «Виши» и т. н. «Французского государства» в период Второй мировой войны (1940–44).
- 10 *Шайо* – дворец в Париже, построенный по проекту Л. Буало, Ж. Карлю и Л. Азема ко Всемирной выставке 1937 г. на месте стоявшего здесь ранее дворца Трокадеро, напротив Эйфелевой башни.
- 10 *Мюниш, Шарль* (1891–1968) – французский дирижер и скрипач, один из крупнейших дирижеров XX в.
- 10 «*Защита Франции*» – подпольная газета, основанная в 1941 г. молодыми журналистами Робером Сальмоном и Филиппом Вианне, первые номера были напечатаны на машине офсетной печати «Ротапринт». «Защита Франции» имела большой тираж тайной печати (450 тыс. экземпляров в день с января 1944 г.) В ноябре 1944 г. переименована во «Франс-Суар» («Вечерняя Франция»).
- 11 *Леклерк, Жак-Филипп* (наст. имя Филипп-Мари де Отклок, 1902–1947) – французский генерал времен Второй мировой войны. В 1952 г. посмертно удостоен звания Маршал Франции и прозван «Леклерком» в честь французского военачальника конца XVIII в. Кавалер Ордена Почетного легиона.

- 11 *Кёниг, Мари-Пьер* (1898–1970) – французский политический деятель и военачальник, маршал Франции, участник Сопротивления.
- 11 *Феццан* – историческая область в Северной Африке, на юго-западе современной Ливии. В 1943 г. французская армия заняла Марзук и установила контроль над Феццаном.
- 12 *Бир-Хакайм* – отдаленный оазис в Ливийской пустыне, где в мае-июне 1942 г. дивизия «Свободной Франции» под командованием генерала М.-П. Кёнига отразила наступление немецко-итальянских вооруженных сил во главе с генералом Э. Роммелем.
- 12 *Престиссимионе* – полковник фашистской итальянской армии, взятый в плен в Бир-Хакайме.
- 12 *Роммель, Эдвин Ойген Йоханнес* (1891–1944) – немецкий генерал-фельдмаршал (1942) и командующий войсками «Оси» (Стран нацистского блока) в Северной Африке.
- 12 *Операция «Весенний ветер»* – кодовое название нацистского рейда и массовых арестов, проведенных французской полицией в Париже 16–17 июля 1942 г. Операция была направлена на сокращение еврейского населения в оккупированной Франции. Согласно протоколам Префектуры полиции, более 13 тыс. жертв были арестованы и содержались на Зимнем велодроме и в соседнем лагере Дранси перед отправкой в Аушвиц для истребления.
- 12 *Гейдрих, Рейнхард Тристан Ойген* (1904–1942) – государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления имперской безопасности (1939–1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (1941). Один из инициаторов «окончательного решения еврейского вопроса».
- 12 *Буске, Рене* (1909–1993) – французский коллаборационист, генеральный секретарь полиции Па-

рижа, находившейся в подчинении правительства Виши.

- 12 *Зимний велодром* – закрытый велодром на углу бульвара де Гренель и улицы Нелатон в 15-м округе Парижа, недалеко от Эйфелевой башни. Построен Анри Дегранжем, будущим организатором велосипедной гонки «Тур де Франс».
- 13 *Третий орден* – третья ветвь католического монашеского ордена (первой считается мужская, второй – женская), предназначенная для тех, кто желает принять на себя обеты и жить в соответствии с духовностью данного ордена, но не покидать мир. Наиболее известны и многочисленны Третьи ордена у францисканцев, доминиканцев и кармелитов.
- 13 *Мезеф-Виснер, Фридьеш* (1887–1938) – венгерский легкоатлет, бронзовый призер летних Олимпийских игр 1908 г.
- 14 «*Benedicite*» – католическая молитва, начинающаяся словами «*Benedicite, omnia opera Domini, Domino*» (лат. «Благословите Господа, все дела господни»).
- 15 «*Сказки дядюшки Бобра*» – серия французских детских книжек, написанная коллективом авторов.
- 15 «*Геден-Заправила*» – детская книжка о гусе Гедене, написанная Бенджамином Рабье (1864–1939), пионером французской анимации и комиксов.
- 15 *Поттер, Беатрис* (1866–1943) – английская детская писательница и художник. «Сказка про Кролика Питера» была впервые напечатана в 1902 г.
- 15 *Людовик XIII Справедливый* (1601–1643) – король Франции и Наварры с 1610 г., из династии Бурбонов. Сын Генриха IV и Марии Медичи.
- 15 «*Френ*» – тюрьма в коммуне Френ, в южном предместье Парижа, где в период оккупации нацисты содержали деятелей Сопротивления и агентов британских секретных служб.

- 19 *Ораниенбург-Заксенхаузен* – нацистский концентрационный лагерь, расположенный рядом с городом Ораниенбург в Германии, близ Потсдама. Создан в июле 1936 г. Число узников в разные годы доходило до 60 тыс. человек. На территории Заксенхаузена погибло различным образом свыше 100 тыс. узников. Освобожден советскими войсками 22 апреля 1945 г.
- 212 19 *Джугашвили, Яков Иосифович* (1907–1943) – старший сын И. В. Сталина. По одной из версий, погиб при попытке к бегству.
- 20 *Фенол* (карболовая кислота) – яд, вызывающий нарушение функций нервной системы.
- 20 «*Nacht und Nebel*» (нем. «Ночь и туман») – директива Гитлера от 7 декабря 1941 г., подписанная и приведенная в исполнение Главнокомандующим вооруженных сил Германии Вильгельмом Кейтелем. Разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией.
- 23 *Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года* – кульминация заговора германского Сопротивления, прежде всего военных Вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Следствием провала заговора стала казнь большинства его участников и подавление движения Сопротивления.
- 24 *Де Латр де Тассинь, Жан Жозеф Мари Габриэль* (1889–1952) – французский маршал, ветеран Первой и Второй мировой войны.
- 26 «*Джи-эм-си*» (GMC) – марка грузовиков, внедорожников, пикапов и фургонов, принадлежащая американской корпорации «Дженерал Моторс».
- 30 *Морери, Луи* (1643–1680) – французский энциклопедист, составитель «Большого исторического словаря», опубликованного в Лионе в 1674 г.

- 32 «Восточный экспресс» – пассажирский поезд класса «люкс» частной компании «Ориент-Экспресс Хотелс», курсирующий между Парижем и Стамбулом с 1883 г. Позже «Восточным экспресом» стали называть европейские поезда «люкс», чьи одно- и двухместные купе отделаны в стиле «ар-деко».
- 35 *Вогезская битва* (сентябрь 1944 – февраль 1945) – сражение при Вогезах, в котором американско-французские войска оказали сопротивление немецкой армии.
- 36 «*Париж под сапогом нацистов*» – фотоальбом Роже Шаля (1904–1995), опубликованный его братом Рэймоном сразу после Освобождения и посвященный жизни в оккупированном городе.
- 40 *Алжирское восстание 8–17 мая 1945 года* – стихийное вооруженное выступление алжирского народа за предоставление независимости Алжира от Франции. Восстание было жестоко подавлено.
- 41 *Франсуа Режи Кле* (1748–1820) – католический святой, священник из миссионерского ордена лазаристов, живший значительно позднее *Религиозных войн* (1562–1598). В 1791 г. был послан миссионером в Китай. В 1818 г., когда там начались гонения на христиан, семидесятилетнего отца Франсуа Режи выдали властям и долго пытали, а затем приговорили к удушению.
- 41 *Братья христианских школ* – духовная конгрегация, учрежденная в 1684 г. реймским каноником Жаном Батистом де ла Саллем и признанная папой в 1725 г. Назначение конгрегации – организация народной школы в духе католической церкви. Быстро распространившись, Братья остались во Франции и после изгнания иезуитов (1764), с которыми имели тесные связи. Во время Великой французской революции они были изгнаны (1790), но Наполеон I восстановил этот орден в 1806 г.

- 44 *Верцингеториг* (82–46 до н. э.) – вождь кельтского племени арвернов в Галлии. Был окружен Юлием Цезарем в крепости Алезия (современный Ализ-Сент-Рен близ Семюра), взят в плен и доставлен в Рим.
- 44 *Святая Бландина* (ум. 177) – христианская мученица из Лиона. Ее положили в сетку и бросили к быку, который долго кидал и швырял ее, после чего Бландину зарезали.
- 44 *Лугдун* – древнее название г. Лион.
- 44 *Святая Женеви́ева* (ок. 420 – ок. 450) – святая, покровительница Парижа.
- 44 *Святой Луп* (ум. 479) – епископ Труанский. По легенде, во время похода на Галлию в 451 г. Атилла осадил город Труа. Епископ вышел к воротам города и спросил у вождя гуннов, кто напал на Труа. Атилла ответил: «Я, Атилла – Бич Божий». Тогда епископ с плачем произнес: «Я Луп, который изнуряет стадо Божье и нуждается в бичевании Господа». Затем он приказал открыть ворота перед гуннами, которые по воле Бога лишились зрения и прошли через Труа, не заметив жителей и не причинив никому вреда.
- 44 *Суассонская чаша* – сосуд, с которым связана легенда, рассказанная Григорием Турским в «Истории франков». Некий епископ попросил короля Хлодвига I возвратить чашу удивительной красоты, унесенную франками из церкви. Король пообещал вернуть чашу после раздела добычи в Суассоне и попросил воинов отдать ему, кроме полученной доли, еще и этот сосуд. Но один воин поднял секиру и с громким возгласом: «Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию», – опустил ее на чашу. Спустя год, обходя ряды воинов, Хлодвиг приблизился к тому, кто ударил по чаше и, вырвав у него секиру, бросил ее на землю. Когда воин нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою

- и разрубил ему голову со словами: «Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне».
- 44 *Мартин Турский* (Мартин Милостивый, 317 или 337–397) – епископ Тура, один из самых почитаемых во Франции святых. Однажды зимой, еще будучи военачальником, Мартин разорвал свой плащ и отдал его половину раздетому человеку. Религиозная традиция отождествляет этого нищего со Христом.
- 44 *Фредегонда* (ок. 540/545–597) – франкская королева, сначала наложница, затем жена Хильперика I, меровингского короля Нейстрии, чью предыдущую супругу, вестготку Галесвинту, она погубила. По приказанию Фредегонды прямо в церкви был смертельно ранен епископ руанский *Претекстат* (586 г.), ранее отправленный ее стараниями в изгнание (после смерти канонизирован).
- 44 «*Короли-бездельники*» – презрительное прозвище последних королев из династии Меровингов.
- 44 *Карл Мартелл* (ок. 686 или 688–741) – майордом франков (717–41), вошедший в историю как спаситель Европы от арабов в битве при Пуатье.
- 44 *Пипин III Короткий* (714–768) – майордом (741–751), а затем и король франков (751–768). Первый король из династии Каролингов. Младший сын Карла Мартелла.
- 44 *Карл I Великий* (747–814) – король франков с 768 г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Запада с 800 г. Старший сын Пипина Короткого. По имени Карла династия Пипинидов получила название Каролингов. Карл Великий возродил институт *missi dominici* («государевых посланцев», лат.), наблюдавших за судопроизводством и военным делом.
- 44 *Роланд* – знаменитейший из героев французских эпических сказаний цикла Карла Великого, маркграф Бретонской марки. Согласно легенде,

Роланд погиб в 778 г. в битве в Ронсевальском ущелье (на французско-испанской границе).

- 44 *Страсбургская клятва* – союзнический договор между западнофранкским королем Карлом II Лысым и его братом восточнофранкским королем Людовиком II Немецким, заключенный в 842 г. Текст содержит древнейший памятник старофранцузского языка.
- 216 44 *Разграбление норманнами Парижа* произошло в 845 г.
- 44 *Эд Парижский* (856–898) – граф Парижа и маркиз Нейстрии (886–888), король Западно-Франкского королевства (888–898), из династии Робертинов. Возвысился во время осады норманнским вождем Зигфридом Парижа в 885–886 гг.
- 44 *Роллон* (ок. 860 – ок. 932) – первый герцог Нормандии (под именем Роберт I), основоположник Нормандской династии, к которой принадлежал английский король Вильгельм Завоеватель.
- 44 *Гуго Капет* (938–996) – граф Парижа (956–996), герцог западных франков (956–996), король западных франков (987–996). Основатель королевской династии Капетингов.
- 44 *Мир Божий* – в средние века прекращение междоусобий в известные дни недели, связанные с событиями из жизни Христа (с вечера среды до утра понедельника), а также в важнейшие праздники и назначенные церковью времена сочельника и поста. Нарушение Мира Божьего каралось штрафами, вплоть до конфискации имущества, отлучением от церкви и телесными наказаниями.
- 46 *«Золотая легенда»* – сочинение Иакова Ворагинского, собрание христианских легенд и занимательных житий святых, написанное ок. 1260 г. Одна из самых любимых книг средневековья, в XIV–XVI вв. стоявшая на втором месте по популярности после Библии.

- 46 *Святая Урсула* (ум. 383) – католическая святая, героиня агиографической легенды, широко распространенной в средние века в западноевропейских странах. Урсула приняла мученическую смерть, отказавшись стать женой плененного ее красотой вождя гуннов.
- 46 *Святая Агата* (ум. ок. 250) – христианская мученица с о. Сицилия, одна из наиболее известных и почитаемых раннехристианских святых. Агата отвергла домогательства городского префекта, после чего тот подверг ее преследованиям, пользуясь антихристианскими законами императора Деция. Сначала Агату отправили в публичный дом, затем бросили в тюрьму, где отсекли ей груди, а после мучений сожгли на костре.
- 46 *Святой Тарциссий* – мальчик-мученик, который погиб, защищая святое причастие.
- 46 *Временная консультативная ассамблея* – ассамблея, представлявшая движения Сопротивления, политические партии и территории, участвовавшие во Второй мировой войне на стороне союзников под руководством Французского комитета национального освобождения. Консультативная ассамблея была созвана 17 сентября 1943 г., ее заседания проходили сначала в Алжире, а затем в Париже, в Люксембургском дворце.
- 46 «*Франс-Суар*» («Вечерняя Франция») – ежедневная вечерняя газета, с 1941 г. выходящая в Париже.
- 46 *Лазарев, Пьер* (1907–1972) – знаменитый французский журналист, переименовал подпольную газету «Защита Франции» во «Франс-Суар», ставшую спустя несколько лет самым продаваемым ежедневным изданием во Франции.
- 46 «*Ашетт*» – французское акционерное общество по изданию, распространению книг и периодической печати, созданное в 1919 г. в Париже на базе книгоиздательской и торговой фирмы Л. Ашетта,

основанной в 1826 г. «Ашетт» контролирует, в частности, «Франс-Суар».

218

- 50 *Маркиз де Вогюз, Эжен Мельхиор* (1848–1910) – французский дипломат, писатель, путешественник, археолог, меценат и литературный критик, историк литературы, член Французской академии (1888). Около 7 лет служил секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге, где изучил русский язык и литературу. Одним из первых пробудил во Франции интерес к творчеству Достоевского. Основное произведение: «Русский роман» (1886), в котором высоко оценивается русская литература, в частности – И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой.
- 51 *Вианне, Жан Батист Мари, кюре из Арса* (1786–1859) – католический святой, покровитель приходских священников и исповедников. В последние двадцать лет своей жизни он проводил в исповедальне по 17 часов в день, начиная исповедовать летом с часа или двух часов ночи, а зимой с четырех утра и до позднего вечера. Несмотря на это, ждать своей очереди на исповедь к нему приходилось неделю.
- 52 *Пуанкаре, Рэймон* (1860–1934) – французский государственный деятель, президент Франции (Третья республика, 1913–20). Основное событие его президентства – Первая мировая война, сторонником которой он считался (до ее начала имел прозвище «Пуанкаре-война»). В начальный период войны Пуанкаре и его правительство во главе с Жоржем Клемансо успешно организовали национальную оборону.
- 52 *Пилсудский, Юзеф Клеменс Гинятович Косьчеша* (1867–1935) – польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства, основатель польской армии, Маршал Польши.

- 52 *Лига Наций* – международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919–1920 гг. Цели Лиги Наций включали в себя разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путем дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила свое существование в 1946 г.
- 52 «*Новый европейский порядок*» – не путать с одноименным неофашистским общеевропейским альянсом, созданным в 1951 г. для продвижения идей панъевропейского национализма.
- 54 *Ягеллоны* – королевская династия, правившая в государствах Центральной Европы в XIV–XVI вв. Представители династии были великими князьями литовскими, королями польскими, королями венгерскими, королями чешскими. Династия основана Владиславом Ягелло. Ягеллоны – ответвление литовской династии Гедиминовичей.
- 55 *Коллеж де Франс* – парижское учебно-исследовательское учреждение, предлагающее бездипломные курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Обучение бесплатное и доступное всем без предварительной записи. Коллеж образован при Франциске I как институт королевских профессоров, с XVII в. – «Королевский коллеж», современное название носит с 1870 г. Звание профессора Коллеж де Франс считается одним из самых высших отличий в области французского высшего образования.
- 56 «*Свидетели, что не убоялись пожертвовать жизнью...*» – книга, впервые опубликованная «Защитой Франции» в 1946 г., одно из главных свидетельств Сопrotивления и депортаций. В назва-

нии использована цитата из «Мыслей» Б. Паскаля: «Я охотно верю событиям, за которые свидетели их не убоились пожертвовать жизнью» (XXII, XLVI).

- 57 *Берген-Бельзен* – нацистский концентрационный лагерь в земле Нижняя Саксония. Создан в мае 1940 г. для военнопленных из Бельгии и Франции. В лагере умерли ок. 70 тыс. чел. Весной 1945 г. он был добровольно сдан союзникам.
- 57 «*Фау-1*» (от нем. *Vergeltungswaffe*, «оружие возмездия») – самолет-снаряд (крылатая ракета), состоявшая на вооружении германской армии в конце Второй мировой войны.
- 57 «*Фау-2*» – первая в мире баллистическая ракета, разработанная немецким конструктором Вернером фон Брауном и принятая на вооружение Вермахта в конце Второй мировой войны.
- 58 *Алжирская война* – война за независимость Алжира от Франции в 1954–1962 гг., которая закончилась провозглашением Алжирской народно-демократической республики. Одна из самых известных антиколониальных войн.
- 58 *Битва при Вуйе* (507) – битва в долине Вуйе неподалеку от Пуатье, в которой король франков Хлодвиг I одержал победу над вестготами во главе с Аларихом II и расширил границы своего королевства вплоть до Аквитании.
- 60 «*Прощение*» – бретонская церемония покаяния, одно из традиционных проявлений народного католицизма в Бретани. Вероятно, восходит к эпохе обращения страны кельтскими монахами. «Прощение» сопоставимо с шествиями на День св. Патрика в Ирландии и Нью-Йорке.
- 60 *Дюамель, Жорж* (1884–1966) – французский писатель и поэт, член Французской академии (1935). Один из основателей творческого объеди-

нения «Аббатство» (1906). Дюамель примыкал к унанимизму.

60 *Унанимизм* – литературное течение, возникшее во Франции ок. 1906 г. как реакция против символизма, с его асоциальностью, аполитизмом и уходом от действительности. Идеология «унанимизма» зародилась в группе «Аббатство», образованной содружеством молодых поэтов (Ж. Дюамель, Ш. Вильдрак, Ж. Шеневьер, П. Ж. Жув, Р. Аркос) во главе с Жюлем Ромэном. Его участники стремились вернуть поэзии, с одной стороны, «душевность», лирическую непосредственность, с другой – насытить ее социальным содержанием (сочувствие к эксплуатируемым, проповедь единения народов и т. п.).

221

60 *Ромэн, Жюль* (наст. имя Луи Анри Фаригуль, 1885–1972) – французский писатель, поэт и драматург, член Французской академии (1946). В 1908 г. вышел первый поэтический сборник Ж. Ромэна под названием «Единодушная жизнь» (*La Vie unanime*), давший начало унанимизму.

60 *Вильдрак, Шарль* (наст. фам. Мессаже, 1882–1971) – французский поэт, один из основателей литературного содружества «Аббатство». Вместе с другими его членами, Рене Аркосом и Жоржем Дюамелем, не примкнувшими к унанимизму, Вильдрак относится к пионерам возрождения социальной поэзии и реакции против эстетизма во французской литературе последних двух десятилетий XIX в.

63 «*Труженики моря*» (1866) – знаменитый роман Виктора Гюго.

64 *Клуз, Франсуа* (1515–1572) – крупнейший французский художник-портретист эпохи Возрождения при дворе королей Франциска I, Генриха II, Франциска II и Карла IX.

65 *Пуссен, Никола* (1594–1665) – основатель французского классицизма, знаменитый французский исторический живописец и пейзажист.

- 65 *Ленен, братья: Антуан* (ок. 1588–1648), *Луи* (ок. 1593–1648) и *Матье* (1607–1677) – французские жанровые живописцы, изображавшие сцены из жизни крестьян и мелких буржуа.
- 70 «*ARBEIT MACHT FREI*» (нем. «Труд освобождает») – заголовок романа немецкого писателя-националиста Лоренца Дифенбаха, вышедшего в Вене в 1872 г. В качестве лозунга фраза была размещена на входе многих нацистских концентрационных лагерей.
- 70 «*JEDEM DAS SEINE*» – немецкоязычная версия латинской фразы *suum cuique*, «каждому свое», классического принципа справедливости. Во время Второй мировой войны немецкий вариант фразы был вывешен нацистами над воротами в концентрационном лагере Бухенвальд.
- 72 *Иосиф Аримафейский* – иудейский старейшина, в гробнице которого был погребен Иисус Христос; упоминается всеми четырьмя евангелистами. Вместе с еще одним учеником Иисуса, Никодимом, Иосиф завернул тело Иисуса в кусок ткани, который, по одной из версий, является Туринской плащаницей.
- 73 *Индокитайская война* – война вьетнамских националистов, объединенных под эгидой политического движения «Вьетминь», против французской колониальной администрации в 1945–1954 гг., закончившаяся разделением Вьетнама на два независимых государства: Демократическая Республика Вьетнам (столица – Ханой) и Республика Вьетнам (столица – Сайгон).
- 73 *Мадагаскарское восстание* (29 марта 1947–май 1948) – вооруженное выступление народов Мадагаскара за предоставление независимости от Франции. Восстание потерпело поражение.
- 73 «*Иллюстрасьон*» – еженедельная французская газета, выходившая в Париже с 1843 по 1944 гг. и основанная Эдуаром Шартоном. «Иллюстрасьон»

впервые во Франции опубликовала черно-белую, а затем и цветную фотографию.

- 75 *Религиозные, или гугенотские, войны* – серия затяжных гражданских войн между католиками и протестантами (гугенотами), раздиравших Францию при последних королях династии Валуа, с 1562 по 1598 гг. Во главе гугенотов стояли Бурбоны (принц Конде, Генрих Наваррский) и адмирал де Колиньи, во главе католиков – королева-мать Екатерина Медичи и могущественные Гизы. Войны закончились восшествием Генриха Наваррского на французский престол и изданием компромиссного Нантского эдикта (1598).
- 77 *Жеводанский зверь* – загадочное волкоподобное существо, зверь-людоед, терроризировавший французскую провинцию Жеводан (ныне департамент Лозер), на юге Франции (на границе исторических регионов Овернь и Лангедок) с 1764 по 1767 гг. Жертвами Жеводанского зверя стали около 230 человек, из которых 123 были убиты и съедены. О его уничтожении объявлялось несколько раз, однако споры о природе Жеводанского зверя не завершились даже с прекращением нападений.
- 80 *Национальный центр независимых и крестьян* – либерально-консервативная политическая партия, образованная в 1949 г. путем слияния Национального центра независимых с Крестьянской партией и Республиканской партией свободы.
- 80 *Пине, Антуан* (1891–1994) – французский политик и государственный деятель, с 8 марта по 23 декабря 1952 г. возглавлял кабинет министров Четвертой республики. Свою политическую карьеру начал в 1929 г. в качестве мэра небольшого городка Сен-Шамон. Во время оккупации Пине помогал евреям укрываться от преследований гестапо. В 1945 г. избран в Учредительное собрание, а в 1946 г. стал членом Национальной ассамблеи. В 1949 г. Пине

был избран на должность президента Генерального совета Луары. С 1955 по 1956 гг., во втором кабинете Фора, он получил должность министра иностранных дел Франции.

- 81 *Бидо, Жорж Огюстен* (1899–1983) – французский политический и государственный деятель. Премьер-министр Франции в 1946 г. и в 1949–50 гг. С 1943 по август 1944 гг. председатель Национального совета Сопротивления. После вступления французских войск в Париж 25 августа 1944 г. Бидо занял пост министра иностранных дел в составе Временного правительства Шарля де Голля. Подписал советско-французский договор о взаимопомощи (1944). Основатель первой послевоенной центристской партии – Республиканского народного движения.
- 81 *Национальный совет Сопротивления (СНР)* – организация, руководившая различными направлениями французского Сопротивления: прессой, профсоюзами и политическими партиями, враждебными режиму Виши, начиная с середины 1943 г.
- 81 *Республиканское народное движение (МРП)* – французская буржуазная католическая партия, существовавшая в 1944–1967 гг. Образована в ноябре 1944 г. из социал-христианских групп деятелями правого крыла Сопротивления.
- 81 *«Книга джунглей»* – знаменитый сборник рассказов Дж. Р. Киплинга, впервые опубликованных в журналах в 1893–94 гг.
- 87 *Хетцель, Пьер Жюль* (1814–1886) – французский издатель, известный богато иллюстрированными изданиями романов Жюль Верна, а также В. Гюго и многих других французских писателей.
- 87 *«Поль и Виргиния»* – повесть-притча французского писателя Жака Анри Бернарден де Сен-Пьера (1737–1814), впервые опубликованная в 1788 г. в рамках его философского трактата «Этюды о природе». Яркий образец сентиментализма в литературе.

Автор, вдохновленный идеями аболиционизма, сочувственно изображает чернокожих.

- 87 *Фашодский кризис* – конфликт между Великобританией и Францией в 1898 г., вызванный борьбой за господство в Африке. Название получил от населенного пункта Фашода (современный Кодок) на Верхнем Ниле, захваченного отрядом Маршана.
- 87 *Англо-бурская война 1899–1902 гг.* – война Великобритании против бурских республик – Южно-Африканской республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой республики), закончившаяся победой Британской империи.
- 87 *Китченер, Гораций Герберт* (1850–1916) – британский фельдмаршал (1909), граф Хартумский (1914). В 1899–1900 гг. начальник штаба, а в 1900–1902 гг. командующий британскими войсками во время Англо-бурской войны.
- 87 *Де Фуко, Шарль Эжен* (1858–1916) – монах-траппист, отшельник, исследователь Африки, причисленный к лику блаженных. В 1883–1884 гг., выдавая себя за еврея-торговца, в одиночку путешествовал по южному Марокко, перешел горы Атлас и далее странствовал по Алжирской Сахаре. Позднее Фуко вступил в орден траппистов и получил разрешение проповедовать в Сахаре среди туарегов. Погиб во время восстания туземцев.
- 87 *Психари, Эрнест* (1883–1914) – французский писатель-мистик, внук Ренана, представитель «колониального романа». Считается одним из предшественников и идеологов современного французского фашизма.
- 89 *Андерсон, Мариан* (1897–1993) – американская чернокожая певица с ярко выраженным контральто. Репертуар Андерсон составляли произведения И. С. Баха, Шуберта, Верди, Сен-Санса, Брамса, Сибелиуса, Малера, а также афроамериканские духовные песни (спиричуэл).

- 89 *Lieder* (нем. «песни») – европейские романтические песни, ассоциирующиеся, главным образом, с творчеством Шуберта и Шумана.
- 90 *Дон Боско* (Иоанн [Джованни] Боско, 1815–1888) – святой католической церкви, основатель ордена салезианцев. Считается покровителем подмастерьев, редакторов, книгопечатников и молодежи. В молодости Боско увидел сон, после которого посвятил жизнь воспитанию брошенных подростков. Фильм Гоффридо Алессандрини «Дон Боско» вышел в 1935 году.
- 91 «*Ганс Христиан Андерсен и танцовщица*» (1952) – кинофильм американского режиссера Чарльза Видора (1900–1959), снятый по мотивам сказок Г. Х. Андерсена.
- 91 «*Книга джунглей*» (1967) – американский мультфильм, снятый Компанией Уолта Диснея по мотивам произведений Р. Киплинга – «Книга джунглей» и «Вторая книга джунглей». Режиссер – Вольфганг Рейтерман.
- 93 *Авессалом* – третий сын Давида. За бесчестие сестры Фамари убил брата Амнона, затем восстал против отца, но потерпел поражение, во время бегства запутался длинными волосами в ветвях дерева и был убит (2 Цар. 13–18).
- 93 *Самсон* – знаменитый библейский герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами. Самсон поддался страсти к коварной филистимлянке Далиле (Далиде), обещавшей филистимлянским правителям выведать, в чем сила Самсона. Далила усыпила его и велела остричь «семь кос головы его». Утративший силу Самсон был схвачен филистимлянами, ослеплен, закован в цепи и брошен в темницу. Когда волосы Самсона отросли, к нему стала возвращаться сила. Он сдвинул столбы, и дом обрушился на владельцев и всех присутствующих, погребя под собой и Самсона (Суд. 16).

- 99 *Меркурохром* – легкое антисептическое средство красного цвета, применяемое для дезинфекции порезов и ссадин.
- 100 *Мало, Гектор* (Эктор Анри Мало, 1830–1907) – французский писатель. Широко известны его романы для подростков, переведенные на многие языки: «Без семьи» (1878).
- 100 *Сегюр, Софья Федоровна* (урожд. Ростопчина, графиня де Сегюр, 1799–1874) – французская писательница. Дочь московского губернатора Ростопчина, организатора большого московского пожара 1812 г., вынудившего Наполеона покинуть Москву. В 1819 г. вышла замуж за графа де Сегюр и впоследствии, под именем графини де Сегюр, обогатила французскую классическую литературу книгами для детей, до сих пор пользующимися большим успехом.
- 100 *Бар, Жан* (1651–1702) – французский военный моряк и капер из Дюнкерка, национальный герой Франции.
- 100 *Фонгаллан, Ги де* (1913–1925) – «слуга Божий», умерший в 11 лет в Париже от дифтерии. Ги де Фонгаллан прославился в межвоенный период как самый юный католический святой.
- 100 «*Маленький лорд Фаунтлерой*» (1885) – первый детский роман англо-американской писательницы и драматурга Фрэнсис Элизы Ходжсон Бёрнетт (1849–1924).
- 100 «*Том Плэйфэйр*» (1890) – популярный роман для детей, написанный преп. Фрэнсисом Дж. Финном (1859–1928) и изображающий идеального американского католического мальчика.
- 100 «*Роман о Лисе*» – памятник французской городской литературы, сложившийся в основном к середине XIII в. Роман состоит из 30 частей, объединенных темой борьбы хитрого Лиса-Ренара с грубым

и глупым Волком-Изенгрином и написанных, подобно фавлю, попарно рифмующимися стихами.

228

- 101 *Валлес, Жюль* (1832–1885) – французский писатель и политический деятель, революционер, участник коммуны 1871 г., за что был приговорен к смерти, но успел бежать. Роман «Дитя» (1879) – первая часть трилогии «Жак Вентра», «романа воспитания», показывающего историю формирования революционера.
- 102 *Монстранция* – в католической церкви разновидность дароносицы, предназначенная для адорации – внелитургического почитания святых даров, освященных в ходе евхаристии.
- 104 *Сентябрьские убийства* – трагический эпизод Великой французской революции, массовые расправы над заключенными в Париже, Лионе, Версале и др. городах, произведенные революционной толпой в начале сентября 1792 г.
- 107 *Гран Ферре* – один из предводителей крестьянского антифеодального восстания Жакерия, вспыхнувшего во Франции в 1358 г. Великан и силач Гран Ферре проявил храбрость в борьбе с англичанами.
- 107 *Сент-Уан* – кладбище в Руане, намеченное место казни Жанны д'Арк, где она признала свою вину и покаялась, после чего смертный приговор был заменен пожизненным тюремным заключением.
- 107 *Генрих IV Бурбон* (Генрих Наваррский, Генрих Великий, 1553–1610) – лидер гугенотов в конце Религиозных войн во Франции, король Наварры с 1572 г., король Франции с 1589 г., основатель французской королевской династии Бурбонов. 14 мая 1610 г., на следующий день после коронации Марии Медичи, Генрих был убит католическим фанатиком Франсуа Равальяком.
- 107 *Людовик XIV Бурбон*, известный как «король-дитя», а затем «король-солнце», также Людовик XIV

- Великий (1638–1715) – король Франции и Наварры с 1643 г. Царствовал 72 года – дольше, чем какой-либо другой европейский монарх в истории. Царствование Людовика – эпоха значительной консолидации Франции, ее военной мощи, политического веса и интеллектуального престижа, расцвета культуры – вошло в историю как «великий век». Вместе с тем постоянные войны, ведшиеся Людовиком и требовавшие высоких налогов, разоряли страну, а отмена веротерпимости привела к массовой эмиграции гугенотов из Франции.
- 107 *Шевалье д'Ассас* (Никола Луи Ассас, 1733–1760) – капитан Оверньского полка, который ценой собственной жизни спас соотечественников накануне битвы при Клостер-Кампене и погиб от штыков английских солдат.
- 107 *Бриеннская военная школа* – кадетская школа, где учился в юности Наполеон I. Именно в Бриенне имя Наполеоне Буонапарте стало произноситься на французский манер – «Наполеон Бонапарт».
- 107 *Примирение короля и нации 14 июля 1790 года* – Праздник Федерации, 1-я годовщина взятия Бастилии, ознаменовавшая установление конституционной монархии во Франции и окончание Французской революции.
- 108 *Константина* – большой город на востоке Алжира. Во время осады Константины французами в 1837 г. женщины бросались в проходящую через город реку Руммель, предпочитая утонуть, но не сдаться врагу.
- 110 *Клоп-солдатик*, или *красноклоп бескрылый* (лат. *Pyrhocoris apterus*) – обыкновенный наземный клоп семейства красноклопов, размером 9–11 мм. Ранней весной и в конце лета клопы-солдатики собираются большими скоплениями на солнечной стороне пней, стволов деревьев, заборов, полениц.

- III *Клеопатра VII Филопатор* (69–30 гг. до н.э.) – последняя царица эллинистического Египта из македонской династии Птолемеев (Лагидов). Покончила жизнь самоубийством: по одной из версий, ее укусила ядовитая змея.
- IIБ *Адер, Клеман* (1841–1925) – французский конструктор, пионер авиации. В 1890 г. построил самолет «Эол», или «Авьон I», с одним паровым двигателем и воздушным винтом. При испытаниях этот самолет прыгнул примерно на 50 м, но его прыжок не рассматривают как истинный полет, поскольку самолет был неуправляемым. Слово *avion* вошло во французский язык для обозначения летательного аппарата с двигателем и фиксированным крылом.
- IIБ *Сантос-Дюмон, Альберто* (1873–1932) – французский воздухоплаватель бразильского происхождения, работал над усовершенствованием аэропланов, в 1901 г. совершил успешный полет вокруг Эйфелевой башни в Париже. Погиб во время одного из своих опытных полетов.
- IIБ *Блерио, Луи* (1872–1936) – французский изобретатель, авиатор и предприниматель, основатель авиапредприятий «Блерио-Вуазен» (совместно с Габриэлем Вуазеном) и «Блерио Аэронотик». Первый пилот, перелетевший Ла-Манш 25 июля 1909 г., и первый француз, получивший удостоверение пилота.
- IIБ *Чавез, Хорхе «Гео»* (1887–1910) – перуанский авиатор. 8 сентября 1910 г. установил мировой рекорд, достигнув высоты 2680 м, а спустя две недели первым преодолел на самолете Альпы. Этот полет закончился трагически, когда на самом финише его самолет неожиданно рухнул на землю. Чавез скончался, не приходя в сознание.
- IIБ *Линдберг, Чарльз* (1902–1974) – американский летчик, совершивший в 1927 г. первый трансатлантический перелет с запада на восток с посадкой во Франции.

- 116 *Нунгессер, Шарль Эжен Жюль Мари* (1892–1927) и *Коли, Франсуа* (1881–1927) – французские летчики, которые предприняли попытку перелета через Атлантику на самолете «Белая птица» и исчезли бесследно 7 мая 1927 г.
- 116 *Косте, Дьёдонне* (1892–1973) и *Беллонт, Морис* (1896–1983) – французские летчики, в 1930 г. перелетевшие Северную Атлантику с востока на запад на биплане «Бреге 19».
- 116 *Мермоз, Жан* (1901–1936) – легендарный французский летчик из авиакомпании «Аэропосталь», получивший прозвище «Архангел». В 1929 г. перелетел вместе с Анри Гийоме через Кордильеры. Погиб во время перелета через Южную Атлантику.
- 116 «Аэропосталь» – французская авиакомпания, основанная в 1919 г. Пьером Жоржем Латекоэром (1883–1943) под названием «Общество Латекоэра» и позднее переименованная в «Главную компанию по аэроперевозкам». Повседневный быт и подвиги пилотов «Аэропосталья» описаны в произведениях А. де Сент-Экзюпери, который и сам был летчиком этой компании. В 1933 г. «Аэропосталь» согласился на слияние с «Эр Франс».
- 116 *Жербо, Ален* (1893–1941) – французский авиатор и мореплаватель. В одиночку совершил кругосветное плавание и поселился на островах Тихого океана, где написал несколько книг: «Один через Атлантику» (1925).
- 116 *Мироксилон* – род деревьев семейства бобовые, источник бальзама. Небольшое вечнозеленое дерево высотой до 30 м. Благодаря содержанию смол древесина устойчива к гниению.
- 118 *Вилланы* – категория феодально-зависимого крестьянства в некоторых странах Западной Европы в период средневековья. Во Франции вилланами назывались лично свободные крестьяне, несущие некоторые повинности

за предоставление им феодалом земельного участка.

- 120 *Людвик IX Святой* (1214–1270) – король Франции (1226–1270), сын Людовика VIII. Руководитель 7-го и 8-го крестовых походов.
- 120 *Баярд, Пьер Террайль де* (1473–1524) – французский рыцарь и полководец. Совершил множество подвигов и погиб в битве при Романьяно во время арьергардного боя, когда враги выстрелили ему в спину. Получил прозвища «добрый рыцарь» и «рыцарь без страха и упрека».
- 120 *Гинемер, Жорж* (1894–1917) – выдающийся французский летчик-истребитель времен Первой мировой войны. В воздушных боях сбил 53 самолета противника и сам был сбит 7 раз.
- 120 *Ганелон* – персонаж французского героического эпоса, приемный отец Роланда, женатый на сестре Карла Великого. Предатель, обрекший на гибель в Ронсевальском ущелье французский арьергард во главе с Роландом.
- 120 «*Черный принц*» (Эдуард Плантагенет, получивший прозвище по цвету доспехов, которые он носил в память о погибшей возлюбленной, 1330–1376) – принц Уэльский, герцог Аквитанский, старший сын короля Англии Эдуарда III. Выдающийся военачальник, возглавлявший ряд военных экспедиций во Францию в период Столетней войны. Прославился в битве при Креси, где командовал второй линией войска. Разбил численно превосходящее французское воинство в битве при Пуатье (1356) и взял в плен французского короля Иоанна II Доброго вместе с его сыном Филиппом.
- 120 *Изабелла Баварская* (ок. 1370–1435) – королева Франции, жена Карла VI Безумного, с 1403 г. периодически управляла государством. Изабелла была крайне непопулярна в народе, особенно из-за своей

- расточительности. В 1420 г. она подписала в Труа договор с англичанами, признав наследником французской короны английского короля Генриха V. В художественной литературе имеет стойкую репутацию распутницы, хотя современные исследователи считают, что такая репутация во многом могла быть результатом клеветы.
- 120 *Коннетабль Бурбонский, Карл (Шарль) III де Бурбон* (1490–1527) – 8-й герцог де Бурбон, граф де Монпансье, французский полководец, коннетабль Франции, первый принц крови («второй человек королевства»), вице-король Милана.
- 120 *Базен, Франсуа Ашиль* (1811–1888) – французский военачальник, маршал Франции (1864), участник войн в Алжире (1835), Испании (1837), Крымской войны 1853–56 гг., австро-итало-французской войны 1859 г., Мексиканской экспедиции 1862–1867 гг. и Франко-прусской войны 1870–1871 гг. В 1870 г. был вынужден сдать Мец, что вызвало во Франции негодование против Базена, его обвинили не только в трусости и неспособности, но и в измене. В 1872 г. Базен, по собственному требованию, был арестован, а затем передан военному суду, который под давлением общественного мнения приговорил его к смертной казни. По ходатайству членов суда президент республики Мак-Магон заменил этот приговор 20-летним тюремным заключением.
- 128 *Людовик XV Возлюбленный* (1710–1774) – король Франции с 1715 г., из династии Бурбонов. Правнук Людовика XIV.
- 128 *Пиша, Жан-Мишель* (1790–1828) – французский драматург, родившийся во Вьенне.
- 128 *Мишле, Жюль* (1798–1874) – французский историк и публицист, представитель романтической историографии. Наиболее значительные его работы: многотомная «История Франции», доведенная

до 1789 г., и являющаяся ее продолжением «История Французской революции».

- 128 *Виньи, Альфред Виктор, граф де* (1797–1864) – французский поэт, драматург и прозаик. Крупнейший представитель аристократического, консервативного романтизма.
- 129 *Людовик XVI* (1754–1793) – король Франции из династии Бурбонов, сын дофина Людовика Фердинанда, наследовал своему деду Людовику XV в 1774 г. При нем после созыва Генеральных штатов в 1789 г. началась Великая французская революция. Людовик сначала принял Конституцию 1791 г., отказался от абсолютизма и стал конституционным монархом, однако вскоре начал нерешительно противодействовать радикальным мерам революционеров и даже попытался бежать из страны. 21 сентября 1792 г. низложен, предан суду Конвента и казнен на гильотине.
- 129 *Регентство* – историко-региональный художественный стиль в искусстве Франции 1715–1722 гг., в период правления герцога Филиппа II Орлеанского (1674–1723), регента при малолетнем короле Людовике XV.
- 129 *Рестаурация Бурбонов* – восстановление власти монархов из династии Бурбонов во Франции на период с 1814 по 1830 гг., характеризующееся противоречивыми приказами самодержцев и неустойчивой политической ситуацией в стране.
- 129 *Стиль Людовика XIV, или «Большой стиль»* – художественный стиль одного из самых ярких периодов в истории Франции, «золотого века» французского искусства 2-й пол. XVII в. Связанный с годами правления Людовика XIV, этот стиль совмещал элементы классицизма и барокко.
- 129 *Июльская монархия* – период в истории Франции от Июльской революции 1830 г., покончившей с режимом Реставрации, до Февральской революции 1848 г., установившей Вторую республику.

- 129 *Наполеон III Бонапарт* (Шарль Луи Наполеон Бонапарт, 1808–1873) – президент Французской республики (1848–1852), император французов (1852–1870). Племянник Наполеона I, после ряда заговоров с целью захвата власти пришел к ней мирным путем как президент республики (1848). Устранив в результате переворота 1851 г. законодательную власть, установил авторитарный полицейский режим и еще через год провозгласил себя императором Второй империи. Через несколько месяцев после принятия либеральной конституции 1870 г., вернувшей права парламенту, конец правлению Наполеона положила Франко-прусская война, в ходе которой император попал в германский плен и во Францию так и не вернулся. Наполеон III был последним монархом Франции.
- 129 «*О подражании Христу*» – средневековый трактат, предположительно написанный Фомой Кемпийским (ок. 1379–1471), немецким монахом и священником, членом духовного союза «Братьев Общей жизни».
- 129 *Боссюэ, Жак Бенинь* (1627–1704) – знаменитый французский проповедник, богослов и писатель, епископ Мо.
- 130 *Лагарп, Жан Франсуа де* (1739–1803) – французский писатель, драматург и литературный критик швейцарского происхождения. Член Французской академии (1776). Последовательный сторонник классицизма.
- 130 *Вольней, Константен Франсуа* (наст. фам. Шасбёф; Буажире, 1757–1820) – французский просветитель, философ и политический деятель, ориенталист. В философии был сторонником деизма, сенсуализма Дж. Локка и Э. Кондильяка, теории интереса К. Гельвеция.
- 130 *Метастазио, Пьетро* (наст. имя Пьетро Антонио Доменико Трапасси, 1698–1782) – прославленный

итальянский либреттист и драматург. Автор нескольких десятков опер, музыку к которым писали такие композиторы, как Вивальди, Гендель, Глюк, Моцарт, Сальери и др.

- 130 *«Трактат о трех обманщиках»* – широко распространенный в XVIII в. анонимный антирелигиозный трактат. Автором его называли многих писателей: от Аверроэса до Джордано Бруно. Мнения исследователей XIX–XX вв. тоже расходятся, авторство Вольтера в настоящее время отрицается. Под тремя обманщиками подразумевались Моисей, Магомет и Иисус Христос.
- 130 *«Путешествие юного Анахарсиса в Грецию»* (1788) – роман французского писателя эпохи Просвещения и археолога, аббата Жан-Жака Бартеlemi (1716–1795), где изображены картины из жизни греков IV в. до н. э., наблюдаемые скифским философом Анахарсисом. Книга служила школьным чтением.
- 130 *Аббатство Боннево* – бывший цистерцианский монастырь в Льеждё, в департаменте Изер, в регионе Дофине, в 25 км к востоку от Вьенны и примерно в 6 км к юго-востоку от Сен-Жан-де-Бурне, на северном краю леса Боннево. Основанное в 1117 г. аббатство было разграблено и сожжено во время Великой французской революции.
- 130 *Уврар, Габриэль Жюльен* (1770–1846) – крупнейший французский финансист, главный банкир Наполеона I. *«Мемуары»* в 3 тт. (1826).
- 130 *Дюлор, Жак Антуан* (1755–1835) – французский историк, археолог и политический деятель. Автор множества антиклерикальных сочинений: *«Физическая, гражданская и нравственная история Парижа»* (7 тт., 1821–22).
- 130 *Тэн, Ипполит Адольф* (1828–1893) – французский философ-позитивист, эстетик, писатель, историк, психолог. Создатель «культурно-исторической школы» в искусствознании.

- 130 «*Ревю де Дё Монд*» («Обозрение двух миров» или «Обозрение Старого и Нового света») – двухнедельный французский журнал либерального направления, основанный Сегюром, Дюпейроном и Моруа. Издавался в Париже с 1829 по 1944 гг., далее с 1945 г. под различными названиями и по сей день. В разное время в журнале сотрудничали виднейшие писатели и ученые: В. Гюго, Жорж Санд, О. де Бальзак, А. Дюма, А. де Виньи, Ш. Сент-Бёв, Гейне, Ш. Бодлер, И. Тэн, Ренан, Вогюэ.
- 130 *Коппе, Франсуа* (полное имя Франсуа Эдуар Жоашен Коппе, 1842–1908) – французский поэт, драматург и прозаик, представитель Парнасской школы. Член Французской академии (1884). Коппе был одним из самых популярных и широко читаемых поэтов своего времени, но вскоре его творчество стало предметом насмешек и пародий «прókлятых поэтов», после чего впало в забвение.
- 130 *Пеги, Шарль* (1873–1914) – французский поэт, драматург, публицист, эссеист. К 1908 г. стал приверженцем католической доктрины, которая и сформировала его мировоззрение. В своей поэзии («Мистерия о милосердии Жанны д'Арк», 1910) Пеги изображает героические сюжеты и характеры, раскрывает нравственные и религиозные идеалы народа.
- 131 *Понятовский, Юзеф* (Жозеф Антуан Димитар Понятовский, Юзеф Антоний Дмитрий Понятовский, 1763–1813) – польский князь и генерал, маршал Франции, племянник короля Польши Станислава Августа Понятовского, выдающийся полководец. В 1813 г. отличился в битве при Лейпциге и получил маршальское звание. Прикрывая отступление французской армии от Лейпцига, утонул в реке Эльстер.

- 132 *Блуа, Леон* (1846–1917) – французский писатель, католический мыслитель-мистик, оказавший влияние на Н. Бердяева, Ф. Кафку, Э. Юнгера.
- 132 *Закон об отделении церкви от государства* во Франции был принят в 1905 г.
- 132 *Клемансо, Жорж Бенжамен* (1841–1929) – французский политический и государственный деятель, журналист. Председатель Совета министров Франции (1906–1909). Член Французской академии (1918; отказался от церемонии принятия). За жесткий характер и непримиримость к политическим противникам получил прозвище «Тигр».
- 132 *Кайо, Жозеф Мари Огюст* (1863–1944) – французский политический и государственный деятель Третьей республики. Выступая одним из лидеров в парламенте, придерживался радикальных взглядов. Несколько раз занимал пост министра финансов, а в 1911–1912 гг. – посты премьер-министра и министра внутренних дел.
- 132 *Распад Австро-Венгерской империи* – крупнейшее политическое событие, поводом к которому послужили Первая мировая война, неурожай 1918 г. и экономический кризис. 17 октября парламент Венгрии расторгнул унию с Австрией и провозгласил независимость страны, 20 октября образовалась Чехословакия, вслед за ней 29 октября возникло Государство Словенцев, Хорватов и Сербов, 3 ноября независимость провозгласила Западно-Украинская народная республика, 6 ноября было объявлено о воссоздании Польши, 12 ноября провозглашена Карпатская Русь. Юридически распад империи был оформлен в Сен-Жерменском договоре с Австрией, который также выступал в качестве мирного договора после Первой мировой, и в Трианонском договоре с Венгрией.
- 132 *Вторжение Италии в Эфиопию* – 3 октября 1935 г. в 5 часов утра без объявления войны итальянская

армия вторглась в Эфиопию из Эритреи и Сомали. Итогом итало-эфиопской войны стала аннексия Эфиопии и провозглашение ее колонией Итальянская Восточная Африка. Эта война показала несостоятельность Лиги Наций, членами которой были Италия и Эфиопия, в урегулировании международных конфликтов. Считается предвестницей Второй мировой войны.

- 132 *Народный фронт* – политический союз левых движений, включая Французскую коммунистическую партию, Французскую секцию Рабочего интернационала и Радикальную партию, в межвоенный период. Народный фронт победил на выборах во Франции в 1936 г.
- 132 *Гражданская война в Испании (1936–1939)* – конфликт между Второй Испанской республикой и поддерживавшими ее левыми политическими партиями и организациями, с одной стороны, и сторонниками правых партий и организаций под предводительством генерала Франсиско Франко, поддержанного фашистской Италией, нацистской Германией и Португалией, с другой. В результате военных действий Франко, в конце концов, ликвидировал Испанскую республику и сверг республиканское правительство, пользовавшееся поддержкой СССР, Мексики и, в начале войны, Франции.
- 132 *Мюнхенское соглашение 1938 года* – соглашение, подписанное в Мюнхене 30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуаром Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.
- 132 *Битва при Мерс-эль-Кебире* – основной эпизод операции «Катапульта», атака силами британского

ВМФ французской эскадры в алжирском порту Мерс-эль-Кебир 3 июля 1940 г. Операция была проведена после капитуляции Франции, для недопущения попадания кораблей под контроль Германии. Великобритании удалось уничтожить или захватить некоторые французские корабли, не представлявшие боевой ценности.

240

- 132 *Конституция 1946 года* – Конституция Четвертой республики, принятая после Освобождения. Была заменена Конституцией 1958 г., принятой по инициативе Шарля де Голля и действующей во Франции по сей день.
- 133 *Фор, Поль* (1872–1960) – французский поэт, реформатор литературы, представитель символизма. В 1912 г. по результатам опросов был признан «Принцем поэтов».
- 133 *Раушнинг, Герман* (1887–1982) – политический деятель национал-социализма, писатель. В 1932 г. вступил в НСДАП и стал одним из ближайших помощников Гитлера. В 1934 г., разочаровавшись в нацизме, Раушнинг вышел из НСДАП и в 1936 г. эмигрировал в Швейцарию, а затем переехал в Великобританию. Автор множества работ, в которых разоблачал античеловеческую сущность нацизма и исследовал его оккультные корни: «Говорит Гитлер» (1941).
- 133 *Вейль, Симона* (1909–1943) – французский философ и религиозный мыслитель. Разочаровавшись в идеях социализма и коммунизма, Вейль стала сторонницей христианства. Во время Второй мировой войны жила в доминиканском монастыре в Марселе и участвовала в Сопротивлении, в 1942 г. бежала в Англию, где примыкала к «Свободной Франции» и готовила для нее радиопередачи. В знак сочувствия к узникам нацизма ограничила потребление пищи до уровня пайка в гитлеровских концлагерях, что привело к преждевре-

- менной смерти от сердечной недостаточности, осложненной туберкулезом. Философские труды: «Ожидание Бога» (1942), «Тяжесть и благодать» (1940–1942).
- 134 *Бенвиль, Жак* (1879–1936) – французский журналист и историк: «История Франции» (1924).
- 134 *Олифант* – средневековый охотничий рог из слоновового бивня. Наиболее известен олифант рыцаря Роланда.
- 135 «*Спящий Вооз*» (1857) – стихотворение В. Гюго из сборника «Легенда веков», вдохновленное библейской Книгой Руфи.
- 136 *Общество Марии* – римско-католический религиозный орден, основанный отцом Жан-Клодом Коленом в 1816 г. и официально признанный папой Григорием XVI в 1836 г. Члены ордена стремятся подражать деве Марии в духовной жизни и в быту.
- 140 «*Пор-салу*» – французский мягкий сыр, первоначально изготавливавшийся из коровьего молока монахами-траппистами в аббатстве Пор-Салу в Антрамме, близ Лавалья в Майенне.
- 140 «*Salve Regina*» (лат. «Славься, царица») – один из 4-х богородичных антифонов, особых католических песнопений в честь Пресвятой Богородицы, исполняемых в конце богослужений Литургии часов. «*Salve, Regina*» исполняется от окончания пасхального времени до начала Адвента.
- 140 «*Gloria*» («*Gloria in Excelsis Deo*» – лат. «Слава в вышних Богу») – древний христианский богослужебный гимн, входящий в состав католической мессы латинского обряда и англиканской литургии. Первая фраза гимна («Слава в вышних Богу и на земле мир, людям Его благоволения») представляет собой ангельскую песню, прозвучавшую во время поклонения пастухов и приведенную во 2-й главе Евангелия от Луки.

- 242
- 141 «*Kyrie eleyson*» (гр. «Господи, помилуй») – молитвенное призывание, часто используемое в христианском богослужении. Восходит к молитве иерихонских слепцов из Нового Завета (Мф. 20: 30–31). В католической церкви присутствует в виде литургического песнопения и входит в начальные обряды мессы.
- 142 *Дамарь* – афинянка, уверовавшая во Христа после проповеди апостола Павла (Деян. 17: 34). Некоторые отцы церкви, включая Иоанна Златоуста, считают ее женой Дионисия Ареопагита.
- 147 *Адвент* (от лат. *adventus* – «приход») – название периода рождественского поста, принятое в католической церкви и некоторых протестантских деноминациях. Адвент – время ожидания, предшествующее празднику Рождества Христова, во время которого верующие соблюдают пост и готовятся к празднику. Первый день Адвента в римском обряде определяется как 4-е воскресенье до Рождества (в зависимости от года это воскресенье выпадает в период с 27 ноября по 3 декабря).
- 148 *Тиберий Юлий Цезарь Август* (42 до н.э.–37) – второй римский император (с 14 г.) из династии Юлиев-Клавдиев. Согласно Библии, именно в его правление был распят Христос (Лк. 3: 1).
- 148 *Лионские мученики* – 43 христианских мученика: священномученик Пофин, епископ Лионский; мученики Санкт, Матур, Аттал, Бландина, Библиада, Эпагаф, Алексадр и др., погибшие за веру в 177 г. в Лионе.
- 148 *Святой Пофин Лионский (Лугдунский)* (ум. 177) – епископ галльского города Лугдун (ныне Лион), схваченный во время массового гонения на христиан. Пофину было уже за девяносто, когда на вопрос легата, каков Бог христиан, он ответил: «Будешь достоин – узнаешь». Пофина бросили в тюрьму, где он через два дня скончался.

- 148 *Брут, Луций Юний* (509 до н. э.) – один из основателей Римской республики, возглавивший восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого в 509 г. до н. э. Один из двух первых римских консулов. В этом же году в Риме возник процарский заговор при поддержке Тарквиниев. В число заговорщиков входили знатные юноши, включая сыновей Брута Тита и Тиберия. Некий раб донес об этом консулам, после чего заговорщики были схвачены и казнены.
- 148 *Тарквиний Гордый, Луций* (ум. 495 до н. э.) – согласно римскому преданию, последний, 7-й царь Древнего Рима (534–509), известный своей тиранией. Был изгнан из Рима.
- 148 *Тарпейская скала* – отвесная скала в Древнем Риме, с западной стороны Капитолийского холма, откуда сбрасывали в Тибр осужденных на смерть преступников, предателей, совершивших инцест, рабов, сбежавших от хозяина. Тарквиний Гордый уравнил Тарпейскую скалу.
- 148 *Весталки* – жрицы богини Весты в Древнем Риме, пользовавшиеся большим уважением и почетом. В их обязанности входило поддержание священного огня в храме, соблюдение чистоты, совершение жертвоприношений Весте и пенатам, охрана святынь.
- 148 *Капитолийские гуси* – посвященные Юноне гуси, содержащиеся на Капитолийском холме в Риме. В 370 г. до н. э. их гогот предупредил римлян о нападении галлов, чья атака была отбита, и с тех пор гуси стали считаться спасителями Рима.
- 148 *Регул, Марк Атилий* (ум. 250 до н. э.) – римский полководец и флотоводец времен Первой Пунической войны, консул 267 г. до н. э. В 255 г. до н. э. был захвачен карфагенянами и прожил в плену 5 лет.
- 148 *Катон, Марк Порций* – в римской истории наиболее известны два деятеля, носившие это имя. Катон

- Старший, он же Цензор (234 – ок. 148 до н.э.), политик, полководец и писатель, прославившийся строгостью нравов и приверженностью идее окончательного уничтожения Карфагена. Он приходится прадедом Катону Младшему, или Утическому (95–46 до н.э.), аристократу, известному стоическими добродетелями и ставшему в гражданской войне символом проигранного республиканского дела.
- 148 *Гракхи* – древнеримская знатная семья, ветвь плебейского, но выдвинувшегося в ряды новой оптиматской аристократии рода Семпрониев. Самые известные Гракхи: Тиберий Семпроний Гракх (162–133 до н.э.) и его младший брат, народный трибун Гай Семпроний Гракх (153–121 до н.э.).
- 153 *Мурильо, Бартоломе Эстебан* (1617–1682) – знаменитый испанский живописец, глава севильской школы.
- 155 *Барбе, Пьер* (1884–1961) – французский врач и главный хирург Больницы св. Иосифа в Париже. Выдвинул ряд теорий по поводу распятия Христа. В книге «Доктор на Голгофе» (1950) доказывал подлинность Туринской плащаницы.
- 156 *Донгхой* – административный центр провинции Куангбинь во Вьетнаме. Во время Индокитайской войны между Францией и Вьетминем в 1950-х гг. авиабаза в Донгхое использовалась французами для нападений на вьетминьскую армию северного и центрального Вьетнама, а также на армию Патет Лао в центральном и южном Лаосе.
- 161 «*Гебриды, или Фингалова пещера*» (1832) – увертюра Якоба Людвиг Феликса Мендельсона Бартольди (1809–1847), навеянная мелодическими созвучиями, которые он услышал во время посещения в 1829 г. Фингаловой пещеры – прославленной морской пещеры, вымытой в скале морской водой, на о. Стаффа, входящем в группу Внутренних Гебридских островов.

- 163 *Ксенофонт* (ок. 444 – ок. 356 до н. э.) – древнегреческий писатель, историк, афинский полководец и политический деятель. Главное сочинение: «Анабасис Кира», или «Отступление десяти тысяч», в котором Ксенофонт описал отступление 10 тыс. греческих наемников-гоплитов из Месопотамии на север к Трапезу после злополучной для них битвы при Кунаксе (401 до н. э.). Это произведение высоко ценилось античными риториками и оказало огромное влияние на латинскую прозу.
- 163 *Карл (Шарль) I Орлеанский* (1394–1465) – герцог Орлеанский (1407–1465), граф де Блуа, де Дрё и де Куртене, французский феодал и военачальник, член королевского дома Валуа, один из самых выдающихся средневековых поэтов Франции.
- 167 «*Таласса! Таласса!*» (гр. «Море! Море!») – восторженный возглас отступающих эллинов при виде водной глади Понта Эвксинского, знаменовавший окончание их утомительного и опасного перехода («Анабасис» Ксенофонта).
- 167 «*Убивайте всех, Господь узнает своих!*» – фраза, приписываемая легату Арнольду Амальрику, участнику Альбигойского крестового похода (1209–1229), произнесшему ее, когда крестоносцы пришли в замешательство, взяв приступом город Безье и найдя там единоверцев, которых не могли отличить от еретиков.
- 167 *Мадам де Севинье* (Мари де Рабютен-Шанталь, баронесса де Севинье, 1626–1696) – французская писательница, автор «Писем» – самого знаменитого в истории французской литературы эпистолярия.
- 167 *Витре* – город во французском департаменте Иль и Вилен региона Бретань, лучше других сохранивший свои средневековые укрепления. В Витре находится позднеготический замок Роше-Севинье, который в XVII в. служил загородным домом знаменитой мадам де Севинье.

- 169 «Антезит» – безалкогольный напиток со вкусом лакрицы.
- 170 *Рок, Жаклин* (1927–1986) – вторая жена Пикассо. Прожив с ней последние 20 лет своей жизни, Пикассо создал более 400 портретов супруги.
- 176 *Коро, Жан Батист Камиль* (1796–1875) – знаменитый французский художник-пейзажист.
- 246 177 *Машо, Гийом де* (1300–1377) – французский поэт и композитор, важнейший представитель музыкального стиля «арс нова».
- 177 «*Большой Мольн*» (1913) – единственный крупный роман французского писателя Алена-Фурнье (наст. имя Анри Фурнье, 1886–1914), погибшего на фронте в начале Первой мировой войны. В «Большом Мольне» описывается романтическая «история молодого человека». Ивонна де Гале – возлюбленная, а затем жена одного из главных героев, Франсуа Сереля, умирающая при родах.
- 180 *Наварра, Андре* (1911–1988) – французский виолончелист.
- 181 *Маро, Клеман* (1496–1544) – французский поэт эпохи Ренессанса, видный гуманист. Состоял на службе у Маргариты Наварской, где сблизился с реформационным движением, а с 1526 г. был назначен придворным поэтом. С 1538 г. Маро перевел псалмы Давида, ставшие боевой песней гугенотов.
- 181 *Гудимель, Клод* (1505–1572) – французский композитор и музыкальный теоретик. Переложил на хор протестантские псалмы. Убит в Лионе в Варфоломеевскую ночь.
- 182 «*Ребекка*» (1940) – мистический триллер Альфреда Хичкока (1899–1990), экранизация одноименного романа Дафны Дюморье, получившая две премии «Оскар».
- 182 *Фонтейн, Джоан* (род. 1917) – англо-американская актриса, прославившаяся ролями в классических

- фильмах Альфреда Хичкока – «Ребекка» (1940) и «Подозрение» (1941). Лауреат премии «Оскар» (1941). Одна из последних голливудских кинодив 1930-х гг.
- 182 «Манюфранс» – французская фирма, выпускающая гладкоствольные охотничьи ружья различного калибра.
- 183 *Фризон-Рош, Роже* (1906–1999) – французский альпинист, автор множества книг, посвященных Альпам, Сахаре и Арктике: «Биваки под луной, Т. 2: Гора с письменами» (1952).
- 183 *Уимпер, Эдвард* (1840–1911) – английский иллюстратор, альпинист и путешественник. Совершил первое восхождение на Маттерхорн в 1865 г.
- 184 *Бичем, Томас* (1879–1961) – британский дирижер, оперный и балетный импресарио.
- 184 *Квартет Лёвенгута* – французский струнный квартет, созданный в 1929 г. в Париже скрипачом Альфредом Лёвенгутом.
- 184 *Моиз (Муаз), Марсель Жозеф* (1889–1984) – французский флейтист и педагог.
- 186 «*Остров голых женщин*» (1953) – фильм французского режиссера и сценариста Анри (Генри) Лепажа (1898–1970).
- 186 «*Кутеж в кабаках*» (1952) – французская кинокомедия Андре Пелленка с Луи де Фюнесом в главной роли.
- 186 «*Ты – яд*» (1958) – французско-итальянский детективный фильм Робера Оссейна.
- 188 *Саул* – первый царь и основатель объединенного Израильского царства (ок. 1029–1005 до н. э.), создатель регулярной еврейской армии, воплощение правителя, поставленного на царство по воле Бога, но ставшего Ему негодным. Саул был выбран и помазан на царство пророком Самуилом. Будучи серьезно ранен и проигрывая битву с филистимлянами

при горе Гелвуде, Саул покончил жизнь самоубийством. Обнаружив среди павших тело Саула, филистимляне отсекли его голову «и послали по всей земле филистимской, чтобы возвестить о сем в капищах идолов своих и народу» (1 Цар. 31: 8–9), а тело Саула вывесили на стене Вефсана.

- 188 «*Лилия долины*» (1836) – роман О. де Бальзака из «Этюдов о нравах», где описывается история платонической любви между Феликсом де Ванденессом, младшим ребенком из аристократической семьи, и госпожой де Морсоф, добродетельной супругой графа де Морсофа.
- 189 «*Мемориал Святой Елены*» (1822–1842) – многотомные мемуары о Наполеоне, написанные французским историком графом Эмманюэлем Огюстеном Дъёдонне Жозефом Лас Каза (1766–1842) и заложившие основы бонапартизма.
- 189 «*Рабство и величие военной жизни*» (1835) – мемуары А. де Виньи (1797–1863), имевшие шумный успех.
- 189 «*Созерцания*» (1856) – поэтический сборник В. Гюго, состоящий из 6 циклов, разделенных на 2 части относительно даты гибели Леопольдины Гюго (1843): «Некогда» (стихи 1830–1843 гг.) и «Ныне» (стихи 1843–1856 гг.).
- 189 *Леопольдина* (1824–1842) – старшая дочь В. Гюго от брака с Адель Фуше. Утонула вместе с мужем Шарлем Вакери, катаясь на лодке по Сене. Памяти дочери Гюго посвятил стихотворение «В Виллекье» (1844), вошедшее в «Созерцания».
- 191 *Мосаддык, Мохаммед* (1882–1967) – премьер-министр Ирана (1951–1953). 19 августа 1953 г. Мосаддык был свергнут, к власти пришел генерал Фазлолла Захеде, который вернул нефтяные концессии США и Великобритании и восстановил с ними дипломатические отношения. После свержения Мосаддык был сослан в имение Ахмедабад под Тегераном, где долгое время находился под надзором властей.

- 192 *Сорейя Асфандияри Бахтияри* («Принцесса с грустными глазами», 1932–2001) – вторая супруга Мохаммеда Реза Пехлеви, последнего шаха Ирана, с 1951 г. Дочь знатного иранца и немки, родившейся в России. Поскольку брак с шахом оказался бездетным, по мусульманским законам супруги были вынуждены развестись в 1958 г. Сорейя уехала в Европу, где стала «иконой» высшего света и впоследствии умерла в своей парижской квартире.
- 192 «Общество св. Викентия де Поля» – международная католическая благотворительная организация, созданная в 1833 г. в Париже группой мирян и названная в честь католического святого Викентия де Поля (1581–1660).
- 192 *Озанам, Антуан Фредерик* (1813–1853) – французский историк литературы и философии, общественный деятель, инициатор католической благотворительной организации «Общество св. Викентия де Поля», блаженный католической церкви.
- 192 *Ламенне, Фелисите Робер* (1782–1854) – знаменитый французский писатель, аббат. «Слово верующего» (1834) оказало громадное влияние на тогдашнее французское общество. В форме библейских псалмов и евангельских притч Ламенне критикует существующий экономический и политический строй, противоречащий требованиям религии, и выступает защитником кооперации, права на существование, равенства полов и народного суверенитета. Папа римский осудил «Слово верующего» особой энцикликой.
- 195 *Битва при Дьенбьенфу* (1954) – сражение между французской армией и силами Вьетмина, закончившееся победой Вьетнамской народной армии. Битва при Дьенбьенфу считается решающим сражением Первой Индокитайской войны.
- 195 *Женевская конференция* (1954) – международная конференция, проходившая в Женеве при участии

- министров иностранных дел СССР, КНР, Великобритании, США и Франции, в подготовке соглашений участвовали также представители КНР, ДРВ, Камбоджи, Лаоса и Южного Вьетнама. Вторая половина конференции была посвящена судьбе Индокитая. На ее ход оказало большое влияние поражение французского экспедиционного корпуса при Дьенбьенфу, произошедшее непосредственно в ходе конференции. 21 июля были заключены Женевские соглашения, завершившие колониальную войну Франции в Индокитае и определившие дальнейшую судьбу бывших французских колоний в регионе.
- 195 *Чжоу Эньлай* (1898–1976) – политический деятель Китая, первый премьер Госсовета КНР с момента ее образования в 1949 г. до своей смерти, видный дипломат.
- 195 *Мендес-Франс, Пьер* (1907–1982) – французский лево-центристский политический деятель, занимал важные государственные посты в Третьей и Четвертой республике. Как член партии радикалов, Пьер Мендес-Франс стал лидером кабинета в 1954 г., заключил мир, окончивший Индокитайскую войну, и начал процесс передачи независимости Марокко и Тунису.
- 196 *Арон, Робер* (1898–1975) – французский писатель, автор множества политических и исторических работ. Член Французской академии (1974). «История Виши, 1940–44» (1956).
- 197 *Пьер Мессиа́н* (1883–1957) – французский переводчик и толкователь Шекспира, отец знаменитого композитора и органиста Оливье Мессиа́на.
- 197 «*Лагард и Мишар*» – иллюстрированная школьная антология в 6 тт., с биографиями и избранными текстами французских авторов. Долгое время служила основой среднего образования во Франции и других франкофонных странах. Составлена Андре Лагардом (1912–2001) и Лораном Мишаром

- (1915–1984), преподававшими французскую литературу в лицее в 1950–60-х гг.
- 197 «*Пьяный корабль*» (1871) – одно из самых знаменитых стихотворений Артюра Рембо (1854–1891).
- 199 *Бандунгская конференция* – конференция 29 стран Азии и Африки, прошедшая в Бандунге (Индонезия) 18–24 апреля 1955 г. Инициаторами конференции выступили Индия, Индонезия, Бирма, Пакистан и Шри-Ланка. СССР, Австралия и Новая Зеландия, Израиль, КНДР и Республика Корея, Тайвань и ЮАР приглашены не были. Итоговый документ включал 10 принципов мирного сосуществования и международных отношений. В результате конференции был создан единый фронт народов Азии и Африки. Согласованной платформой конференции стали антиимпериализм и антиколониализм.
- 200 *Бенефициар* – лицо, которому предназначен денежный платеж; получатель денег, выгоды, прибыли, доходов. Обычно бенефициаром является экспортер, продавец товаров или услуг, которые являются предметом международного договора купли-продажи.
- 202 *Брандт, Вилли* (наст. имя Херберт Эрнст Карл Фрам, 1913–1992) – немецкий политик, социал-демократ, четвертый федеральный канцлер (1969–1974), лауреат Нобелевской премии мира (1971).
- 205 *Дранси* – нацистский концентрационный лагерь для интернированных, расположенный недалеко от центра Парижа, где содержались евреи перед отправкой в лагерь смерти. Из Дранси вывезли 65 тыс. евреев, из которых 63 тысячи были убиты.
- 205 *Жакоб, Макс* (1876–1944) – французский поэт, романист и художник. В 1944 г. Жакоб был арестован гестапо как еврей и гомосексуалист, отправлен в тюрьму Орлеана, а затем в лагерь Дранси, где через несколько дней умер от воспаления легких.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

252

ПЬЕР ГИЙОТА

КОМА

В конце 1970-х годов Пьер Гийота начал писать «Истории Самора Машеля» – гигантский роман о судьбе алжирского раба, соблазнителя и пророка, торгующего собой. Писательский труд потребовал непомерной концентрации воли и постепенно стал вытеснять реальность. Пьер Гийота перестал есть и питался только компралгилом – анальгетиком, который в ту пору можно было купить без рецепта. В декабре 1981 года Пьер Гийота впал в кому: он спустился в бездну самоуничтожения и воскрес. «Кома» – книга о том, как дух поедает тело.

ЭРКЮЛИН БАРБЕН

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

**АНТОНЕН АРТО
ГЕЛИОГАБАЛ**

253

Антонен Арто более всего известен как легендарный основатель Театра Жестокости, выдающегося проекта, полностью изменившего природу театра и перформанса, а также как поэт-сюрреалист и кинорежиссер. В 1933-м году издатель Робер Деноэль предложил Арто написать биографию Гелиогабала. Книга Арто отражает его собственные интересы наравне с теми, которые были свойственны Гелиогабалу. «Я написал эту „Жизнь Гелиогабала“ так, как я проговорил бы ее, словно пересказывая».

**АЛЕКСАНДР ИЛЬЯНЕН
БУТИК VANITY**

Светящееся здание «Бутика Vanity» теперь открыто для посещения. Пустующие этажи романа-с-ключом и романа-без-вранья, нового романа и петербургской повести Александр Ильянен заполняет прозой высокой концентрации, прекрасной ясности, хирургической точности – и давно забытого образца. Чтобы оценить возможности этой эфирной скорописи, не нужны навыки дешифровщика: так мог бы писать какой-нибудь пушкин-007 – обезьяна, тигр и француз в одном прозрачном флаконе.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

254

**АЛЬФРЕД ДЁБЛИН
ПОДРУГИ-ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ**

В марте 1923 года в Берлинском областном суде слушалось сенсационное дело об убийстве молодого столяра Линка. Виновными были признаны жена убитого Элли Линк и ее любовница Грета Бенде. Присяжные выслушали 600 любовных писем, написанных подругами-отравительницами. Процесс Линк и Бенде породил дискуссию в печати о порочности однополрой любви и вызвал интерес психоаналитиков. Заинтересовал он и крупнейшего немецкого писателя Альфреда Дёблина, который восстановил в своей документальной книге драматическую историю Элли Линк, ее мужа и ее любовницы.

**ДЖЕРЕМИ РИД
ИЗИДОР**

Роман знаменитого английского поэта посвящен Изидору Дюкассу, самому загадочному литератору XIX столетия, писавшему под псевдонимом граф де Лотреамон. Практически никаких свидетельств о жизни Лотреамона, произведения которого стали всемирно известны лишь через полвека после его ранней кончины, не сохранилось, и Джереми Рид реконструирует биографию автора «Песен Мальдорора».

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

ПЬЕР ГИЙОТА

255

ЭШБИ

«Я написал пролог к „Эшби“ в Алжире, за несколько дней до моего ареста. „Эшби“ для меня – это книга компромисса, умиротворения, прощания с тем, что было для меня тогда самым „чистым“, самым «нормальным» в моей прошлой жизни, прощания с традиционной литературой, с очарованием англосаксонской романтики, с ее тайнами, оторванностью от реальности, изяществом и надуманностью. Но под этой игрой в примирение с тем, что я считал тогда самым лучшим, уже прорастал и готов был выплеснуться мощный бунт „Могилы для 50000 солдат“, подпитывавшийся тем, что очень долго скрывалось во мне, во всем том диком и „взрослом“, в чем я не решался признаться даже самому себе, в этой грубой варварской красоте, таившейся в глубине моего прошлого».

Книги издательств «Митин Журнал»
и «KOLONNA PUBLICATIONS»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7
«Гилея» Тверской бульвар, д. 9
«Молодая гвардия» ул. Б. Полянка, д. 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в *Петербурге*:

«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28
«Индиго» Невский пр., д. 32-34
«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
ДК им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «БЕРРОУНЗ», тел. (495) 971-47-92

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Пьер Гийота ВОСПИТАНИЕ

КОЛОННА PUBLICATIONS. Россия, Тверь, улица Л. Базановой, 20

Подписано в печать 11. 01. 2011. Тираж 500 экз. Заказ №

Формат 70 × 100/32. Объем 8 п. л. Гарнитура ГТС CHARTER

Подготовлено на оборудовании APPLE MACINTOSH

Отпечатано в ооо «Осташковская Типография»

172750, Россия, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, 33